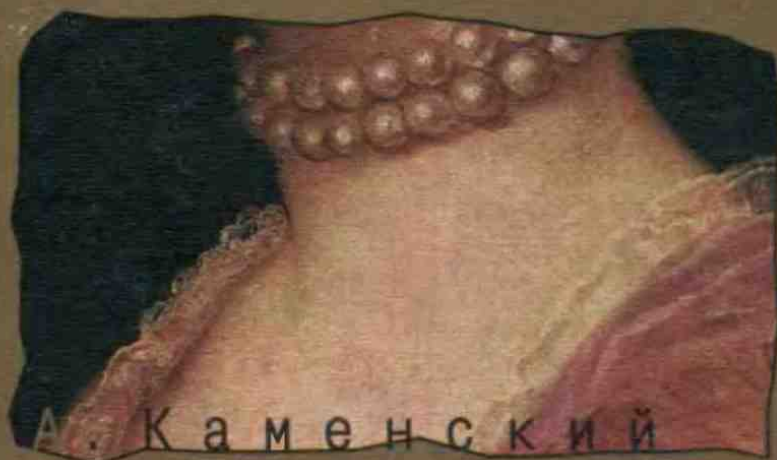

HISTORIA ROSSICA

А. Каменский

Российская
империя
в XVIII веке:
традиции и
модернизация

HISTORIA
ROSSICA

Александр Каменский

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРИЯ
В XVIII ВЕКЕ:

ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1999

Художник
Д. Черногаев

Каменский А.

Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 328 с.

Книга известного отечественного историка Александра Каменского посвящена русскому XVIII веку — веку Просвещения. Именно для этого времени был характерен процесс модернизации, процесс преобразований, постепенно превращавших старую, традиционную Русь в «Россию молодую», новую. «Историк — человек своего времени, и те вопросы, которые он задает прошлому, даже если он этого не сознает, в той или иной степени этому времени созвучны, — пишет автор. — События в России 1992-1994 гг., конечно же, не могли не сказаться на моей книге. Быть может, уже вскоре историки следующего поколения станут искать в России XVIII века нечто иное, но пока что, как мне кажется, поставленные в книге вопросы остаются актуальными. И именно с ними связан подзаголовок книги — «Традиции и модернизация»».

ISBN 5-86793-073-4

© А.Б. Каменский, 1999

© Художественное оформление. Новое литературное обозрение, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие к американскому изданию	10
ГЛАВА 1. <i>Третий Рим накануне реформ</i>	17
ГЛАВА 2. <i>Рождение реформатора</i>	49
ГЛАВА 3. <i>Начало империи</i>	83
ГЛАВА 4. <i>“Эпоха дворцовых переворотов”</i>	135
ГЛАВА 5. <i>“Вы знаете, чья я дочь...”</i>	179
ГЛАВА 6. <i>Век Екатерины Великой</i>	209
ГЛАВА 7. <i>Империя наступает</i>	261
ГЛАВА 8. <i>“Он хотел быть Иоанном IV”</i>	283
Заключение	301
Примечания	307
Именной указатель	317

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Летом 1992 года мне стало известно, что профессор университета штата Северная Каролина в городе Чепел Хилл (США) Дональд Рейли, являющийся редактором серии книг «Новая русская история» издательства «М.И. Шарп», намеревается предложить мне написать книгу о России XVIII века. Замысел при этом был таков, чтобы, с одной стороны, книга содержала все основные факты российской истории этого времени и, таким образом, могла быть использована американскими студентами в учебных целях, а с другой — носила монографический характер, то есть была основана на определенной целостной концепции.

Предложение было одновременно и заманчивым, и пугающим. Заманчивым, потому что возможность написать новую книгу всегда привлекательна, а пугающим, потому что до этого предметом моих научных занятий была преимущественно лишь вторая половина столетия. Более того, я сознавал, что изложить концепцию целой исторической эпохи — значит взять на себя большую ответственность. Впоследствии в кратком введении к американскому изданию я даже написал, что подобную книгу, наверное, лучше писать в конце научной карьеры, когда вероятность того, что взгляды изменятся радикальным образом, уже невелика. Вместе с тем по существу предложение профессора Рейли означало challenge — вызов, возможность испробовать свои силы, и я полагал, что если не приму его, то, возможно, потом всю жизнь буду об этом сожалеть. Впрочем, быстрого ответа от меня не требовали. Более того, издательство собиралось заключить договор, лишь когда книга уже будет написана и оно удостоверится в ее качестве.

Весной 1993 года мне предстояла поездка в США, я предполагал встретиться с Дональдом Рейли и обсудить с ним все детали. Однако уже задолго до этого почти помимо моей воли я все чаще и чаще стал задумываться о том, что могло бы стать стержнем будущей книги. Я пытался найти главное, системообразующее в жизни России XVIII столетия. И постепенно я пришел к выводу, что важнейшим для русского Века Просвещения был процесс модернизации, преобразований, постепенно превращавший старую, традиционную Русь в «Россию молодую», новую. Мне показалось важным попытаться рассмотреть этот процесс на достаточно длительном хронологическом отрезке, чтобы увидеть, действительно ли реформы в России, как это нередко утверждают, непременно сменяются контрреформами и развитие страны носит не линейный, а циклический характер. К тому времени, когда я приехал в Америку, ключевые моменты в моем видении России XVIII века уже были сформулированы, и я даже осмелился изложить их в публичной лекции, прочитанной в университете в Чепел Хилле. Здесь одним из моих слушателей был коллега Д. Рейли, замечательный знаток того периода русской истории, которому была посвящена лекция, профессор Дэвид Гриффитс. Позднее я был очень обрадован, узнав, что он согласился стать переводчиком моей книги. Переводя ее, он сделал немало полезных замечаний по содержанию и обратил мое внимание на ряд неточностей и ошибок, за что я ему очень признателен.

Работа над книгой началась той же весной 1993 года в Стэнфордском университете, где я читал курс лекций американским аспирантам, специализирующимся по русской истории. Зная особенности американской системы образования, в силу которых изучение истории России может начинаться непосредственно с XVIII века, я счел необходимым предварить книгу вводной главой о допетровской Руси, ибо без хотя бы элементарных представлений об этом, как мне казалось, невозможно понять все произошедшее позже. Написать такую главу мне, никогда не занимавшемуся специальными исследованиями этого периода, было особенно трудно. Очень помогли беседы с профессором Стэнфорда, великолепным специалистом по истории нашей страны XVI—XVII веков Нэнси Коллименн. Однако то, что получилось, не может, конечно, претендовать ни на полноту, ни на сколько-

нибудь основательную концептуальность. Это лишь мое видение, мое понимание ранней истории России, причем ограниченное задачами книги.

Историк — человек своего времени, и те вопросы, которые он задает прошлому, даже если он этого не сознает, в той или иной степени этому времени созвучны. События в России 1992 — 1994 годов, конечно же, не могли не сказаться на моей книге. Быть может, уже вскоре историки следующего поколения станут искать в России XVIII века нечто иное, но пока что, как мне кажется, поставленные в книге вопросы остаются актуальными. И именно с ними связан подзаголовок книги «Традиции и модернизация», который, увы, не понравился американским издателям и был заменен на гораздо менее соответствующий ее содержанию — «В поисках своего места в мире». В русском издании я с удовольствием восстанавливаю первоначальное название.

При подготовке русского издания в текст были внесены некоторые изменения: удалены отдельные пояснения, необходимые только американскому читателю, и, наоборот, введены некоторые дополнения, которые могут быть интересны читателю русскому. Необходимо отметить, что за время, прошедшее после написания книги, в течение нескольких лет, пока она переводилась на английский язык и была наконец в 1997 году издана, у нас в стране и за рубежом вышел ряд исследований, имеющих непосредственное отношение к ее теме, но учесть которые уже было невозможно. Это в первую очередь новые книги Е.В. Анисимова «Россия без Петра» (СПб., 1994) и «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого», книги О.Г. Чайковской (М., 1998) и Н.И. Павленко (М., 1999) о Екатерине Великой, монография В.М. Живова «Язык и культура России XVIII века» (М., 1997), русское издание книги Р. Масси «Петр Великий» (Смоленск, 1996), исследование о нем же английской исследовательницы Л. Хьюз (L.Hughes, «Russia in the Age of Peter the Great», 1998) и ряд других. За эти годы в разных странах мира прошло несколько интереснейших конференций, на которых обсуждались многие поднимаемые в книге вопросы. История России XVIII века продолжает быть предметом самого пристального научного интереса, ибо все в большей степени приходит понимание того, что событиям этого времени суждено было сыграть в русской истории чрезвычайно важную роль.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Совсем недавно одна серьезная вдумчивая студентка пожаловалась моему коллеге, что никак не может понять, каким образом в России XVIII века рационалистическая философия мирно уживалась с искусством барокко. Коллега сразу же назвал несколько работ, которые, как ему казалось, содержат исчерпывающий ответ, но студентка осталась недовольна: работы эти она читала, но ответы в них ее не удовлетворили. И действительно, одно дело логично объяснить какое-то явление, как это делают ученые, и совсем другое — осознать, понять его. А сознание между тем сопротивляется и никак не хочет смириться с тем, что представляется противоестественным. А ведь это лишь один из парадоксов, характерных для русской истории XVIII века...

Наверное, всему миру известно имя русского царя Петра Великого, хотя, конечно же, далеко не все знают, когда именно он жил и что именно совершил. Для многих это просто легендарная личность, с которой связано становление России как великой державы. Те, кто ближе знаком с русской историей, знают, что действительно в первой четверти XVIII столетия во время правления императора Петра I в России произошли столь быстрые и глубокие изменения, что им вряд ли можно найти аналог в мировой истории. В результате этих изменений Россия стала играть одну из ведущих ролей в мировой политике, превратившись в мощную империю, чьи политическая система и государственные институты, по крайней мере внешне, мало отличались от европейских. Прошло еще около столетия, и в самой России стали высказываться мнения, что преобразования Петра были ошибкой, что из-за них Россия сошла с некоего особого, только

ей присущего и Богом предначертанного пути. Срединное положение России между Европой и Азией, ее предназначение как хранилища истинной христианской веры — православия, наконец, как казалось, невозможность соединения национальных культурных традиций с ценностями европейской цивилизации привели некоторых русских мыслителей к убеждению, что их родина — это особый мир. Не Европа, не Азия, а нечто уникальное, что уже в XX веке стали называть Евразией. С точки зрения адептов этих взглядов, петровская модернизация России на западный лад была трагедией русского народа, которому в результате этого грозила потеря своего национального лица. Доказательством справедливости этих рассуждений стала для многих революция 1917 года, своего рода Божья кара за грехи предков.

Но если начиная со времен Петра I Россия действительно шла путем европейской цивилизации, то почему же именно ей и ее народу суждено было пережить страшный коммунистический эксперимент и почти до конца XX века сохраниться в качестве одной из последних в мире империй? Был ли октябрьский переворот 1917 года результатом просто неблагоприятного стечения обстоятельств или закономерным итогом развития страны? Да и что, собственно, такое этот пресловутый «особый путь» России, с которого не следовало сходить, в чем его особенность? Ответов на все эти вопросы и в самой России, и за ее пределами существует множество. Немало написано о России как об особой цивилизации и о ее приверженности деспотизму, о великой исторической роли русского народа и о Советском Союзе — «империи зла», о высокой духовности русской культуры и об экспансионистской внешней политике, о вековой дружбе народов России и о русском шовинизме, о богатой и мощной державе и о нищей полуголодной крестьянской стране. Тема судьбы России, думаю, никогда не иссякнет, а споры вокруг нее никогда не утихнут. И лишь их накал станет, возможно, меньше, если в течение достаточно долгого исторического периода страну снова не постигнут страшные потрясения, вроде тех, что она пережила в XX столетии. Вновь и вновь будут возникать новые гипотезы и теории, высказываться полярные мнения и суждения. И долго еще в центре споров будут события начала нынешнего века, как некая сердцевина русской трагедии, как вечная загадка истории. Над ее разрешением будет биться не одно поколение историков, и всякая

новая версия будет порождать новые вопросы и новые споры. Так, например, если мы признаем, что случившееся в ноябре 1917 года было закономерным итогом развития страны, то немедленно возникает вопрос: какие именно события или явления русской истории, какой ее момент или период оказались для нее критическими, роковыми, определяющими? И опять ответов может быть сколько угодно.

Казалось бы, история, прошлое даны нам однажды и навсегда, ведь мы не вольны что-либо изменить в них, на что-либо повлиять. Но отношение русских людей к своей истории всегда было особым. Как заметил американский историк Сидней Монас, прошлое для русских «всегда обладало неодолимой властью над будущим, проявляя столь подавляющую силу, что иногда, в самых крайних своих проявлениях, она порождает иллюзию, что, если изменить тексты, в которых зафиксировано и интерпретировано прошлое, можно обрести волшебную власть над будущим»¹.

Подобное восприятие истории конечно же не случайно. Оно порождено слишком большим числом катастроф, резких поворотов, которые пришлось пережить народу, в особенности в нынешнем веке. В отличие от американцев, которые, по мнению Монаса, лимитирующего давления прошлого на будущее не испытывают, русский человек, оказавшись на очередном перекрестке истории, всякий раз, как витязь на картине художника В.М. Васнецова, останавливался, задумывался и невольно оглядывался на свое прошлое, ища в нем ответ на вопрос, какую дорогу выбрать. К сожалению, остановиться и задуматься на историческом перекрестке можно лишь мысленно. Бег времени неумолим, и прежде чем успевали погаснуть споры на одном историческом рубеже, как уже на новом они вспыхивали с новой силой. К тому же сама русская история, ее изложение и трактовка в книгах и учебниках, издававшихся в России, многожды переписывались и перекраивались в угоду политической конъюнктуре. «Мы помним, — писал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», — не быль, не историю, а только тот штампованный пунктир, который и хотели в нашей памяти пробить непрерывным долблением». Как остроумно заметил в связи с этим историк Юрий Афанасьев, «мы живем в стране с непредсказуемым прошлым». Парадокс, однако, в том, что эти слова справедливы и еще в одном смысле, ибо

на каждом новом этапе значение тех или иных событий прошлого предстает перед нами в новом свете, становится подчас более явным, а то, что еще недавно казалось малозначительным, вдруг, неожиданно даже для профессиональных историков, выходит на первый план, приобретает новое звучание.

Как и всякий историк, автор этой книги, конечно же, тоже имеет свою точку зрения на русскую историю, причины тех или иных ее событий и явлений, взлетов и падений. И хотя естественно, как всякий автор, я уверен в своей правоте, я вовсе не думаю, что знаю ответы на все вопросы, и прекрасно сознаю, что моя версия — это всего лишь одна из многих возможных. По моему убеждению, русская революция начала XX века действительно была закономерным итогом развития страны в течение нескольких столетий, хотя это вовсе не значит, что она была неизбежна. Чтобы понять причины происшедшего, необходимо, на мой взгляд, попытаться заново проанализировать историческое прошлое, ибо, как выразился однажды социолог Юрий Левада, «мы не можем переделать историю, но мы обязаны передумать ее»². Речь идет, конечно же, не о том, чтобы в очередной раз переписать историю. Целью переосмысления событий прошлого должно стать выяснение того, почему революция в России стала возможной. Иначе говоря, какие именно особенности социально-политического развития страны сделали ее историю особенной и неповторимой.

Вполне понятно, что особенной и неповторимой является история любой страны и любого народа. Так, Англия уже в XVII веке после недолгого правления Кромвеля обрела в общих чертах ту политическую систему, которая существует и поныне. Франции пришлось пережить для этого целое столетие войн и революций. Остававшаяся в течение долгого времени раздробленной Германия достигла единства в войнах с соседями лишь во второй половине XIX века, чтобы снова потерять его в середине XX и вновь обрести после поражения коммунизма. Этот ряд примеров уникальности всякой национальной истории можно продолжать до бесконечности, но все же мы знаем, что, несмотря на все отличия и противоречия, и Англия, и Франция, и Германия принадлежат к одной европейской цивилизации. Лучшие ее ценности были заимствованы народом Соединенных Штатов, который, развив и дополнив их, немало способствовал тому,

чтобы в XX веке европейская цивилизация стала цивилизацией всего западного мира. Оказалось, что многие основополагающие ценности этой цивилизации универсальны и могут быть достоянием разных народов, вне зависимости от их национальной, расовой и религиозной принадлежности. К концу нынешнего столетия западная цивилизация проявила себя как наиболее эффективная, способная обеспечить человеку самое высокое качество жизни. Вполне вероятно, что уже через несколько десятилетий приоритеты человечества изменятся, но сегодня, когда пишутся эти строки, они именно таковы. И именно поэтому, говоря об особости русского исторического пути, за точку отсчета мы должны брать усредненную западную модель. Но в том-то и дело, что Россия на протяжении столетий имела иные ценностные ориентиры, развивалась иным путем, хотя и заимствовала достижения западной культуры и научной мысли, аккумулировала их, но в итоге пришла к революции 1917 года, превратившей ее в уже действительно совсем особый мир. С помощью военной силы порядки этого «нового мира» удалось перенести даже на ряд стран Восточной Европы и Азии, но то, как достаточно быстро и сравнительно безболезненно большинство из них избавились от своего коммунистического прошлого, свидетельствует о том, сколь противоестественно оно было для них. Иначе обстоит дело в самой России. Почему, в чем причина? Почему так сложно идет процесс вхождения в мировую цивилизацию? Казалось бы, православие, как одна из ветвей христианства, никак не может отрывать русских от европейцев, ценности великой русской культуры давно приняты и оценены во всем мире как ценности всеобщие, окружающий Россию мир более не враждебен ей, не угрожает ее национальной независимости. И все же процесс идет с большим трудом. Чтобы объяснить это, и необходим анализ исторического прошлого. Это большой и сложный труд, требующий усилий многих и многих людей. Речь, конечно, не о том, чтобы историки оставили свои обычные занятия и принялись за историософские рассуждения. Вовсе нет. Я убежден, что каждый, работая в своей, подчас очень узкой и специальной сфере, вносит свой небольшой вклад в решение общей задачи — выяснение сути того своеобразия социально-политического развития страны, которое предопределило ее действительно особый исторический путь. По моему мнению,

этим особым историческим путем Россия шла всегда, на протяжении всей своей истории, и до Петра I, и после него, и после 1917 года.

Свою лепту в переосмысление русской истории должно внести и изучение истории России в XVIII веке. Оно имеет долгую и богатую традицию как в самой России, так и за ее пределами. Правда, в России советского времени в историографии был определенный перекосяк. Наиболее тщательно изучался петровский период, т. е. первая четверть века, в то время как три четверти века после смерти великого реформатора изучались сравнительно мало, в особенности проблемы политической истории. В определенной степени этот пробел был восполнен западными коллегами послевоенного поколения, прежде всего американскими и английскими. В последние годы книги о России середины и второй половины XVIII века стали появляться и в ней самой. Столь серьезная и скрупулезная работа нескольких поколений историков разных стран делает возможным попробовать окинуть историю России этого времени единым взглядом, пытаясь выяснить, какие именно ее события оказались наиболее значимыми с точки зрения исторической перспективы, какие именно процессы превратили ее в это время в одну из самых мощных империй мира.

Написать сравнительно небольшую книгу о целом столетии русской истории, столетии, о котором уже написаны сотни томов монографий и изданы сотни томов исторических источников, очень непросто. И вместе с тем именно подобная задача дает возможность выявить наиболее важное, сущностное. Важное и сущностное, конечно, опять же с моей точки зрения. И вновь необходимо повторить: изложенная в книге концепция русской истории XVIII столетия лишь одна из многих возможных и уже поэтому имеющая с ними равные права на существование.

Третий Рим накануне реформ

«Н еобходимость движения на новый путь была созна-
на, обязанности при этом определились: народ под-
нялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали
вождя; вождь явился» — так образно описал ситуацию в стране
накануне петровских преобразований крупнейший русский исто-
рик XIX века С.М. Соловьев¹. Чтобы понять смысл этих слов,
необходимо обратиться к более далекому прошлому и выяснить,
что представляла собой Россия XVII века и почему перемены в
ней стали возможны и необходимы.

В русской историографии долгое время было принято делить
историю России на два периода — московский и петербургский.
Понятие «Московская Русь» широко используется историками и
поныне. Так называют государство со столицей в Москве, суще-
ствовавшее до реформ Петра Великого и исчезнувшее в ходе его
преобразований. Считается, что Москва в числе других городов
Северо-Восточной Руси была основана ростовским князем Юри-
ем Долгоруким примерно в 1147 году. Находилась она вдалеке и
от Ростова, и тем более от Киева — центра тогдашнего государ-
ства. Вскоре, однако, Киевская Русь распалась на мелкие княже-
ства, еще через несколько десятилетий оказавшиеся завоеванны-
ми полчищами кочевников с Востока. Начался период татаро-
монгольского ига. С середины XIII века исторические судьбы
Северо-Востока и Юго-Запада Руси разошлись окончательно, а
уже в начале следующего столетия Москва стала одним из цент-
ров политической жизни возрождающейся страны.

Историки немало спорили о том, почему именно вокруг Мос-
квы объединились русские люди в новое государство. Говорили и
о ее отдаленности от Золотой Орды, и о том, что она находилась
на скрещении важных торговых путей, и об административных
талантах московских князей. Как и обычно в подобных случаях,

всякий был прав по-своему, а в возвышении Москвы свою роль сыграло, конечно, соединение различных благоприятных обстоятельств. В течение XIV века московские князья постепенно расширяли границы своих владений, успешно боролись со своими противниками и одновременно становились все более независимыми от татарских ханов.

Значение татаро-монгольского ига на Руси также было предметом пристального внимания нескольких поколений историков и вызывает споры до сих пор. Большинство сходится в том, что, нанеся сокрушительный удар по экономической жизни страны, иго значительно замедлило ее развитие. Именно в двухсотлетнем иге многие ищут причины отсталости России по сравнению с Западом, вызванной разорением и запустением русской земли, тяжелейшим иноземным гнетом. Но если одни историки видели в иге нечто чужеродное, с чем русские люди боролись на протяжении двух столетий, то другие именно в золотоордынском влиянии видели истоки русского деспотизма и тоталитаризма. Обращалось внимание на то, что Московская Русь заимствовала у татар систему налогообложения, принципы формирования армии и связанную с ними систему социальных отношений. Историк Г.В. Вернадский видел в Московской Руси прямую наследницу Золотой Орды².

Другие ученые утверждают, что и масштабы разорения, и тягость самого ига сильно преувеличены. Так, один из интереснейших русских историков XX века Л.Н. Гумилев считал, что «поход Батые по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной для того беспокойного времени»³. Историки этого направления обращают внимание на то, что завоеватели не посягали на национальные традиции и культурные ценности русского народа, не разрушали без нужды церкви и монастыри; их отношения с побежденными строились на традиционной для средневековья вассально-сюзеренной основе. Если раньше удельные князья признавали старшинство киевского князя, то теперь они достаточно легко восприняли свое положение вассалов золотоордынского хана, которого именовали царем, и не гнушались использовать связи при его дворе, в том числе матримониальные, для сведения счетов со своими политическими противниками. Всячески преуменьшая отрицательное значение татаро-монгольского завоевания, сторонники этой

точки зрения подчеркивают, что оно было для Руси меньшим злом, чем западное католическое влияние, ибо давало возможность сохранить собственную религию, а следовательно, и культуру*.

В нашу задачу детальное рассмотрение этого вопроса, конечно, не входит, хотя нельзя не согласиться с американскими историками Д. МакКензи и М. Карреном, что «сегодня уже невозможно отрицать важные и глубокие последствия монгольского правления для развития России»⁴. Для нас важно, что монгольское завоевание было важной вехой русской истории, а между Киевской и возникшей затем Московской Русью различие, по верному замечанию того же Л.Н. Гумилева, «не меньше, чем между Римом цезарей и Римом пап: и там и тут оно не в культуре, а в нравах и обычаях»⁵. Но откуда же взялись эти новые нравы и обычаи? Вот на этом необходимо остановиться, ведь причины появления новых нравов продолжали сказываться и в XVIII столетии, и даже позже.

Конечно, и разорительные междоусобные войны, и опустошающие набеги кочевников были постоянным явлением на Руси и до монгольского завоевания, но в междоусобной войне всякий раз победителем оказывалось то или иное русское княжество, а кочевникам, несомненно, более сильная Русь сопротивлялась вполне успешно. К тому же все эти события носили, как правило, локальный характер. На сей же раз завоеванию подверглась едва ли не вся территория Руси. И дело не в относительно небольшом количестве сожженных городов, на что указывает Гумилев, а в том, что это были крупнейшие и важнейшие из них. Деревянные города можно было отстроить сравнительно быстро, гарнизонов татары не оставляли даже в уцелевших городах, сдавшихся им без боя, а население нередко успевало уйти в лес и переждать там, чтобы потом вернуться на родное пепелище. Но одно дело отстроить заново несколько сожженных городов, а другое — десятки крупнейших. Если город был сожжен, значит, сопротивлялся захватчикам, а следовательно, вместе с ним было уничтожено и все дееспособное мужское население, и в лесах в лучшем случае спаслись женщины, дети и старики. И даже сдавшийся на милость победителей город после их ухода оказывался

---

* В основе подобной позиции — априорное убеждение, что православная культура обладает наивысшей ценностью.

разграбленным, ибо с собой они забирали все сельскохозяйственные запасы. Отрицать факт экономического опустошения страны после монгольского нашествия — дело, на мой взгляд, бесперспективное. Одним из важнейших следствий его было нарушение тех слабых еще хозяйственных связей, которые существовали между отдельными русскими землями. Не случайно русские ремесленники XIII — XIV веков отправлялись на заработки в Монголию, в Каракорум: на родине попросту не было рынка для их товаров.

Другое следствие монгольского нашествия — политическое. Сожженные города восстанавливались в иной стране, в иных социально-политических обстоятельствах. Прежде русские князья и сами ходили в далекие завоевательные походы, добираясь даже до стен Константинополя. Теперь князь Александр Невский, разбивший в 1240 году шведов, а два года спустя крестоносцев Тевтонского ордена, должен был на животе ползти к ханскому престолу, выпрашивая ярлык на княжение. Вполне очевидно, что международное значение Руси упало, на длительное время она оказалась выключенной из мировой политики.

Еще большим было воздействие монгольского ига на развитие социально-политических институтов Руси. По мнению большинства историков, до завоевания Древнерусское государство в целом развивалось в том же направлении, что и другие европейские страны. Споры идут лишь о том, на какой стадии развития находилась Киевская Русь, существовали ли в ней феодальные отношения. Полагаю, что некоторые выводы об этом можно сделать путем простых логических рассуждений без специального анализа характера тех или иных учреждений или системы социальных отношений.

Как известно, само Древнерусское государство сложилось в основном к концу IX века. К этому времени государственность в Западной Европе уже имела длительную историю, а система социальных отношений уже обладала многими из тех классических черт, которые так старательно и безуспешно ищут некоторые исследователи Киевской Руси. К тому времени, когда на Руси окончательно укрепилось христианство и стала распространяться письменная культура, Западная Европа уже знала не только церковную, но и светскую литературу и историографию. Между составлением так называемых варварских правд и «Русской правды» — пер-

вого известного нам русского свода законов — прошло несколько веков. Могла ли на Руси сразу же с появлением государства возникнуть развитая система феодальных отношений, подобная западноевропейской?* Сама постановка такого вопроса антиисторична, ведь для этого Руси надо было миновать определенные стадии развития, а на это требовалось время. Петербургский историк И.Я. Фроянов пришел к выводу, что в период расцвета Киевской Руси «крупное землевладение было развито слабо, а феодальные отношения едва лишь зарождались»; возникающий в это время судебный и финансовый иммунитет носил характер «дофеодального института»⁶. Эта точка зрения в свое время вызвала на ее автора целый поток резкой критики со стороны официальных советских историков, но если даже попытаться найти между позициями Фроянова и его оппонентов некую золотую середину, то и тогда обнаруженная нами точка на воображаемой шкале исторического развития Руси, думаю, покажет ее значительное отставание от западноевропейских современниц. Конечно, это отставание нельзя измерить ни в милях, ни в километрах, ни даже в единицах времени, но для нас важно, что к моменту завоевания политические институты Руси находились еще в процессе формирования, а следовательно, были хрупки и могли легко изменить направление развития. Заметим также, что после завоевания, когда великий князь фактически назначался ханом, условия для возникновения классического феодального иммунитета, сеньории и прочего были неблагоприятными. Правда, уже в XIV веке Московское княжество настолько окрепло, что престол там стал

---

* Использование термина «феодализм», в особенности применительно к России, вызывает, как известно, большие споры. Поскольку это лишь часть большой проблемы терминологии, останавливаться на ней в этой книге не представляется возможным. Замечу лишь, что в современной западной литературе понятие «феодализм» используется главным образом при описании периода государственной раздробленности. В России совсем недавно была сделана попытка описать средневековую Русь как «систему государственного феодализма», принципиально отличающуюся от феодализма в странах Западной Европы (см.: *Данилова Л.В.* Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия // Система государственного феодализма в России. М., 1993. Ч.1. С.40 — 92). Разбор этой концепции занял бы слишком много места, отмечу лишь, что, на мой взгляд, наряду с несомненными достижениями ей присущи серьезные внутренние противоречия. (См. подробнее: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999.

фактически передаваться по наследству, но это было уже новое государство, заново создававшее свои политические традиции.

Чрезвычайно важно и еще одно обстоятельство. В литературе давно уже стало общим местом рассуждение о роли аристократии как силы сдерживания деспотизма. В Древней Руси, где взаимоотношения князя и его окружения в значительной степени сохраняли черты общинной демократии, такой аристократии еще, конечно, не было. Но социальный слой, из которого при благоприятных условиях такая аристократия могла развиваться, был. Именно этот слой людей, по наблюдениям В.Б. Кобриня и А.Л. Юрганова, оказался фактически истребленным в ходе монгольского завоевания⁷. Таким образом, даже если, как считают некоторые историки, это наблюдение и не совсем точно, очевидно, что в новых условиях аристократии Московского государства предстояло возникнуть заново и в значительной степени из слоя людей, ранее находившихся на более низких ступенях социальной лестницы. Психология этих людей, традиции их отношений с княжеской властью были иными, в то время как сам институт княжеской власти монгольским завоеванием разрушен не был и, наоборот, укрепился. Если раньше князь был в дружине «первый между равными»⁸, аналогично тому как западноевропейские короли раннего средневековья были первыми среди своих рыцарей, то теперь князь оказался выделенным из своего окружения волею хана, своего сюзерена. Ярлык, полученный в Орде, изменил юридический статус князя, сделав его фактически наместником хана на определенной территории. К тому времени, когда в Москве определился состав знатных семей, из которых сложилась правящая верхушка, привилегированный слой нового государства, институт княжеской власти был уже достаточно развит и независим. Претенденты же на звание аристократов, наоборот, оказались в большей зависимости от князя, чем могло быть, если бы институты княжеской власти и аристократии развивались бы одновременно*.

---

* Несколько в иной интерпретации это положение присутствует и в концепции Л.В. Даниловой: «Господствующие сословия формировались здесь (в Северо-Восточной Руси. — А.К.) из пришедших вместе с князьями дружинников и административно-хозяйственных слуг. Глубоких местных корней у них не было, поэтому их социальное положение, возможность приобрести землю и зависимых людей, извлекать доходы находились в прямой зависимости от княжеской власти» (Данилова Л.В. Указ. соч. С. 58.)

Единое Московское государство складывалось в жестокой борьбе его князей за присоединение соседних княжеств. В каждом из них был свой князь со своим двором — «вольными слугами», которых издревле называли боярами. Каждый князь считал княжество своей вотчиной, т. е. наследственной собственностью, завоеванной его предками*. Но владельцами земли — вотчинниками — были и бояре, пользовавшиеся на своих землях определенным иммунитетом, главным образом судебным и фискальным. Насколько было развито боярское землевладение, неизвестно, ибо сохранившиеся источники до середины XV века очень немногочисленны⁹.

Феодальный иммунитет также носил ограниченный характер, ибо должен был быть подтвержден княжеской жалованной грамотой. В случае опалы земельные вотчины могли быть конфискованы, как это случилось, например, в середине XIV века с московским боярином А.П. Хвостом. В конце XV века великий князь московский Иван III, а затем его сын Василий III, не задумываясь конфисковали вотчины десятков новгородских и псковских бояр, депортировав целые роды в другие районы страны. Более того, само понятие вотчины, как показала Л.В. Данилова, означало в это время не только земельное владение, но вообще «наследственное владение (землею, княжеским столом, вообще какой-либо должностью)». Применительно к боярам источником получения вотчины была для них княжеская власть. Причем преобладало княжеское землевладение, а «главным источником доходов у бояр... были не земельные владения, а наместничьи и волостелины кормы», т. е. доходы, получаемые от управления определенными территориями страны¹⁰. Если прибавить к этому отсутствие специального законодательства о правах вотчинников, то становится ясно, что говорить о существовании на Руси XIV—XV веков права частной собственности на землю можно лишь с большой натяжкой**.

До поры до времени бояре формально имели право служить любому князю по своему выбору, даже если их вотчины находи-

---

* Как пишет Р. Пайпс, причиной этого было то, что Северо-Восточная Русь «была в основном колонизирована по инициативе и под покровительством князей; власть здесь предшествовала поселениям». (*Pipes R. Russia under the Old Regime. 1992. P. 40.*)

** В этом, на мой взгляд, основная ошибка концепции А.Л. Янова. (См.: *Yanov A. The Origins of Autocracy, 1981*)

лись в другом княжестве. Однако уже очень рано появляется и понятие измены. В 1375 году боярин Иван Вельяминов бежал из Москвы в Тверь к противнику московского князя, а спустя четыре года, пойманный, он был публично казнен. С середины XV века, когда складывание единого государства вступило в завершающую стадию, бояре и вовсе потеряли право отъезда от князя. В условиях жесткого противостояния сторонников и противников централизации московские князья, принимая на службу «вольных слуг» своих противников, самих удельных князей, приезжих татарских мурз или литовских князей, не желая рисковать, брали с них присягу в верности, причем не только за них самих, но и за их потомство. Таким образом, устанавливались отношения не между конкретным человеком и конкретным властителем, а между их родами, что также принципиально отличалось от системы сюзеренно-вассальных отношений в Западной Европе. С тех самых пор пренебрежение государственной службой и тем более желание эмигрировать стали восприниматься в России как форма измены.

Помимо поступавших на службу к московскому князю бывших владетельных князей и бояр-вотчинников была еще и масса безземельных людей, получавших землю от великого князя в виде жалованья за службу на правах условного держания. Их зависимость от княжеской власти была, естественно, еще большей. Чем более зависим был тот или иной слой населения, тем более надежной опорой князю он мог служить. Понятно, что государство должно было стремиться к превращению наибольшего числа подданных из свободных вотчинников в зависимых «служилых». С другой стороны, и само государство, княжеская власть зависели от тех, кто был для нее социальной и военной опорой. Выплачивая служилому человеку жалованье «населенными имениями» (термин более позднего времени), государство должно было гарантировать получение с этих имений постоянного дохода, достаточного, во-первых, для пропитания, а во-вторых, для возможности несения службы. А доход зависел от крестьян. В условиях свободного их передвижения гарантировать стабильность доходов помещиков, как, впрочем, и вотчинников было невозможно. Началось прикрепление крестьян к земле, их закрепощение, завершившееся к концу XVI века и окончательно закрепленное в Соборном уложении 1649 года.

Закрепощение крестьян характерно для всякого средневекового общества, но в России этот процесс начался со значительным опозданием и совпал не с увеличением имущественных прав землевладельцев, а, наоборот, с их сокращением. Очевидно, что характер крепостного права в России должен был быть иным. Важно также и то, что в любом обществе система взаимоотношений в верхнем социальном слое непременно в той или иной степени воспроизводится на нижних этажах. Так, система сюзеренно-вассальных отношений между королевской властью и дворянством Западной Европы была залогом того, что крепостное право там было обречено на относительно быстрое исчезновение. Отказ боярам в праве на передвижение, возникновение слоя служилых людей, обязанных государю службой и привязанных к своим поместьям, закрепление отношений подданства в России в верхнем слое гарантировали их повторение во всех социальных слоях.

Понятно, что все названные процессы и явления проявились далеко не сразу. Древнерусские традиции отмирали постепенно и еще долго сохранялись в привычках и обычаях создателей новой страны. Однако так же очевидно, что на их нравах, как и на вновь возникавших политических традициях, не могло не сказываться влияние ордынских образцов. Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением. Степень влияния этих образцов на Московскую Русь опять же невозможно выразить математически, но само оно было неизбежным уже потому, что новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими. Орда была сильна и могущественна, и было бы очень странно, если бы русские люди XIII—XIV веков, и в первую очередь их правители, не смотрели бы на нее как на модель для подражания.

Обратим внимание и еще на один, возможно важнейший, фактор. Как уже упоминалось, монгольские завоеватели не посягали на религиозные устои русского общества. В условиях ига православие обеспечивало единство русских людей и играло роль, аналогичную той, какую в течение многих веков играл иудаизм для евреев диаспоры. Религиозное единство было важнейшим условием,

идеологической базой создания новой государственности. Если бы не монгольское завоевание, то можно предположить, что православие на Руси подверглось бы сильному влиянию католической Европы и его судьба могла бы стать такой же, как в Юго-Западных землях, где значительная часть населения была окатоличена. Таким образом, иго способствовало сохранению православия, но при этом сохраниться оно могло, лишь консервируя все основополагающие каноны, не подвергая их какому-либо сомнению и не допуская в отношении их и доли свободомыслия. Это не способствовало развитию богословия и философской мысли, что впоследствии сказалось на развитии и судьбе Русской православной церкви. Одновременно роль церкви в объединении русских земель придавала ей черты государственного института и делала неизбежным в дальнейшем ее столкновение с государственной властью.

Немаловажными были и международные обстоятельства. Когда в 1204 году Константинополь был захвачен крестоносцами, то «эта потеря», по выражению Л.Н. Гумилева, «воспринималась на Руси как внезапная смерть близкого человека... Русь перестала быть частью мировой системы, а оказалась в изоляции...». И хотя вскоре крестоносцы были разбиты, «чувство горького одиночества осталось»¹¹. На протяжении последующих двух с половиной веков по мере явного упадка Византии, закончившегося окончательным падением Константинополя в 1453 году, это чувство духовного одиночества усиливалось. Вместе с ним усиливалось и сознание исключительной роли русского народа — хранителя истинной христианской веры, осознание того, что Москва — прямая наследница Византии, Третий Рим. Для того чтобы сохранить византийское наследство, необходимо было не только сберечь древние традиции православия, но и, по крайней мере отчасти, воспроизвести византийские политические традиции. Между тем политический строй Византии резко отличался от большинства стран Западной Европы: власть василевска здесь носила практически неограниченный характер, и его отношения с привилегированными слоями населения строились не на принципах вассалитета, а министералитета. В отличие от западноевропейского общества, где принадлежность к привилегированному слою обеспечивалась прежде всего происхождением, в Византии в течение долгого времени понятие «знатности»

фактически отсутствовало или не играло почти никакой роли. Гораздо важнее была служебная карьера, чин, должность. Многие из этих черт политического строя, как мы увидим, были воспроизведены в Московской Руси.

Таковы, на мой взгляд, важнейшие обстоятельства, способствовавшие складыванию нового русского государства как уникальной политической структуры, сочетавшей традиции с заимствованиями различного происхождения. Что же представляло собой это государство и как развивалось оно на протяжении первых веков своего существования?

Датой окончательного освобождения Руси от ордынского ига, как известно, считается 1480 год, когда великий князь московский Иван III перестал платить Орде дань, отказался ехать к хану, а сам хан Ахмат, придя с войском на Русь, вынужден был убраться ни с чем восвояси. К этому времени, как дружно отмечают историки, Московская Русь уже превратилась в «целостное государство с единым политическим центром, с единым реальным правительством»¹². Конечно, освобождение не пришло внезапно, а было результатом долгой борьбы, которую иногда сравнивают с реконкистой в Испании. Сравнение не совсем справедливо, ибо земли, на которых находилось Монгольское государство, не были исконно русскими и их присоединение к Москве, происшедшее значительно позже, было не восстановлением государства в прежних границах, а завоеванием новых территорий. За столетие до освобождения, в 1380 году, объединенные русские дружины под предводительством московского князя Дмитрия разбили татарское войско во главе с Мамаем на Куликовом поле. Это событие оставило глубокий след в народном сознании, продемонстрировало растущую силу нового государства, но, увы, не способствовало единству. Два года спустя хан Тохтамыш, которого русские князья в отличие от Мамаея считали своим законным сюзереном, сжег Москву дотла. Продолжалось острое соперничество Москвы с Тверским княжеством, а спустя еще полвека разразилась двадцатилетняя междоусобная «феодалная война». Когда к 1453 году она закончилась, выяснилось, что прежней могучей Орды больше нет: орда распалась под ударами Тимура и его наследников. Между тем Москва, как это часто бывает в подобных случаях, вышла из усьобицы еще более окрепшей и закаленной. Победа московских князей — потомков Александра Невского — значительно

упрочила их власть, и именно с этого времени тенденции ограничения политической самостоятельности всех социальных слоев, тенденции развития самодержавного режима стали проявляться наиболее явственно. На смену Московскому княжеству шло Московское царство.

В 60—70-е годы XV века, в правление несомненно способного государственного деятеля Ивана III, под властью Москвы оказываются сперва Псков, а затем Новгород, ликвидируются уделы ростовских и ярославских князей, победой заканчивается война с Казанским ханством. В 1485 году пала Тверь. В конце столетия и начале следующего Москва вела успешную войну с Великим княжеством Литовским. По договору 1503 года за Русью были закреплены захваченные во время войны обширные территории. В 1521 году ликвидированы великое княжество Рязанское и Углицкий удел, в 1533 году — Дмитровский. За 60 лет со времени вступления на трон Ивана III в 1462 году и до смерти его сына Василия III в 1533 году территория страны увеличилась в 6,5 раз, достигнув 2800 тысяч кв.км. Однако в этническом отношении страна была еще в основном однородной. Положение изменилось в 50-е годы XVI века, когда Иван Грозный завоевал Казанское и Астраханское ханства, а затем и Сибирь. «Под рукой» московского государя оказалось множество больших и малых народов, чьи судьбы отныне на многие века были связаны с Россией.

Расширение границ государства требовало совершенствования методов и аппарата управления. Поначалу, пока в составе Московского княжества сохранялись последние уделы, их владельцы обладали относительно большими суверенными правами и приглашались «к совету» с великим князем по важнейшим внутри- и внешнеполитическим вопросам. Но уже при Иване III эти приглашения стали носить формальный характер и были скорее данью традиции, чем политической реальностью. Права и обязанности удельных князей были закреплены в специальных документах, а великие князья бдительно следили за ними через своих соглядатаев при удельных дворах.

Другой влиятельной группой в верхушке Русского государства первой половины XVI века были служилые князья, владевшие своими бывшими княжествами или их частью как вотчинами и обязанные военной службой московскому князю. Уже эта обязанность делала их политически зависимыми, а к середине XVI века

они и вовсе слились со старомосковским боярством, получая чины при великокняжеском дворе. Обладатели высших чинов — бояре и окольные — составляли Боярскую думу.

Как метко заметил Р. Пайпс, «русские историки потратили немало чернил на дискуссии о том, обладала ли Дума законодательной и административной властью, или она лишь ратифицировала решения, принимаемые другими»¹³. Действительно, уже в недавнее время историк Г.Б. Гальперин утверждал, что Дума — это «высший государственный орган, который осуществляет вместе с царем законодательные функции в стране»¹⁴. Однако, как заметил А.А. Зимин, Дума собиралась нерегулярно, различные ее члены находились в неравном положении, нередко важнейшие государственные поручения давались лицам и вовсе не входившим в Думу, да и вообще «четкой регламентации деятельности лиц и учреждений в это время не было», а «реальными исполнителями предначертаний великокняжеской власти были дьяки»¹⁵. Если бы не последнее замечание Зимина, можно было бы, наверное, согласиться с предложением Р. Пайпса считать Думу «прото-кабинетом», но кабинет, правительство — это орган исполнительной власти, а оказывается, что и эти функции были не у бояр, а у дьяков — высших чиновников, происходивших зачастую из простолюдинов. И тут мы подходим к важнейшей особенности политического строя Русского государства XVI—XVII веков.

Как мы уже видели, высший социальный слой русского общества сложился из различных источников: членов великокняжеской семьи, служилых князей, старых московских боярских родов, «выезжих» из Орды, Литвы и других стран. Место этих людей при дворе московского князя определялось не происхождением, а чином, т.е. рангом, в который они были возведены государем. Правда, получение чина в значительной степени было наследственным, и человек, принадлежавший по рождению к старомосковской боярской семье, уже поэтому имел право рассчитывать на получение думного чина. Однако в этом большую роль играла традиция, из-за которой служилые князья, например, попали в Думу много позднее не потому, что были недостаточно знатны (само понятие знатности в европейском смысле было еще мало знакомо), а потому, что это не соответствовало традиции. Когда же традиция была нарушена и со второй четверти XVI века в Думу постепенно вливались представители всех перечисленных

выше групп, она уже никак не могла стать правительством и потому, что насчитывала несколько десятков человек (к концу XVII века более полутора ста), и потому, что по-прежнему функционировала спорадически и без каких-либо определенных правил. Дума никогда не была учреждением, что выразилось, в частности, в том, что у нее не было своего делопроизводства. С течением времени совет царя с Думой приобретал все более традиционно-ритуальный характер*, а чин боярина, окольничего, стольника прежде всего возносил его владельца на почетное место на социальной лестнице. Для получения чина необходимо было принадлежать по рождению к определенному социальному слою, но в конечном счете возведение в чин зависело от воли государя. Реальная же власть оказывалась в руках боярина, когда его чин был сопряжен с высокой административной, судебной или военной должностью. Конечно, и чин и должность были взаимосвязаны: кадры высших должностных лиц государства формировались из того же социального слоя, что и члены Думы. Как правило, это были одни и те же люди, но характерно, что именно должности, а не чины были в центре совершенно особого чисто русского явления — местничества.

Местничаться — значит оспаривать у другого место, должность, право быть выше на служебной лестнице. Пожаловать или не пожаловать боярский чин — это право государя, а вот назначение одного боярина на должность более высокую, чем у другого боярина, последний мог оспорить, если его предки традиционно занимали должности более высокие, чем предки его оппонента. И поэтому теперь ему быть ниже того боярина «невместно», это оскорбляет его достоинство, его честь. Таким образом, само понятие чести связывалось с должностью, со служебной функцией. Местом на служебной лестнице определялась родовая честь. Но и чин не был лишним. От него зависело жалование, т. е. материальное благополучие, да и местничаться можно было только обладателям высших чинов, только они считались «родословными людьми»¹⁶. Остальные просто «служилые». Они тоже служили государю, но в низших чинах, в основном детьми боярскими, и не в Москве, а в иных городах. Это были

---

* За исключением отдельных моментов, как, например, в малолетство Ивана IV, когда значение Думы резко возросло.

люди «неродословные», даже в том случае, когда они носили те же фамилии и титулы, что и их «родословные» московские однородцы. Таким образом, в системе понятий: знатность, богатство, высокий чин (ранг), высокая должность — наиважнейшим было последнее — должность, место в системе управления, получение которого зависело от царя и традиции и регулировалось институтом местничества. Как выразился русский философ XIX века К.Н. Леонтьев, «местничество носило в себе глубокослужебный государственный, чиновничий характер... Аристократия наша приняла... чиновный характер: чиновничество же, с своей стороны, — родовой, наследственный. Служба давала наследственные права»¹⁷.

В середине XVI века в России произошли важные события, связанные с именем Ивана Грозного. Когда в 1533 году умер его отец, Ивану было три года, и до его совершеннолетия страной правила группа бояр, постоянно соперничавших между собой в борьбе за власть. Самоуправство бояр, обнажившее недостатки «коллективного» правления, вызывало недовольство и жажду «твердой руки». Это была благоприятная почва для дальнейшего укрепления самодержавного режима, что отвечало устремлениям и характеру молодого царя, официально получившего этот титул в 1547 году. В правление Грозного власть избавилась от многих пережитков прошлого, восходивших еще к удельным временам. Наиважнейшим было перераспределение земли — сперва посредством политических и административных реформ, а затем откровенного террора в отношении подданных, известного в литературе как «опричного». Споры о целях и характере опричнины идут уже давно, и разнообразных взглядов на нее существует множество, но, как бы то ни было, после опричнины многие бывшие вотчины оказались или царской собственностью, или розданными в поместье, а их бывшие владельцы или истреблены, или превращены в помещиков в других регионах страны. Опричнина, несомненно, укрепила самодержавный характер царской власти. Показательно, что именно в это время, в 50-е годы XVI века, создается ряд документов государственного значения, как бы закрепляющих и обосновывающих сложившийся строй. Это и новый свод законов (Судебник 1550 г.), и официальный родословец, возводивший царский род к императору Августу и определивший состав «родословных людей» (Государев

родословец), и официальный справочник для местнических споров (Государев разряд), и официальная история, обосновывавшая претензии московских царей на вотчины князей времен Киевской Руси (Степенная книга), и, наконец, грандиозный летописный свод, в составлении которого принимал участие сам царь.

К середине XVI века окружение царя — московские служилые люди разных чинов — составили Государев двор — специфический социально-политический институт чиновно-сословного характера, в котором чины передавались по наследству. Сами же члены Государева двора представляли собой высший слой русской знати, учет которых велся в специальной документации. Остальные служилые люди были приписаны к провинциальным городам и фактически прикреплены к ним, как крепостные к земле. Здесь они периодически должны были являться на смотры, демонстрируя готовность «конно и людно» служить государю. Так сложился так называемый «служилый город», служилая городская корпорация со своими обычаями, традициями и социально-экономическими интересами, просуществовавшая до конца XVII века, когда в связи с новациями в организации армии служилый город постепенно пришел в упадок.

В это же время начинается и формирование аппарата управления государством. Прежде на вновь присоединенных к Москве территориях создавались так называемые дворцы, управлявшие бывшими удельными княжествами. Одновременно отдельные крупные города с прилегающими к ним регионами отдавались в «кормление» боярам, собиравшим налоги с населения и становившимся практически неограниченными хозяевами этих территорий. Именно это обстоятельство не устраивало центральную власть, и в середине века с кормлениями было покончено. Грозный осуществил так называемую земскую реформу и учредил на местах выборные должности губного старосты (из местных детей боярских) и губного целовальника (из крестьян). Органами управления в городах стали земские избы, штаты которых также формировались на выборных началах. Сперва они подчинялись губным старостам, а с XVII века — воеводам, назначавшимся царем и управлявшим городами с прилегающими к ним территориями (уездами) через свои канцелярии (приказные избы). Компетенция местных властей при Грозном

резко ограничивается, а решение важнейших вопросов переносится в центр.

При Грозном же в Москве начинают возникать приказы — особые органы центральной власти, сочетавшие функции отраслевого, сословного и территориального управления. Ряд приказов имел и судебные функции. Во главе приказов стояли бояре, причем под властью одного и того же человека нередко оказывалось несколько приказов, которые в этом случае практически сливались. Уже этот факт указывает на то, что руководство приказом носило характер персонального поручения государя. Царь приказывал тому или иному боярину «ведать» те или иные дела в своей большой вотчине-государстве, как спустя века купец поручал приказчику ведать лавкой, магазином или расчетами с клиентами. При отсутствии сколько-нибудь четкого разделения функций между приказами, при том, что возникали они спонтанно по мере надобности, а их компетенция во многом зависела от традиции, приказы не были учреждениями в современном понимании этого слова, а были своего рода конторами по управлению частями большого хозяйства русского царя.

Для назначенного в приказ боярина должность эта была почетна и выгодна, но, будучи часто неграмотным и далеко не всегда достаточно компетентным, он по большей части зависел от приказного дьяка — крупного администратора, фактически управлявшего приказом. В руках приказных дьяков была сосредоточена большая власть, и за свою службу они получали неплохое жалованье и поместья, а наиболее удачливые — и высокие чины думных дьяков. Но такова уж специфика русского общества XVI — XVII веков, что все это не было притягательным для представителей «родословных людей», которые, если их назначали дьяками, просили государя не ставить им это в бесчестье, т. е. чтобы это не учитывалось в местническом счете. К концу XVII века в России было 55 приказов, которыми управляли 31 приказной судья и 79 приказных дьяков, в подчинении у которых было 1702 подьячих. Еще более 1800 подьячих служили в местных учреждениях¹⁸. Вместе они образовывали группу «приказных» — людей разного происхождения, достатка и образования, весьма влиятельную, осуществлявшую непосредственное управление страной и ставшую прообразом будущей российской бюрократии.

Служилые люди разных чинов наряду с «приказными» составляли как бы верхушку огромной социальной пирамиды во главе с царем. В нижнем ее основании располагалось еще множество социальных групп, наиболее многочисленными из которых были, конечно, горожане и крестьяне. О крестьянах, их закрепощении уже упоминалось выше. К сказанному следует добавить, что крепостное крестьянство состояло из трех основных категорий — частновладельческих, монастырских и дворцовых, т.е. принадлежавших непосредственно царской семье. Помимо этого были черносозные крестьяне, жившие на «черных» землях, главным образом на севере Руси. Формально они были лично свободными, а тяжесть их повинностей несколько ниже, но и они не имели права свободного передвижения и были прикреплены к своим деревням и селам. Причем за уплату государевых податей они отвечали круговой порукой, всем крестьянским «миром». В таком же, по сути, положении находились и горожане.

Процесс образования городов в Северо-Восточной Руси был весьма отличным от Западной Европы. Большинство городов было основано князьями как торгово-ремесленные и административные центры их княжеств-вотчин. Таким образом, изначально города были собственностью, а их жители подданными князей. Владелец города был, естественно, также заинтересован в прикреплении горожан к городу, как и крестьян к земле. Никакого особого городского права, регламентировавшего права горожан, их особый статус, не было. В процессе складывания единого государства Иван III и Василий III энергично проводили политику ликвидации частновладельческих городов, превращая их жителей в «государевых посадских людей». Посадом называлась торгово-ремесленная часть города, отличающаяся от его укрепленной части. Посадские люди несли «государево тягло», т.е. платили налоги, и обязаны были выполнять в пользу государства определенные службы, как то: обязанности сборщиков налогов или занятие выборной должности в органах посадского управления. Последняя отнюдь не была ни почетной, ни прибыльной — ее рассматривали именно как обременительную повинность, что указывает на то, что сам факт выборности еще не означал самостоятельности. Оказавшись на выборной должности, посадский человек был не столько в состоянии решать какие-либо проблемы своего города, сколько становился ответственным перед го-

сударем за сбор податей. Ни о каком «гражданстве» в подобных условиях речи быть не могло. Существовала, правда, небольшая группа привилегированных горожан, состоявшая из наиболее богатых купцов — «гостей» и торговых людей гостиной и суконной сотен. Их права опять же определялись не общим законодательством, а жалованными грамотами государя; некоторые из них даже владели вотчинами, что важно для понимания специфики земельной собственности в России этого времени, ведь «гости» были очевидно людьми неродословными. Впрочем, их было очень мало: в первой половине XVII века в Москве, самом большом городе государства, насчитывалось всего 13 гостей.

Эпоха Грозного породила и еще один уникальный социально-политический институт, возникновение которого, на первый взгляд, казалось бы, противоречило тенденции укрепления самодержавия. Приступая к осуществлению программы обширных реформ, молодой царь решил противопоставить боярам мнение иных социальных слоев. Так появился первый земский собор, т.е. собрание представителей разных чинов, с которыми царь советовался по важнейшим политическим вопросам. В разное время состав соборов был различным. В него входило высшее духовенство, чины Государева двора, представители городских служилых корпораций, а иногда горожан и черносозного крестьянства.

Проблема происхождения, истории и причин исчезновения земских соборов всегда привлекала внимание и историков, и представителей общественной мысли разных направлений. Со времен славянофилов XIX века в них искали свидетельство политической самостоятельности русского народа, своего рода форму народовластия. Советские историки склонны были видеть в земских соборах «сословно-представительный орган... который поддерживал бы политику власти, через который власть узнавала бы об общественных запросах и обращалась бы к обществу»¹⁹. Эти слова принадлежат крупнейшему советскому авторитету по истории земских соборов академику Л.В. Черепнину, но в устах историка-марксиста звучат странно, ибо какие же общественные запросы могут быть в обществе, разделенном, согласно марксистской теории, на антагонистические классы, тем более что в той же работе Черепнин утверждал, что земские

соборы были порождены «острой классовой борьбой» и «должны были добиться сплочения господствующего класса феодалов и обеспечить повиновение ему народа»²⁰.

Да и было ли в России XVI века «общество» в современном понимании этого слова? Немецкий историк Г.-Й. Торке полагает, что было, раз государство осознало возможность использования различных социальных групп для управления страной. Однако, по мнению Р. Пайпса, «идея общества... предполагает признание государством права социальных групп на определенный в законе статус и сферу свободной деятельности. Такое признание появилось в России только в правление Екатерины II»²¹. Что же касается соборов как органов сословного представительства, то тот же Торке отмечал, что в Европе подобные органы складывались в борьбе провинций с центром как органы ограничения власти государя, чего в России не было, ибо не было «настоящего гражданства, как зародышевой клетки Нового времени»²².

С одной стороны, земские соборы сыграли в русской истории существенную роль, ибо на них принимались законы и избирались цари. С другой — они никогда не были постоянно действующим органом, собирались нерегулярно и заседали от одного-двух дней до нескольких месяцев. Состав соборов, их функции и права никак законодательно закреплены не были. Участие в соборах представителей разных чинов было формой службы, за которую они получали жалованье. При Грозном соборы собирались несколько раз, чтобы, по сути, подтвердить царские решения. После смерти царя в течение 12 лет соборы не созывались вовсе, что, если считать их органами власти, странно, ибо это было время правления слабовольного и больного царя Федора Ивановича. С его смертью в 1598 году пресеклась династия Рюриковичей и после недолгого царствования Бориса Годунова началась Смута — время гражданской войны и самозванцев, которым Польша и Швеция пытались воспользоваться в собственных интересах, засылая на русскую территорию свои военные отряды. В условиях войны всех со всеми роль соборов как формы власти и народного примирения естественно возросла, но и тогда они использовались «русскими феодальными партиями и иностранными интервентами в качестве орудия борьбы за власть»²³. В 1613 году земский собор возвел на русский трон первого царя из династии Романовых, и на протяжении XVII века, вплоть до

80-х годов, соборы созывались достаточно часто, но царей уже не избирали, а утверждали, принимавшиеся же ими законодательные решения, как, впрочем, и в XVI веке, были направлены на укрепление самодержавного режима.

Казалось бы, парадокс: возведя на престол новую династию, земский собор должен был бы обрести иное значение, стать органом ограничения самовластия, а случилось наоборот. Советские историки говорили об эволюции российской монархии этого времени в абсолютную, и земские соборы этому только способствовали. Но, в сущности, никакой загадки нет. Просто, несмотря на все потрясения Смуты, суть социально-политического строя Российского государства осталась прежней, а все его социальные слои по-прежнему образовывали своего рода пирамиду взаимозависимых крепостных под властью одного господина — хозяина их жизни и имущества, обращаясь к которому даже самые знатные бояре должны были именовать себя холопами. В руках царя земские соборы были лишь одним из орудий управления подданными, со временем приобретшим еще и характер политической традиции, легко и безболезненно отмершей, когда пришли новые времена.

Таковы основные черты социально-политического строя России XVI—XVII веков. Я не стану пытаться дать этому строю какое-то определение, разнообразных суждений по этому поводу в литературе множество. Отмечу лишь, что совершенно несостоятельным, с моей точки зрения, является представление о России XVI—XVII веков как о сословно-представительной монархии²⁴. Несостоятельно оно уже потому, что говорить о сословном представительстве можно лишь в том случае, если бы в России этого времени были сословия, сословный строй. Различные справочники дают различное толкование термина «сословие», но все они сходятся в одном: сословия отличает определенный законом наследственный статус их членов, т.е. не просто положение членов корпорации на социальной лестнице, но и права, привилегии и обязанности²⁵. Вот закона-то в России и не было, ибо право как таковое вообще было развито крайне слабо. Даже такой сводный и охватывающий, казалось бы, все стороны жизни общества кодекс, как Соборное уложение 1649 года, целиком построен на прецеденте и формулирует соответственно не права тех или иных групп, а в основном

запреты и ограничения*. Правда, был обычай**, но выше и важнее его была воля государя, перед лицом которой все социальные группы были совершенно бесправны и имели лишь обязанности. Именно особенности социального строя, отсутствие сословий в указанном смысле и, как воплощение этой системы, крепостное право — вот, на мой взгляд, самое важное, определяющее в специфике русского исторического развития первых веков существования Московского государства.

Особенности социально-политического строя находились в тесной связи с особенностями духовной и бытовой культуры, существенный отпечаток на которую наложило то чувство духовного одиночества, о котором говорилось выше. В этой ситуации весь мир вне православного воспринимался как враждебный, а спасение виделось в самоизоляции. Поскольку при этом основной задачей становилось сохранение православия как высшей ценности, то вся сфера бытового и культурного поведения человека оказывалась подчиненной основанному на традиции жесткому канону, всякое нарушение которого трактовалось как угроза самим устоям православного государства. Борясь за выживание подобным образом, православие утратило способность к саморазвитию, что привело не только к отсутствию собственной философской традиции, о чем уже упоминалось, но и фактически к отсутствию светской культуры. Так, практически вплоть до XVII века русская литература была деперсонализирована; лишь в конце XVII века появляются ростки внецерковной живописи, в частности портретной; скульптура, театр как сферы искусства отсутствовали вовсе. Основная часть населения страны, исключая чиновников государственных учреждений и священников, была неграмотна. В стране в принципе не существовало системы образования, не было не только ничего похожего на европейские университеты (лишь в конце XVII века в Москве была открыта Славяно-греко-латинская академия), но не было даже сети начальных школ. Получить какое-либо образование можно было

---

* Никак нельзя согласиться с Л.В. Даниловой, что в Новгородской и Псковской судной грамотах (как и в Судебнике 1497 г.) зафиксировано «четкое юридическое оформление феодальных сословий» (*Данилова Л.В. Указ. соч. С.52*). Само назначение этих законодательных актов, регулировавших «суд и расправу», не предполагало включения положений, регламентирующих права сословий.

** Соотношение обычного и писаного права — одна из серьезнейших и малоизученных проблем ранней истории России.

лишь индивидуально, но для высшего слоя русского общества даже элементарная грамотность была не только редкостью, но считалась едва ли не чем-то унижающим достоинство. Если в средневековой Европе уже в XII веке «учение и преподавание наук стали ремеслом, одним из многочисленных видов деятельности, которые были специализированы в городской жизни»²⁶, то в России в составе населения не было ни студентов, ни преподавателей, ни ученых. Как самостоятельная сфера общественной деятельности наука не существовала, а математические и другие естественнонаучные знания имели узкоприкладную область применения (архитектура, торговля, фискальные нужды и т.д.). Как сферы профессиональной деятельности не существовало и юриспруденции. Историки русского права отмечают, что «знание законов и умение с ними обращаться приобретались почти исключительно в процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг. Соответственно носителями такого знания и умения... становились... по преимуществу служащие государственного аппарата»²⁷. Замечу попутно, что подобная неразвитость науки и права отличала Россию не только от европейских, но и от азиатских стран, например Китая и мусульманского Востока.

Обычаю и традиции была подчинена и вся семейная жизнь человека, идеал которой был изложен в «Домострое» — литературном произведении XVI века. Русская женщина этого времени не участвовала в общественной жизни, не имела права выбора жениха, должна была безропотно подчиняться мужу, не имея права без его позволения покидать «терем» и свободно ходить по улицам*. На протяжении нескольких столетий все то, что составляло повседневную жизнь людей — еда, одежда, жилища, занятия, — почти не менялось или менялось столь медленно, что это было незаметно. То же относится и к сфере экономики. И село, и город

---

* Правда, как заметила американский историк Нэнси Коллменн, «женщинам оказывалось особое уважение, и в Московской Руси это проявляется прежде всего в высокой оплате за бесчестье» (*Коллменн Н.Ш. Проблема чести женщины в Московской Руси//Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С.133 — 134. См. также: Kollmann N.S. «Honor and Dishonor in Early Modern Russia» (Forschungen zur Osteuropaischen geschichte. Berlin, 1992. Band 46. P.131 — 146.) В целом следует заметить, что «Домострой» отражает скорее всего не столько нормы поведения, сколько пожелания его автора к этим нормам.*

давали государству столько продукции, сколько было необходимо, чтобы поддержать его жизнеспособность, но не более этого.

Уровень развития экономики и торговли был теснейшим образом связан и с особенностями социально-политического строя, культурно-религиозного уклада общества, и со спецификой географических и демографических условий России. Однако это не значит, что при оценке его следует отказаться от понятия «отсталость», полагая, как это делает, например, Д. Мартин, что он представлял собой «разумный выбор в контексте российских... реалий»²⁸. Это была именно отсталость, причем все более усиливавшаяся. Со временем она становилась и все более опасной, ибо, как подчеркивают, основываясь на работах М. Вебера, современные исследователи, в Новое время происходит объединение мира в «единую цивилизацию, каждый элемент которой выступает лишь как часть системы. В этих условиях отставание в темпах развития, рационализации оборачивается угрозой суверенитету государства»²⁹. Это общее положение в полной мере применимо и к России XVII века, когда ее типично патриархальное, традиционное общество вступило в полосу острого кризиса.

Первым проявлением кризиса была уже Смута рубежа XVI—XVII веков — гражданская война, вызванная, наряду с другими причинами, и особенностями социального устройства страны, поскольку важное место в ней заняла борьба казачества с дворянством³⁰. В 1613 году земский собор возвел на русский престол Михаила Федоровича Романова. Нетрудно предположить, что бояре и вожди различных военных группировок полагали, что им будет легко управлять страной, прикрываясь фигурой семнадцатилетнего и неамбициозного Михаила. На первый взгляд, так и случилось, и некоторые историки считали, что власть первого Романова была сильно ограничена Боярской думой и земскими соборами. Другие полагают, что «в новых условиях авторитарная власть была обречена на провал», поскольку «выросло самосознание различных слоев населения»³¹. Самосознание, конечно, выросло, но гораздо важнее было другое: само стремление народа избрать себе царя свидетельствовало о потребности в твердой власти, которая справилась бы и со Смутой, и с ее последствиями и которая в сознании русских людей этого времени могла быть только авторитарной. Да и справиться в условиях, когда в разных концах страны еще хозяйничали оппозиционные

правительству казацкие отряды, часть страны была оккупирована шведами и поляками, а сама страна разорена, можно было лишь твердой рукой и при наличии достаточно прочной опоры. В 1617 году правительству Михаила удалось наконец подписать мир со Швецией, а в конце 1618 года перемирие с Польшей. Россия потеряла побережье Балтики и часть исконно русских земель, включая Смоленск, оставшихся в руках поляков. Зато из Польши вернулись русские пленные, среди которых был отец молодого царя Филарет. В июне 1619 года Филарет, еще при царе Борисе Годунове насильно постриженный в монашество, стал патриархом Московским. Одновременно он получил титул великого государя и превратился формально в соправителя сына, на деле сосредоточив в своих руках всю государственную власть. Впервые в русской истории произошло слияние светской и духовной власти в лице одного человека.

Основной смысл политики Филарета, продолженной и после его смерти в 1633 году, сводился к укреплению государства и царской власти. С 1622 года в течение десяти лет не созывались земские соборы, в титуле царя появилось слово «самодержец», возникли Аптекарский приказ, ведавший здоровьем государя и его семьи, и приказ Большого дворца, обеспечивавший финансовую сторону жизни царского двора. В 1649 году уже при сыне Михаила, царе Алексее Михайловиче, принимается Соборное уложение — новый свод законов, окончательно закрепивший сложившийся политический и социальный строй Русского государства — систему управления и «государевой службы», поместную систему и крепостное право. Постоянно росло число приказов, все меньшую роль играла Боярская дума. Но это была одна и, несомненно, самая сильная тенденция в развитии страны. Наряду с ней существовала и другая.

После Смуты изменилось международное положение России. Если еще при Иване Грозном западное направление стало во внешней политике основным, то теперь его приоритет определялся необходимостью борьбы за освобождение удерживаемых Польшей русских земель. При этом правительство хорошо сознавало, что основанная на дворянской коннице армия успешно противостоять полякам не сможет. С конца 20-х годов началось формирование так называемых «полков нового строя» — пехотных, драгунских и рейтарских, в которые был объявлен добровольный набор

и во главе которых были поставлены иностранные офицеры. Спустя несколько лет формирование таких полков началось заново, на сей раз для защиты южных границ страны. В 1658—1660 годах был осуществлен набор так называемых «даточных» людей — по одному человеку от 20—25 крестьянских или посадских дворов. По сути это было начало создания регулярной армии, в которой преобладающее значение имела пехота. Одновременно это было и началом конца старой системы службы с основанной на ней городской дворянской корпорацией. К началу 80-х годов по сравнению с серединой века дворянская конница сократилась примерно вдвое. Реформы в армии (а наряду с этим предпринимались и попытки строительства флота) носили, по существу, модернизационный характер, но были они, как доказали неудачи русской армии в войне за Смоленск 1632—1633 годов и в войнах с Польшей и Швецией 1654—1666 годов, явно недостаточны. Между тем в 70-е годы новым противником России на юге оказывается Турция, и хотя в ходе войны с ней 1677—1681 годов удалось предотвратить захват русских земель, это объяснялось не столько силой русской армии, сколько слабостью турецкой. Не принесли России успеха и военные экспедиции в Крым в 1687 и 1689 годах. Актуальной потребностью государства становилось создание полноценной и хорошо оснащенной регулярной армии. Но для этого требовалась радикальная реформа всего, что было связано с системой «государевой службы», организацией торговли и производства, а следовательно, изменение социальной структуры общества. Все это было необходимо и для равного партнерства с другими европейскими державами, без которого успешная борьба с Турцией вообще была невозможна.

Радикальные реформы диктовались и еще одним важным обстоятельством. На протяжении XVII столетия значительно увеличилась территория государства: к завоеванным еще при Иване Грозном Сибири и Поволжью в середине века прибавилась Украина. Это важное приобретение, наряду с массовым национальным движением на самой Украине, также было результатом не столько силы России, сколько слабости Польши. И хотя украинцы были тоже православными, их политическое прошлое и традиции сильно отличались от русских. С одной стороны, здесь был силен казацкий элемент, с другой — некоторые города управлялись на принципах магдебургского права. На Украине не было крепост-

ничества, а украинская шляхта была в значительной мере полонизирована. В состав России Украина вошла на правах автономии, сохраняя все особенности своего политического и административного устройства, включая выборного гетмана. Но и при этом уже вскоре здесь начались массовые антирусские выступления. Все это создавало для русского правительства совершенно новые проблемы, с которыми раньше ему сталкиваться не приходилось. Управлять огромной страной по-прежнему, при помощи старого аппарата, а главное, при помощи старых методов, становилось невозможно. Без радикальной реформы возникала опасность потерять приобретенные с таким трудом территории, на которые, конечно же, было немало охотников. Не осуществить реформу значило подвергнуть опасности целостность страны, ее национальную безопасность.

Немаловажную роль играла и все более усиливавшаяся экономическая отсталость России. В течение столетий в сельскохозяйственном производстве не происходило практически никаких изменений, а крепостное право и фактически такая же крепостная зависимость городского населения не давали возможности развиваться торговле и промышленности. Чем больше усиливалась экономическая отсталость России, тем более вероятным становилось, что она может разделить судьбу все более слабеющей и переживавшей, по сути, аналогичный кризис Османской империи. Что же это был за кризис?

Из всего сказанного можно заключить, что это был кризис традиционализма, т. е. ситуация, при которой традиционно сложившиеся институты социальной и политической организации общества со специфической системой повинностей разных социальных групп в отношении друг друга и государства исчерпали свой потенциал, оказались неспособными обеспечить переход страны на новую стадию развития и требовали коренной структурной реорганизации.

Кризис традиционализма остро проявлялся и в духовной сфере. Исследователи все чаще говорят о XVII веке как о переломном для русской культуры, как о времени трансформации всей ее системы, когда возникает противостояние культуры светской и церковной³². Существенную роль в этих процессах сыграло присоединение Украины, после которого значительно усилилось влияние польской культуры, выразившееся в переводе польских книг,

распространении привозимых из Польши предметов роскоши, польского платья и др. Сильно было и влияние деятелей украинской православной церкви, большинство из которых получили образование в знаменитой Киево-Могилянской академии, где преподавание было в значительной мере латинизировано. Некоторые из выпускников академии становились воспитателями детей московской знати. В самой этой среде все более укоренялись элементы европейской образованности, появлялись люди, умевшие читать и писать, причем не только по-русски, но и на других языках, обладавшие знаниями из области естественных наук.

Решающее значение для трансформации культуры, духовной жизни русского человека XVII столетия имел церковный раскол середины века, формально вызванный реформой некоторых церковных обрядов, осуществленной патриархом Никоном в 1652 году, а по существу также явившийся проявлением кризиса традиционализма. С этого времени в России появляется целый слой собственных сограждан, не принявших реформу и оказавшихся в оппозиции и к официальной церкви, и к поддерживавшей ее царской власти, — старообрядцев. Для самой церкви реформа оказалась «палкой о двух концах». С одной стороны, как отмечал английский историк М. Андерсон, самим фактом реформы признавалось, что «по мере расширения контактов России с окружающим миром ее религиозная жизнь должна была получить более прочную интеллектуальную основу, нежели просто слепое принятие традиции». Но это «означало победу такого отношения к церковным делам, которое было критичным и даже до определенной степени рациональным, над традиционным и по преимуществу некритичным. Результаты этой победы из сугубо религиозной сферы проникли в другие аспекты русской жизни, понемногу подрывая старые консервативные ценности и освобождая место для перемен»³³. Вслед за расколом последовало естественное напряжение в отношениях светской власти и церкви, претендовавшей на ее права, закончившееся изгнанием патриарха Никона и подчинением церкви светской власти.

Новые явления в русской жизни, и в частности, связанные с иноземным влиянием, воспринимались властями отнюдь не однозначно. Так, к концу царствования Алексея Михайловича последовал ряд указов, запрещающих носить европейское платье, брить бороду, курить табак, коротко стричь волосы. Однако при сыне

Алексея Федоре, вступившем на престол в 1676 году, многие из этих явлений стали возвращаться. В 1682 году Федор осуществил важнейшую реформу, связанную с отменой местничества. Это был непосредственный отклик на потребность реорганизации всей системы службы, на процессы, происходившие в Государевом дворе и служилом городе. Созданный в это время проект новой родословной книги русского дворянства демонстрировал стремление к выделению и юридическому оформлению сословия дворян.

Реформы царя Федора были продолжены после его смерти правительством его сестры царевны Софьи. Уже сам факт появления женщины во главе Русского государства был также несомненно проявлением кризиса традиционализма. Софья и ее первый министр и фаворит князь В.В. Голицын, как отмечает новейший исследователь, «совершенствовали законодательство, боролись с произволом местных властей, способствовали развитию промышленности и торговли.... объединяли, обогащали и укрепляли дворянство», стремились к созданию регулярной армии³⁴.

Однако по существу все реформы, осуществленные на протяжении столетия первыми Романовыми, от царя Михаила до его внучки царевны Софьи, носили весьма умеренный характер*. Более того, воспроизводящие общества, к которым Н. Коллменн не без основания относит и русское общество этого времени, «реагируют на изменения попыткой разрешить конфликт и восстановить status quo. Независимо от степени конкретных изменений, полученных в результате разрешения противоречий (такие, как новые союзы или новые статусные иерархии), разрешение конфликтов в воспроизводящих обществах делает акцент на преемственности и восстановлении важнейших социальных и политических структур»³⁵. Таким образом, внутренний кризис Русского государства XVII века мог быть разрешен лишь путем опять же радикальных преобразований, которые становились жизненной необходимостью и которые только и могли превратить воспроизводящее общество в общество меняющееся.

Но что такое радикальные реформы и какой должна была быть их направленность? Американский историк Т. Колтон полагает,

---

* Вместе с тем необходимо отметить несомненную тенденцию к европеизации, наблюдаемую практически на протяжении всего времени существования Московского царства и свидетельствующую о том, что она была реальной потребностью развития государства.

что радикальная реформа — это «всеобъемлющее изменение, содержащее в себе в качестве важнейшего элемента реструктуризацию важнейших политических институтов страны и центральных правообразующих представлений и мифов»³⁶. Определение это достаточно условно, но вполне пригодно для наших целей. Что же касается направления реформы, то оно определялось как модернизационным характером тех изменений, что уже происходили, так и кризисом традиционных институтов. Целью реформы должна была стать именно модернизация, направленная на ликвидацию отсталости, с одной стороны, и превращение России в великую мировую державу — с другой. Последнее понятие также требует специального истолкования.

По мнению историка русской культуры А.М. Панченко, основное содержание изменений в русской духовной культуре конца XVII века состоит как раз в том, что «Россия преодолевала культурное одиночество, приобщалась к европейской цивилизации, становилась великой державой»³⁷. В условиях того времени стать «великой державой» значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав. Процесс территориальной экспансии, начатый в XVI—XVII веках в Сибири, в Поволжье, в Крыму, на Украине, не мог быть просто остановлен: он мог или продолжаться, или повернуть вспять. И опять же дальнейшая экспансия была невозможна без сильной профессиональной армии, опирающейся на современную индустрию, что, как показано выше, требовало радикальной реформы. В противном случае — крах, национальная катастрофа.

Итак, круг замкнулся: радикальная реформа стала для России конца XVII века насущной необходимостью, единственной возможностью выхода из кризиса, спасения государства. Понятия «кризис» и «радикальные реформы» взаимообусловлены. Не только кризис вызывает радикальные реформы, но и они возможны лишь в условиях кризиса, ибо только тогда в обществе нет достаточно сильных консервативных сил, способных противостоять всеобъемлющим преобразованиям. Радикальная реформа должна была модернизировать страну, сделать ее полноправным членом «*Respublica Christiana*». Исполнителем этой реформы и стал Петр Великий.

ГЛАВА 2

Рождение реформатора

Все биографы Петра I мучились вопросом: как, каким образом и почему родившийся в 1672 году четырнадцатый ребенок царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, оказался человеком с такой бешено-неукротимой энергией, направленной на преобразования, с таким яростным желанием изменить, переделать огромную страну, доставшуюся ему в наследство? Откуда взялось это неприятие Петром старых русских порядков и обычаев, та легкость, с какой он готов был переступить через любые, веками сохранявшиеся правила поведения, отринуть тот «мир церемоний и условностей», ту «освященную традициями замкнутую систему»¹, что окружали его с детства? И еще одна черта поражает в Петре — нехарактерные для русского человека XVII века необыкновенное любопытство, пытливость, стремление разузнать обо всем, что находилось за рамками традиционного мира царского двора.

Объяснение всем этим особенностям характера царя ищут обычно в обстоятельствах его детства. Действительно, в четыре года Петр лишился отца и с воцарением старшего брата Федора вместе с матерью, царицей Натальей Кирилловной, оказался отнесенным на второй план придворной и политической жизни. По давней русской традиции в ближайшем окружении царя всегда находились родственники его жены. Так было и когда овдовевший в 40 лет Алексей Михайлович в 1671 году женился вторично, взяв в жены двадцатилетнюю дочь смоленского дворянина Кирилла Нарышкина, воспитанную, впрочем, в доме любимца царя Артамона Матвеева — талантливого дипломата и государственного деятеля, любителя иноземных новшеств, женатого на англичанке Гамильтон. В течение последующих пяти лет «партия

Нарышкиных» прочно укрепились при дворе, а Матвеев стал фактически первым министром. С воцарением же Федора Нарышкиным пришлось уступить место Милославским — родственникам молодого царя по его покойной матери. Матвеев был сослан и даже обвинен в заговоре на жизнь царя. Последствия этих событий для Петра-ребенка С.М. Соловьев описывал следующим образом: «Перед глазами постоянно печальная мать, толкующая с ближними людьми о своей невзгоде, ссылке братьев, благодетеля Матвеева; ребенок, пламенный, восприимчивый, питается, раздражается семейною враждою; то, что другие дети узнают только из нянькиных сказок, как злые родственники гонят невинных детей, как последние или гибнут, или торжествуют... то маленький Петр испытывает в действительности, он уже герой драмы, действующее лицо, он ненавидит гонителей настоящей действительною ненавистию, и сочувствие его к героям посильнее, чем у других детей к их сказочным героям, ибо эти герои он сам, его мать, дядья»². Насколько нарисованная Соловьевым картина соответствует действительности, сказать трудно. Конечно, молодая царица, отличавшаяся, по свидетельству современников, веселым и легкомысленным характером, оставшись так рано вдовой и лишившись поддержки Матвеева, не могла не печалиться. Милославские наверняка выказывали ей обидное небрежение. Однако царь Федор относился к мачехе с подчеркнутым уважением и не забывал о младшем брате, своем крестнике. Именно он, когда Петру исполнилось пять лет, напомнил вдовствующей царице о необходимости начать учение маленького царевича. В качестве учителя был выбран подьячий одного из московских приказов Никита Зотов — человек тихий и богобоязненный. Показательно, что, прежде чем назначение состоялось, Зотова экзаменовали в присутствии самого царя; царь и патриарх присутствовали и на первом уроке, щедро наградив новоявленного учителя. Вскоре и ситуация при дворе в целом стала меняться: уже к 1680 году влияние Милославских стало падать, а Нарышкиных расти. Этому способствовали и настроения становившегося более самостоятельным Федора (в момент восшествия на престол ему было неполных четырнадцать лет), и осмотрительность некоторых бояр, предвидевших, что царство болезненного царя продлится недолго. И действительно, в конце апреля 1682 года царь Федор умер. Дальнейшие события как нельзя лучше отразили

и особенности политического строя русского общества того времени, и его кризисное состояние.

Поскольку Федор Алексеевич умер бездетным*, по всем правилам престолонаследия (они определялись в то время обычным, а не писаным правом) царский трон должен был достаться его шестнадцатилетнему брату Ивану, но и тот был человеком нездоровым и явно неспособным править самостоятельно. Воспользовавшись суматохой при дворе и, вероятно, еще за несколько часов до того, как Федор испустил последний вздох, сторонники Нарышкиных провозгласили царем Петра. Но торжество их было недолгим. Прошло немногим более двух недель, и в Москве разгорелся вызванный неосторожными шагами не искушенных в политике Нарышкиных и подогревавшийся Милославскими бунт стрельцов, составлявших, по сути, дворцовую гвардию и основную полицейскую силу того времени. 15 мая 1682 года на глазах у Петра, стоявшего на крыльце кремлевского терема рядом с матерью и старшим братом царевичем Иваном, стрельцы подняли на пики только что возвратившегося из ссылки Артамона Матвеева. По свидетельству современников, десятилетний Петр при этой сцене проявил удивившее всех спокойствие, но, как считают многие историки, именно с этими впечатлениями детства были связаны характерные для Петра в зрелые годы конвульсивные подергивания головы и других частей тела, особенно проявлявшиеся при сильном гневе. Утверждение это восходит, по-видимому, к мемуарам А.К. Нартова, вспоминавшего, что царь однажды сказал ему: «От воспоминания бунтовавших стрельцов, гидр отечества, все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу»³.

Следует заметить, что бунт стрельцов 1682 года имел и выраженную старообрядческую окраску. Историк А.П. Шапов полагал, что стрельцы «замышляли основать старообрядческое государство или раскольническую демократию»⁴, т.е. государство более архаичное по своим формам, чем то, что уже сложилось. С этого времени стрельцы, Московский Кремль, где происходил бунт, раскольники — все это слилось для Петра в единый ассоциативный ряд, стало для него воплощением старой и враждебной ему России. На уровне подсознания он, по словам В.О. Ключевского,

* Единственный ребенок Федора сын Илия умер в младенчестве.

ощущал, что «мятеж — это раскол, раскол — это древнерусская старина, следовательно, древнерусская старина — это мятеж»⁵.

По требованию стрельцов на престол рядом с Петром в качестве «первого царя» был посажен Иван, а правительницей до их совершеннолетия стала старшая сестра царевна Софья. Сразу же заметим, что все это уже само по себе было необычно, шло вразрез с традицией и свидетельствовало о внутреннем кризисе*. Двух царей на русском троне одновременно еще не бывало, а женщина в качестве правительницы последний раз выступала лишь в первой половине XVI века во время малолетства Ивана Грозного, да и то была царица, а не незамужняя царевна. Уже это делало ситуацию крайне нестабильной, чреватой новыми потрясениями.

В историографии прочно утвердилась версия о том, что именно Софья была главным организатором и вдохновителем стрелецкого бунта. Сохранившиеся документы не позволяют ни полностью подтвердить, ни опровергнуть это положение, но результатами бунта Софья и стоявшие за ее спиной Милославские воспользовались в полной мере. Царевна, вне всякого сомнения, была женщиной незаурядной хотя бы уже потому, что решилась порвать с традицией, по которой дочери русских царей были обречены на участь теремных затворниц, замуж не выдавались, обычно заканчивали свою жизнь в монастырской келье и уж, конечно, не имели никакого касательства к политике. Софья получила сравнительно неплохое по тем временам домашнее образование, была умна, а главное, властолюбива и решительна. Воспользовавшись мятежом для захвата власти, она вскоре уже искусно расправилась с его главарями и стала править самолично. Место первого министра и фаворита при ней занял князь Василий Васильевич Голицын, человек, европейски образованный, знавший несколько иностранных языков.

Деятельность Софьи также не нашла однозначной оценки в историографии. Ее современник, сподвижник Петра I князь Б.И. Куракин писал: «Правление царевны Софьи началось со всякою прилежностью и правосудием и ко удовольствию народному,

---

* Правда, в истории России был случай, когда в начале XVI века Иван III объявил своего внука Дмитрия наследником и соправителем и в течение короткого времени они правили вдвоем. Соправителем царя Михаила Федоровича был его отец патриарх Филарет.

так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления чрез семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерция и ремесла... и торжествовала тогда вольность народная»⁶. Историки, симпатизирующие Петру, считают эту похвалу преувеличенной. Между тем правительство Софьи действительно сумело стабилизировать внутривластную ситуацию, пыталось бороться с произволом на местах, способствовало развитию промышленности и торговли, принимало меры по реорганизации и перевооружению армии. В 1686 году им был достигнут важный международный успех — подписан Вечный мир с Польшей. С этого времени, по некоторым данным, правительница стала подумывать о коронации в качестве самодержавной царицы. Впрочем, даже признавая политические таланты Софьи и ее первого министра, нельзя не заметить, что, хотя предпринимавшиеся ими шаги и успокоили страну, разрешить внутренний кризис они не могли. По-видимому, не было у них и сколько-нибудь масштабной политической программы. Все усилия были направлены на то, чтобы во что бы то ни стало удержаться у власти. Именно для этого понадобились и походы в Крым в 1687 и 1689 годах: победа над Крымским ханством могла бы сыграть решающую роль в укреплении авторитета Софьи, мечтавшей стать полноправной царицей. Но Крымские походы потерпели неудачу. Так, во всяком случае, оценивают их большинство историков. Есть, правда, и иная точка зрения, согласно которой действия русской армии в этих походах оцениваются как едва ли не высшее достижение военного искусства того времени⁷. Но факт остается фактом: цель походов достигнута не была, крымский хан не стал вассалом России и в последующие десятилетия доставил русскому правительству еще немало хлопот.

Ну, а что же Петр, как прошли для него семь лет правления сестры? Семья Петра и его двор, отстраненные от участия в решении политических вопросов, фактически покинули Кремль и делили время между различными подмосковными резиденциями — Воробьевом, Коломенским, Преображенским. Историки часто пишут об опале и чуть ли не ссылке Натальи Кирилловны и ее домочадцев, утверждают, что при «опальном дворе» царили «озлобленность и жалобы», что, «не ставя в известность юного царя, его мать и приближенные готовили заговор, вновь рискуя

жизнью Петра и одновременно запугивая его, воспитывая в нем ненависть к сестре и ее соратникам»⁸. На деле ситуация была не столь однозначной. Хотя реальная власть в стране и принадлежала правительству Софьи, законное основание этой власти было весьма шатким. Всякий раз, когда в Кремле совершалась какая-то официальная церемония, а в жизни царского двора они занимали очень важное место и отнимали много времени, на первом плане в царском платье и со всеми положенными регалиями оказывались Иван и Петр. От их имени писались царские указы, посылались грамоты иностранным государям, заключался мир и объявлялась война. И если при этом неспособность Ивана царствовать была всем известна, то Петр, чем старше он становился, все более проявлял себя как личность вполне самостоятельная. Как свидетельствует шведский дипломат Кемпфер, уже в 11 лет Петр смело нарушал строгий этикет: «Когда посланник подал веющую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дал время дядьям приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный привет: «Его королевское величество, брат наш Карлус Свейский, по здорову ль?»⁹.

Обратим внимание на замеченную дипломатом стремительность движений Петра. Эта стремительность, порывистость, непоседливость, темпераментность, остававшиеся в характере Петра всю его жизнь, — несомненные свидетельства неуравновешенности психики царя-преобразователя, воплощавшейся в потребности к постоянным путешествиям и активной деятельности, будь то военные экзерциции, шумные попойки или физический труд. Была ли эта неуравновешенность следствием тяжелых детских впечатлений или носила врожденный характер, она несомненно всегда оказывала значительное воздействие на поступки и образ действия Петра, была причиной характерных для него приступов ярости и, возможно, поражавшей даже современников жестокости.

Для развития личности Петра отдаление от двора было, однако, большой удачей, ибо в Преображенском он мог реализовать свою энергию гораздо легче, чем в Кремлевском дворце. Здесь Петр был в значительной мере предоставлен самому себе и львиную долю времени тратил на игры. Уже с раннего детства он

пристрастился к ремеслу, научился пользоваться различными инструментами. Но особенно много времени он посвящал военным забавам сперва при помощи игрушек, а затем и живых людей, формируя из придворных конюхов и своих сверстников потешные полки и выписывая из Оружейной палаты Московского Кремля уже настоящее оружие. В Преображенском вырос целый деревянный городок для воинских потех, в котором палили из пушек и разрабатывали ружейные приемы. В сарае Измайловского дворца Петр случайно наткнулся на английский бот, который ему тут же захотелось испробовать. Но для этого бот нужно было сперва починить, нужно было узнать, как пользоваться парусами. Никто из окружения Петра не мог помочь ему в этом, как не мог и объяснить, как пользоваться привезенной из Франции астролябией. Но знатоки морского дела нашлись в Немецкой слободе — поселении иностранцев неподалеку от Преображенского, этой, по выражению Е.В. Анисимова, «своеобразной модели Европы», где «жили католики и протестанты, немцы и французы, англичане и шотландцы»¹⁰.

В Немецкой слободе юный Петр получил и совершенно новые впечатления: иной, непривычный быт и уклад жизни, иная система взаимоотношений между людьми, множество невиданных предметов, манящих своей необычностью. Для нетерпеливого, ненавидевшего долгие кремлевские церемонии Петра этот стиль жизни был привлекателен своей рациональностью, простотой, естественностью. Царь стал в слободе частым гостем, здесь у него появились закадычные друзья и первая сердечная привязанность — дочь виноторговца Анна Монс.

Чем старше становился Петр, тем более обострялись взаимоотношения между его двором и двором Софьи*. Царевна понимала, что с совершеннолетием Петра может наступить конец ее власти; больше законных прав на управление государством у нее не останется. Да и активность младшего брата начинала пугать, ведь незаметно в Преображенском появились фактически собственные вооруженные силы. Сторону Петра поддерживал патриарх и некоторые другие высшие церковные иерархи. В свою очередь Наталья Кирилловна и ее окружение с течением времени чувствовали себя все более уверенно. В Преображенском все

---

* В то время каждый из члнов царской семьи имел свой штат придворных.

резче отзывались о Софье и ее министрах, зная при этом, что все это доносится царевне. Но и Софья сознательно шла на обострение отношений: ее имя стало появляться в официальных документах рядом с именами Ивана и Петра, а сама она старалась участвовать в придворных церемониях, в которых традиционно участие женщин не допускалось. По всей видимости, царевна готовила заговор, ибо это была для нее единственная возможность не только сохранить власть, но и заполучить ее целиком. Для заговора были вновь использованы стрельцы, которых уговаривали поднять мятеж с требованием, чтобы Софья венчалась на царство. Однако командиры стрелецких полков колебались, и, дабы ускорить события, в ночь с 7 на 8 августа 1689 года по Москве был пущен слух, что на нее идут потешные из Преображенского. Стрельцы взялись за оружие. В начавшейся суматохе сторонники Петра решили, что стрельцы, наоборот, собираются походом в Преображенское, и предупредили царя. Перепуганный Петр ночью бежал в Троице-Сергиев монастырь под защиту его толстых стен. На следующий день сюда же из Преображенского прибыла мать царя Наталья Кирилловна и весь его двор с потешными и стрельцами.

Таким образом, противостояние стало открытым, и перед придворными, московскими дворянами, стрельцами и другими служилыми людьми встала проблема выбора. На первый взгляд, выбор должен был быть сделан в пользу Софьи, ибо в ее руках была реальная власть, но последующие события показали, что достаточной опоры среди населения у нее не было. По-видимому, сама перспектива единоличного женского правления, да еще при наличии живого наследника престола, казалась богобоязненным москвичам столь беззаконной, что лишь пугала их. К тому же в момент событий Софья была лишь правительницей с достаточно неопределенным с правовой точки зрения статусом, в то время как Петр — законным царем. Немаловажен был и моральный фактор. Для русских людей во все времена было характерно чувство жалости к гонимому, а, как отмечает виднейший биограф Петра Н.И. Павленко, «в глазах населения столицы, в том числе и некоторой части стрельцов, Петр выглядел жертвой, вынужденной спастись от преследования бегством из своей резиденции»¹¹.

В течение последующих нескольких дней военные силы из Москвы постепенно переходили в Троицкий монастырь. Отправив-

шаяся было на переговоры с братом Софья была остановлена приказом вернуться в Москву. Вскоре туда пришло требование о выдаче любимца царевны Федора Шакловитого, обвиненного в заговоре против Петра. Шакловитого жестоко пытали и 11 сентября казнили. В конце этого же месяца Софья была заточена в Новодевичий монастырь, где и жила до своей смерти в 1704 году. Петр со своим двором торжественно въехал в Москву. На дороге его встречали стоявшие на коленях стрельцы, рядом с каждым из которых в знак покорности стояла плаха с воткнутым топором. Так начиналось самодержавное правление Петра I...

В первые годы самостоятельного царствования Петра в его образе жизни внешне ничего не изменилось. Преображенское оставалось его главной резиденцией, и с большой неохотой, под сильным давлением матери он соглашался принимать участие в дворцовых церемониях. Все его мысли по-прежнему занимали военные и морские забавы. Все так же устраивались потешные сражения со взятием крепостей, пушечной стрельбой и вполне реальными жертвами. Лишь масштаб этих игр становился все грандиозней, все больше напоминая настоящие военные маневры. Причем сам царь непосредственно участвовал в сражениях под именем бомбардира Петра Алексея. Починенный английский бот он еще до переворота пробовал сперва на узкой речке Яузе, затем на пруду села Измайлово, а весной 1689 года тайно от матери уехал на Переславское озеро, где по его приказу началось строительство новых кораблей. Зимой 1692 года Петр вновь отправился в Переславль, захватив с собой большие запасы строительных материалов. Но вскоре и Переславское озеро стало ему узко. Летом 1693 года царь отправляется в Архангельск — единственный морской порт тогдашней России. Впервые он видит море и настоящие морские суда, впервые совершает прогулку по морю на яхте, закладывает новый корабль. При этом сам работает топором, проводя досут в компании простых корабелов. С этого времени море, корабельное дело становятся его страстью на всю жизнь. Корабль превращается в своего рода символ всего петровского царствования, олицетворение преобразований.

Между тем необычное для царя времяпрепровождение беспокоило царицу Наталью Кирилловну, буквально забрасывавшую сына письмами во время его поездок и в Переславль, и в Архангельск.

Но ни мольбы матери, ни молодая жена (в начале 1689 года по настоянию царицы Петр женился на Евдокии Лопухиной), ни рождение в 1690 году сына не могли удержать царя от того, что так влекло его. Петр любил и уважал Наталью Кирилловну, но к началу 90-х годов вокруг него уже сложился круг лиц, которых позднее историки назвали его сподвижниками, а А.С. Пушкин «птенцами гнезда Петрова». Люди эти, среди которых важное место занимали весельчак и балагур швейцарец Франц Лефорт, профессиональный военный шотландец Патрик Гордон, бывший пирожник Александр Меншиков и ряд других, оказывали на Петра сильное влияние уже тем, что не перечили ему в его увлечениях, но, наоборот, потакали. В литературе о Петре I можно иногда встретить утверждение, что царь был едва ли не демократом, старавшимся приближать к себе людей «подлого» происхождения. Однако скорее всего никакого умысла в этом не было. Соратниками Петра становились те, кто оказывался в нужный момент под рукой, кто был достаточно деятелен, энергичен, а главное, предан царю. Так, и представители знатных русских семейств — князь Б.А. Голицын, Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, П.А. Толстой, князь Ф.Ю. Ромодановский, Т.Н. Стрешнев и другие, вовремя понявшие выгоду от близости к молодому самодержцу, заняли при нем положение ближайших советников и соратников. Это были люди очень разные и по образованию, и по способностям, и даже по возрасту. Различной была и их роль. Так, Лефорту, которого царь очень любил, он был в значительной мере обязан знакомством с европейской жизнью, многими важными советами, а также посредничеством в отношениях с Анной Монс. Однако в дела управления Лефорт почти не вмешивался. Напротив того, Меншиков стал со временем в полном смысле правой рукой Петра — по выражению того же Пушкина, «полудержавным властелином», одно перечисление титулов, званий и должностей которого заняло бы целую страницу. Внутри интимного кружка царя существовали довольно фамильярные отношения, постоянно укреплявшиеся совместными попойками, что, впрочем, не мешало Петру строго взыскивать даже с самых близких друзей при малейшей провинности.

Сложившиеся в игре взаимоотношения продолжали сохранять игровой, шутовской, пародийный элемент в течение долгого времени. Так, как бы параллельно с официальными государ-

ственными структурами и узаконенной системой отношений царя с подданными, существовало особое, известное лишь узкому кругу лиц выдуманное царство во главе с князем-кесарем Ф.Ю. Ромодановским и его подданными, среди которых числился и сам царь. Последний обращался к князю-кесарю почтительно, как к властителю, а тот мог даже отругать царя за появление перед своей особой в головном уборе. Е.В. Анисимов справедливо сравнивает эту ситуацию с подобной же во времена Ивана Грозного, в 1575 году возведшего на Московский престол татарского хана Симеона и в течение года разыгрывавшего роль его покорного подданного¹². Однако при всем маскарадном характере этого эпизода он имел вполне прозаический политический смысл, в то время как при дворе Петра появление князя-кесаря со всей его атрибутикой явилось продолжением детских игр царя. Показательно при этом, что столицей вымышленного королевства считался иноземный город Пресбург, а письма Петра к Ромодановскому начинались по-голландски «Min Heer Konig». Переход от игры к серьезной политике и для самого Петра, и для его окружения произошел плавно и почти незаметно. Но тут очень важен момент психологический. Обращает на себя внимание то, что царь Петр с юных лет во всех военных и морских играх не брал на себя роль командира, но выступал в качестве рядового участника или даже ученика. Он искренне стремился научиться и военному, и морскому делу, получая соответствующие воинские звания не за свое царское происхождение, а за реальные заслуги. Существование князя-кесаря, присваивавшего царю очередной чин, как бы узаконивало механизм получения этих званий. Но одновременно царь, делавший служебную карьеру наравне со всеми, становился примером для подданных, показывая им, что лишь усердная служба — основание для высокого положения в обществе. С другой стороны, сама идея службы отечеству, как высшей ценности, занимала все большее место в сознании самого Петра.

В начале 1694 года умерла царица Наталья Кирилловна. Ее смерть стала еще одной вехой в истории петровского царствования, ибо с этого времени началось уже в полном смысле самостоятельное правление Петра. До этого царь практически не интересовался внутренними делами государства, не заглядывал ни в Боярскую думу, ни в приказы, передоверив управление страной

главным образом своему дяде Л.К. Нарышкину. Вернувшись в начале осени 1694 года в Москву из Архангельска, Петр устроил очередные грандиозные маневры, после которых было принято решение выступить уже в настоящий поход.

Избранное направление похода — на Юг — было традиционным для военных усилий России этого времени, которая еще в 70-е годы XVII века объединилась с Польшей, Австрией и Венецией в антитурецкий союз, и это ясно показывает, что никаких новых внешнеполитических идей и замыслов у Петра еще не было. Но если до этого Россия направляла основные усилия на борьбу с союзником Турции Крымским ханством, то теперь решено было попытаться овладеть турецкой крепостью Азов на левом берегу реки Дон, что должно было открыть выход в Азовское море. Такая перспектива, видимо, привлекала Петра новыми возможностями утоления его морской страсти. Поход был организован наподобие потешных маневров: три колонны русских войск имели каждая своего командира, а сам царь следовал в одной из них в качестве командира бомбардирской роты. Однако настоящая война оказалась куда сложнее привычных потех.

Добравшись в июне 1695 года до Азова и осадив крепость, русские войска уже вскоре обнаружили неумение вести инженерные осадные работы, несогласованность действий из-за отсутствия единого командования, да и в целом слабую подготовку к серьезным военным действиям. Явственно обнаружилась и нужда во флоте, без которого осада Азова была неполной. Два штурма крепости закончились неудачей, в то время как вылазки турок наносили русским большой урон. В октябре осада Азова была снята и войско отправилось домой. Именно в это время характер Петра, его удивительная способность учиться на ошибках проявились наиболее ярко.

Петр не пал духом, но вернулся в Москву с планом нового похода, организованного на иных принципах. Уже 27 ноября, через два дня после возвращения царя, о новом походе было объявлено служилым людям, а в январе 1696 года в Преображенском стали собираться добровольцы, причем пожелавшие записаться в войско холопы становились лично свободными. Одновременно была развернута грандиозная работа по строительству флота, которая велась одновременно в Преображенском и в Воронеже, куда были согнаны со всей округи около 20 тысяч

работников, в основном крестьян, которых вооружили топорами и превратили в плотников. Это была первая масштабная мобилизация населения, осуществленная Петром, позволившая в несколько месяцев соорудить около 30 различных судов. В апреле они были спущены на воду, а в начале мая отправились к Азову. На сей раз поход был удачным: русский флот преградил турецкому подходу к Азову, и войска начали интенсивные осадные работы, сопровождавшиеся эффективным артиллерийским обстрелом крепости. 18 июля, не дожидаясь решающего штурма, турки капитулировали.

Взятие Азова было первой важной победой молодого царя, которая должна была значительно укрепить его политический авторитет, в чем Петр очень нуждался, ибо его дружба с иностранцами и необычный для русского царя образ жизни давно уже возбуждали недовольство в разных слоях населения. Более того, победа под Азовом была за долгое время первой военной победой России. Петр, по-видимому, сознавал все это и не случайно распорядился приготовить в Москве особо торжественную встречу, организованную при этом не в русских традициях, а на европейский манер. Сам царь участвовал в торжественном шествии пешком в немецком платье, причем шел не впереди, а следом за своими генералами.

Первый успех вполне мог вскружить голову молодому человеку. Казалось бы, ему удалось задуманное и можно почивать на лаврах. Но Петра успех лишь раззадорил, еще более подстегнул его энергию. Деятельность Петра становилась все более масштабной, самостоятельной и целеустремленной. Не прошло и трех недель после торжественного въезда в Москву, как царь собрал Боярскую думу, но не в кремлевских палатах, где бояре чувствовали себя дома, а в Преображенском. Перед боярами было поставлено два важнейших вопроса: как восстановить и сохранить для России Азов с прилегающими территориями и как построить парусный флот, способный продолжить войну. Решение обоих вопросов требовало привлечения значительных человеческих ресурсов и серьезных финансовых затрат. В иных условиях дума могла бы воспротивиться, но теперь Петр говорил с ней с позиции победителя. В результате в Азов было решено переселить 3000 семей из поволжских городов, а для строительства флота ввести специальную корабельную повинность, разложив расходы

на монастыри, служилых людей и купцов, из которых были составлены специальные «кумпанства», т.е. компании, каждая из которых несла ответственность за строительство определенного числа кораблей. Характерно, что для образования «кумпанств» в Москву были вызваны все землевладельцы, имевшие более 100 крестьянских дворов, которым в случае неявки грозила конфискация имущества. Дума вынуждена была санкционировать и новую мобилизацию сотен тысяч людей для непосредственного строительства флота. Но и этого мало: мобилизованные русские крестьяне еще в Воронеже зарекомендовали себя хорошими плотниками, но создание парусных судов было для них делом новым, незнакомым. Не было в России и тех, кто мог бы этими судами управлять. Требовались высококвалифицированные специалисты, найти которых можно было только за границей. И вот в ноябре оглашается новый указ царя о посылке на учебу в Европу нескольких десятков отпрысков знатнейших семейств. Для молодых русских людей, не привыкших не только к заграничным, но и вообще к каким-либо путешествиям, не знавшим иного мира, кроме того, в котором родились, не привыкших чему-либо учиться, да еще обремененным многочисленными предрассудками относительно враждебной России Европы, царский указ был истинной трагедией. О желании их никто не спрашивал, никто не выяснял их способности. Их попросту мобилизовали. Как крестьянина царь своей волей превращал в корабельного плотника, так и молодого придворного он делал штурманом, капитаном, инженером — тем, в ком, по его мнению, нуждалась страна. Но, как и всегда в подобных случаях, из числа мобилизованных царь не исключал и самого себя: сам он тоже отправлялся на учебу за границу.

6 декабря 1696 года был объявлен указ об отправлении в Европу «великого посольства» во главе с тремя послами — Ф. Лефортом, Ф. Головиным и П. Возницыным. Сопровождать их должна была невиданная по тем временам делегация, в составе которой под именем Петра Михайлова* ехал и сам царь. Впервые в русской истории православный государь собирался покинуть пре-

* В литературе можно встретить различные объяснения того, почему Петр ехал за границу инкогнито. Однако простейшее состоит в том, что в тогдашней Европе это было обычной практикой, ибо официальные визиты глав государств в другие страны еще не были приняты.

дела своего отечества и отправиться в чужие края в гости к отступникам от истинной христианской веры, впервые он соби-рался сам вести переговоры с иноземными коронованными осо-бами. Это было уже не просто отступление от обычаев предков, но прямой вызов русской старине с ее идеологией самоизоляции и ксенофобии. Что же касается самого Петра, то помимо естественного любопытства главная цель поездки была для него в учебе — учебе у иностранцев тому, в чем они обогнали русских. Как вы-сокопарно выражался С.М. Соловьев, в этом стремлении Петра на Запад отражалось «неодолимое стремление нецивилизованных, но исторических, благородных народов к цивилизации»¹³.

Но прежде, чем прильнуть к источнику цивилизации, Петр успел проявить варварскую сторону своей природы, когда за не-сколько дней до отъезда стало известно о новом заговоре про-тив него в стрелецкой среде. В результате пятеро заговорщиков было казнено, причем их головы были воткнуты на острые ме-таллические штыри, укрепленные на специально сооруженном на Красной площади Москвы каменном столбе. При этом Петр велел выкопать из земли гроб с телом умершего еще за 12 лет до этого князя Ивана Милославского, которого считал причастным к заговору. На санях с запряженными в них свиньями гроб был привезен в Преображенское, где происходила казнь, и поставлен под плахами так, чтобы кровь осужденных стекала в него. Спустя пять дней после совершения казни, 9 марта 1697 года посольство вместе с Петром покинуло Москву, а страшный столб с голова-ми казненных и их трупами у подножия столба оставались на Красной площади как напоминание о грозном царе до июля.

Путь «великого посольства» лежал сперва в принадлежавшую тогда Швеции Ригу, затем в столицу Курляндии (в то время поль-ский лен) Митаву, а оттуда в Кенигсберг (Бранденбургское кур-фюршество). В Риге прием, оказанный царю, был холодным, что, как считают некоторые историки, сыграло свою роль в решении начать войну со Швецией, зато в Митаве и Кенигсберге прием был отменный. Курляндский герцог и бранденбургский курфюрст приветствовали русского царя роскошными обедами, фейервер-ками и охотой. Царь немного подучился артиллерийскому делу под руководством главного инженера прусских крепостей, об-нялся при встрече с курфюрстом Фридрихом II, добился заклю-чения с ним союзного договора и отправился далее, в Голландию.

По дороге он обедал с двумя пожелавшими познакомиться с ним дамами — Софией Ганноверской и ее дочерью Софией Бранденбургской. Обе оставили интересные воспоминания, из коих явствует, что Петр сперва стеснялся их общества и даже закрывал лицо руками, но потом они «его приручили» и он стал весело болтать, заставляя всех присутствующих выпить по три-четыре стакана вина и демонстрируя свои огрубевшие от физической работы руки. После чего совсем развеселился и принялся обучать своих хозяек «танцевать по-московски». Дамы заметили, что царь не умест опрятно есть и пользоваться салфеткой, а Петр, не имевший представления о женских корсетах, которых не носили в России, отметил, что у немок «чертовски крепкие кости». Старшая из женщин, будучи опытнее и проницательнее, добавила при этом, что «государь одновременно и очень добрый и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны»¹⁴.

По приезде в Голландию Петр сперва работал на Саардамской верфи, а затем перебрался в Амстердам, где специально для него директорами Ост-Индской компании был заложен новый корабль, с тем чтобы царь мог проследить весь процесс его создания. В течение нескольких месяцев Петр трудился как простой плотник, отрываясь от работы лишь для участия в какой-нибудь официальной церемонии, встречи с английским королем и штатгалтером Голландии Вильгельмом Оранским или голландскими учеными, один из которых впервые показал царю микроскоп. Одновременно члены посольства вели официальные переговоры с правительством Голландии о союзе против турок, а приватно закупали оружие и нанимали мастеров для работы на металлургических и оружейных заводах России, а также знатоков морского дела. И то и другое было непросто: уговорить голландцев на союз не удалось, но зато купили 15 тысяч ружей и наняли для службы во флоте несколько сот моряков.

Проведя в Голландии четыре с половиной месяца, в январе 1698 года Петр I прибыл в Лондон. Здесь его также ожидали всевозможные знакомства и экскурсии. Царь побывал в Оксфордском университете, в Гринвичской обсерватории, в Английском королевском обществе, на королевском Монетном дворе. Он, по крайней мере дважды, виделся с королем Вильгельмом III, по видимому, познакомился с Исааком Ньютоном¹⁵, встречался с архиепископом Солсберийским Бернетом и уговорил математика

1. Петр I
в матросском
платье в Саардаме

Эндрю Фергансона переехать в Россию. С особым восторгом Петр и сопровождавшие его лица восприняли подписание торгового договора, по которому адмиралу лорду Кармартену была продана монополия на торговлю в России табаком. В Англии Петр вновь работал на верфи, осматривал военные корабли, наблюдал показательные морские маневры, специально для него организованные английским правительством, учился собирать часы, изучал артиллерийское производство и другие полезные вещи. Досуг царя и его спутников был примерно таким же, как и на родине: после их отъезда владелец дома, арендованного для них английским правительством, предъявил счет за изломанную мебель, испорченные картины, ковры и даже окружавший дом парк.

25 апреля 1698 года Петр покинул Англию и вернулся в Амстердам, откуда его путь лежал в Вену. По дороге он на несколько дней остановился в Дрездене, где познакомился с незадолго

до этого возведенным на польский престол при помощи русских войск саксонским курфюрстом Августом II. Особенно заинтересовала царя в Дрездене королевская кунсткамера, в которой он провел много часов, внимательно осматривая каждый экспонат. В июне Петр, а за ним и все «великое посольство» прибыли в столицу Священной Римской империи. Пребывание их здесь было относительно недолгим и было посвящено в основном дипломатическим переговорам, которые на сей раз царь вел сам с канцлером графом Кинским и посланцем Августа II генералом Карловичем. В середине июля, когда уже все было готово для отправления в Венецию, планы царя неожиданно переменялись: из Москвы было получено известие об очередном бунте стрельцов. Показательно, что, хотя письмо с этим сообщением добиралось до Петра целый месяц и за это время события в России могли повернуться в любую сторону, царь не колебался и уже на следующий день сообщал князю-кесарю, что «хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, однако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете»¹⁶. Одновременно царь требовал от Ромодановского суровости к бунтовщикам как единственного средства их усмирения. В этих словах Петра историки усматривают обычно изначальное намерение «сурово, без пощады расправиться с бунтовщиками»¹⁷. С.М. Соловьев при этом добавлял: «Привести в ужас противников, кровью залить сопротивление — эта мысль обыкновенно приходит в голову революционным деятелям в разгаре борьбы, при сильном ожесточении от сопротивления, при опасении за будущность свою и за будущность проводимого начала»¹⁸. В том, что Петр не собирался церемониться с ненавистными стрельцами и, наоборот, был рад поводу окончательно покончить с ними, можно не сомневаться; вероятно, он также испугался за прочность своего трона, но считать Петра 1698 года «революционным деятелем» вряд ли правильно. Ему лишь предстояло им стать.

Пока Петр, предвкушая расправу со стрельцами, мчитя в Москву, у нас есть возможность задержаться в Европе, чтобы разобраться в сложившемся к этому времени международном положении. Выдающийся голландский мыслитель XX века Йохан Хейзинга так характеризует политическую жизнь XVIII столетия: «Искусство управления государством: политика кабинетов, политические интриги и авантюры — воистину никогда еще не было до такой степени игрой. Всесильные министры или князья в своих близо-

руких деяниях, к счастью, еще ограниченные малоподвижностью инструмента власти и малоэффективностью средств, без особых забот социального и экономического характера и не стесняемые докучными подсказками инстанций, самолично с любезной улыбкой и учтивыми словами на устах подвергают смертельному риску могущество и благосостояние своих стран, словно собираются жертвовать слона или коня в шахматной игре. Из убогих мотивов личного самомнения и династического тщеславия, время от времени позлащаемых химерическим представлением о миссии «отца» страны, они употребляют еще сравнительно прочное величие своей власти на искусственные махинации»¹⁹. У философов свой, своеобразный взгляд на мир и его историю, и, конечно, далеко не все политики XVIII века игнорировали социальные и экономические факторы, однако игровой момент во внешней политике этого времени действительно весьма заметен. Собственно, сама дипломатия превращается в своего рода игру, где правилами становятся все более усложняющиеся понятия и нормы международного права. Игра эта обретает собственные системы защиты и нападения, стратегию и тактику, действительно напоминающие шахматные сражения со свойственными им долгими раздумьями над каждым ходом и хитроумными комбинациями. Именно с такой дипломатией и столкнулись не слишком искусные Петр и его помощники во время «великого посольства». Историки не едины в определении изначальных целей посольства. Большинство полагают, что они соответствовали изложенным в официальной инструкции послам и состояли в укреплении и по возможности расширении антитурецкого союза. К иному выводу пришел недавно историк В.Е. Возгрин, полагающий, что «наряду с официальной целью» посольство «имело иную, реальную и более важную для Петра задачу, а именно дипломатическую подготовку войны со Швецией за выход к Балтике»²⁰. С этой точкой зрения категорически не согласен Н.И. Павленко и менее категорично Е.В. Анисимов²¹. Последний считает, что «великое посольство» «было предпринято с целью глубокой дипломатической разведки», оно «должно было выявить реальный баланс сил в Европе, чтобы учесть его при разработке будущей политики России»²².

Действительно, Петр отправлялся в посольство сразу после взятия Азова и принятия энергичных мер по его укреплению. Понятно, что ближайшей внешнеполитической целью молодого царя

должно было стать развитие успеха и борьба за выход на берега Черного моря. Речь шла о полномасштабной войне, невозможной без поддержки союзников по коалиции, бездействие которых раздражало и удивляло Петра. Необходимость и важность войны с Турцией казалась, видимо, Петру столь очевидной, что он не сомневался в успехе миссии посольства. Сама постановка его задачи подобным образом свидетельствует о том, что русское правительство было плохо осведомлено о реальном положении дел в Европе, планах и целях ведущих держав. Все это не значит, что идея войны со Швецией до отъезда из Москвы вовсе не приходила Петру в голову, однако приоритетной целью внешней политики она еще не стала: новой внешнеполитической доктрине России лишь предстояло родиться в ходе «великого посольства», когда о возможности совместной борьбы со Швецией заговорили сперва датские дипломаты, а затем курфюрст Бранденбургский. Как замечает историк русской внешней политики Г.А. Санин, балтийский вопрос «только вставал перед российской дипломатией, ситуация для его решения еще не созрела, но и отказываться от возникающих новых возможностей было бы опрометчиво»²³.

Оказавшись в Европе, Петр с головой окунулся в мировую политику и не мог, наверное, не подивиться сложности и запутанности взаимоотношений между отдельными странами. В Риге шведский комендант принял его за шпиона, в беседах с герцогом Курляндским впервые возникла тема балтийской политики России, а курфюрст Бранденбургский добивался союза с Петром как помощником в борьбе за независимость от Польши, и царь, не желая портить с Польшей отношения и опасаясь, что в этом случае инициативу в этой стране перехватит союзница Турции Франция, вынужден был лавировать. В Голландии неопытность Петра привела к полному краху миссии посольства, а перед самым отъездом в Вену выяснилось, что Англия и Голландия были посредниками в ведшихся тайно переговорах Австрии с Турцией. При этом внимание всей Европы было приковано к далекой от России Испании, престарелый король которой Карл II не имел наследников. На испанский престол могли претендовать как австрийские Габсбурги, так и французские Бурбоны: готовилась война за богатое «испанское наследство». В этих условиях задача борьбы с Турцией отходила для европейских держав на второй план. По всей видимости, к концу миссии «великого посольства» невозможность

прочной антишведской лиги стала для Петра очевидна и, с другой стороны, определилась возможность сколотить антишведский блок. Союзницами России в этом новом блоке могли стать Дания, давно враждовавшая со Швецией из-за герцогства Шлезвиг, и Польша, новый король которой Август II был обязан Петру короной. И тут необходимо заметить, что вопрос о польском короле был решен Петром решительно и с опорой на силу: для избрания на престол российского ставленника в страну были введены русские войска. Тем самым, по сути, был определен стиль русско-польских отношений на все XVIII столетие. 31 августа 1698 года по пути в Москву Петр встретился с Августом, они понравились друг другу, подружились и в секретных переговорах с глазу на глаз заложили основы антишведского Северного союза.

История «великого посольства» указывает на важнейшую принципиальную разницу во внешней политике России и ведущих европейских стран того времени. Последние уже хорошо усвоили правила игры и рассчитывали свои действия на несколько ходов вперед. Русская дипломатия лишь еще училась этому искусству и пока действовала во многом наугад, по старинке и руководствуясь в основном сиюминутными соображениями. Но учились русские быстро, и активное вовлечение страны в европейские отношения именно в петровское время привело к возникновению имперской внешнеполитической доктрины, успешно претворенной преемниками Петра в жизнь. Вместе с тем абсолютное большинство историков полагают, что основной целью внешней политики Петра была борьба за выход России к морю, что в свою очередь диктовалось чисто экономическими выгодами, стремлением наладить крупномасштабную транзитную торговлю от берегов Балтики до Центральной Азии. Тем самым как бы подчеркивается, что стратегическая цель была определена изначально, а изнурительные войны, которые вел Петр, были России жизненно необходимы, благополучное экономическое развитие страны без них невозможно, а следовательно, и внешнеполитическая экспансия оправданна. Между тем Россия уже обладала выходом к морю через Архангельск, и этот порт продолжал играть во внешней торговле страны существенную роль вплоть до конца XVIII века, уступив лишь Петербургу. Торговля с Азией и в XVII, и в XVIII веках велась преимущественно через Астрахань. Но что еще важнее, хотя объем русской внешней торговли на протяжении всего столетия

возрастал (что, несомненно, происходило бы и без войн, ведь Россия представляла собой практически безграничный рынок для заморских товаров), роль русского купечества в ней оставалась незначительной. По сути дела, и при открывшихся возможностях оно оказалось неспособным конкурировать с иностранцами. О том, почему так произошло, мы еще будем говорить, но здесь важно подчеркнуть, что реально тот экономический эффект, который имеют в виду, говоря об исторической необходимости выхода России к морям, достигнут не был: Россия не стала новой владычицей морей и не только не заняла в мировой торговле место Англии, но даже не приблизилась к этому. По существу, она лишь открыла свои рынки для западных товаров.

В исторической литературе встречаются и иные точки зрения. Так П.Н. Милюков полагал, что Петр в своей внешней политике не руководствовался ни торговыми, ни экономическими интересами страны, а лишь собственными амбициями²⁴. Другие исследователи считали, что царь действовал в интересах или московского купечества, или дворянства, или просто в соответствии с военно-стратегическими интересами России²⁵. Скорее всего, по своему правы и первые, и вторые, и третьи. Петр конечно же рвался на морские берега для утоления своей страсти к мореплаванию. Для этого нужно было бороться, вести войну, и деятельная, активная натура царя полностью соответствовала этой задаче. Но при этом «великое посольство» стало для Петра своего рода университетом. По словам В.О. Ключевского, он вернулся в Россию с представлением о Европе «в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами»²⁶. Вероятно, Петр испытывал то же, что испытывали и после него многие поколения его соотечественников, возвращаясь домой из-за границы, — чувство досады, раздражения и обиды за свою страну, чья отсталость так бросалась в глаза. Петру хотелось, чтобы и управляемая им Россия стала такой же зажиточной индустриально-торговой державой со своими верфями и фабриками, кунсткамерами и анатомическими театрами. Для этого требовалась радикальная реформа практически всех областей жизни, и одним из ее элементов была борьба за выход на морские берега. Так постепенно сложилось у царя представление о стратегической цели своего царствования. Но была у этой программы и идейная основа, также привнесенная в Россию с Запада.

Вот что пишет об этом Марк Раев: «Географические и научные открытия, а также ускорение интеллектуального развития, постепенно породили представление, что созданный Господом мир несовершенен, а его продуктивный потенциал безграничен. Более того, человек способен обнаружить законы, регулирующие природу, и, основываясь на этом знании, может использовать свою волю для максимального увеличения ресурсов как материального, так и духовного мира. Увеличение продуктивного потенциала сперва принесет пользу государству и его правителям, но затем постепенно будет также способствовать процветанию и счастью всех или, по крайней мере, большинства членов общества. <...> Подобные результаты лучше всего могут быть достигнуты с помощью элиты образованных администраторов под руководством государя... который «дисциплинирует» население для продуктивной работы путем регулирующих и плановых действий центральной власти. <...> Новая политическая культура обычно называется «Регулярным полицейским государством»...»²⁷. «Человечеству, — добавляет Е.В. Анисимов, — казалось, что наконец найден ключ к счастью — стоит правильно сформулировать законы, усовершенствовать организацию, добиться беспрекословного, всеобщего и точного исполнения начинаний государства. <...> Отсюда... оптимистическая наивная вера людей XVII—XVIII веков в неограниченные силы разумного человека, возводящего по чертежам, на началах опытного знания, свой дом, корабль, город, государство»²⁸.

Нам неизвестно с достоверностью, в какой мере был знаком Петр с этими идеями, хотя мы знаем, что он переписывался с Лейбницем и способствовал переводу на русский язык сочинений С. Пуффендорфа, но то, что царь проникся самим духом этих идей, сомнений не вызывает. Из этих идей и принципов выросло и его представление о служении отечеству как высшей ценности для монарха и гражданина и усердно пропагандировавшаяся на протяжении всего царствования идея общего блага, «народной пользы» как цели этого служения. Именно служение отечеству, государству стало смыслом и сутью жизни и Петра-царя и Петра-человека, всю деятельность которого пронизывали при этом практицизм и рационализм.

Есть основания утверждать, что в значительной мере представления царя о том, что надо делать и к чему стремиться, сложились

именно во время пребывания за границей. Не случайно, даже получив известие о подавлении стрелецкого бунта, он не возобновил свое путешествие: он уже видел и узнал достаточно, и ему не терпелось применить приобретенные знания на практике.

2

25 августа 1698 года царь Петр неожиданно вернулся в Москву. Уже на следующее утро, когда об этом стало известно москвичам, они поняли, что надо ждать грозу: царь побывал у Анны Монс, у Лефорта и, даже не повидавшись с женой, уехал в Преображенское. На следующий день там же, в Преображенском, Петр принимал своих бояр и выслушивал их доклады о положении дел. Первых людей государства царь встречал с ножницами в руках, которыми стриг отращивавшиеся годами, холеные и лелеянные боярские бороды — признак уважения и почета, а для царя один из символов русской старины и отсталости. Споры вокруг «брадобрития» велись в России на протяжении уже нескольких десятилетий, и против него активно выступала православная церковь, борющаяся с «блудноносным образом» безбородого человека. По словам С.М. Соловьева, «борода стала знаменем в борьбе двух сторон», ибо «человек прежде всего в своей наружности, в одежде и уборке волос старается выразить состояние своего духа, свои чувства, свои взгляды и стремления»²⁹. Петр решил проблему по-своему — с помощью ножниц, продемонстрировав и как бы предопределив тем самым насилье как важнейшее средство осуществления всех будущих реформ. Вскоре последовал и соответствующий указ, предписывавший брить бороды всем, кроме священников и крестьян. Желавшие же сохранить бороду должны были платить специальный налог. Отметим и еще две стороны этого мероприятия. Во-первых, обрезая своим подданным бороды, Петр тем самым начал то, что с этого времени считал своей первой обязанностью — воспитание народа. Во-вторых, мелочная регламентация всего уклада жизни, быта и даже внешнего облика подданных полностью соответствовала концепции регулярного государства.

Но, привезя из-за границы новые идеи и планы по части нравов и привычек, как доказали события последующих нескольких месяцев, сам Петр остался совершенно русским. Ко времени

возвращения царя в Москву 122 участника бунта были казнены и около 2 тысяч в цепях развезли по острогам. Петр велел привезти стрельцов назад и возобновить следствие. В течение всего сентября доставленных в Преображенское стрельцов пытали и избивали, добиваясь от них признаний в умысле на жизнь царя, членов его семьи, бояр и иноземцев, а также об участии в заговоре царевны Софьи. Петр лично принимал участие в пытках и собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам. Царь не поленился и съездить в Новодевичий монастырь, чтобы самому допросить старшую сестру. Софья ни в чем не сознавалась, и ее пытать все же не стали. В пытках и казнях Петр заставлял принимать участие и своих ближайших соратников: своим усердием в отрубании голов они должны были доказать свою преданность царю. Одновременно, наподобие членов бандитской шайки, все эти люди оказывались как бы повязаны кровью своих жертв, и теперь им не оставалось ничего другого, как идти с Петром до конца.

2. Казнь стрельцов в Москве в 1698 г.

Участвовать в казнях отказались лишь иностранцы, сославшись на то, что в их странах это не принято.

С конца сентября начались публичные казни, продолжавшиеся весь октябрь. Всего было казнено около тысячи стрельцов*, причем около 200 из них было повешено под стенами Новодевичьего монастыря, а трое — непосредственно под окнами кельи, где жила Софья. «А иные повешены были по всему Земляному городу, — вспоминал современник, — у всех ворот по обе стороны, также и у Белого города, за городом, у всех ворот по обе стороны. Сквозь зубцов городских стен просунуты были бревна, и концы тех бревен загвозжены были изнутри Белого города, а другие концы тех бревен выпущены были за город, и на тех концах вешаны стрельцы»³⁰. В начале 1699 года в Москву привезли еще около 700 стрельцов, которых постигла та же участь. И вновь разлагающиеся трупы казненных не убирала несколько месяцев. Женам и детям стрельцов запретили жить в Москве и разослали их по всей стране. Резко ужесточен был режим содержания Софьи, к которой теперь даже ее сестер было разрешено пускать лишь раз в году на Пасху. Впрочем, одна из них — царевна Марфа Алексеевна — оказалась причастной к заговору и была тоже пострижена в монахини. Аналогично поступил Петр и со своей женой Евдокией, виноватой лишь в том, что не сумела заставить мужа любить ее. Воспитание царевича Алексея Петр поручил своей любимой сестре Наталье. Царь никого не щадил и ни к кому не проявлял жалости: он настойчиво шел к поставленной цели, оставляя на своем пути горы трупов и искалеченных жизней.

В конце октября Петр снова поскакал в Воронеж, чтобы на практике проверить приобретенное в Европе кораблестроительное искусство. К Рождеству он вернулся, изрядно попиравал, покутил с друзьями, принял участие в новых пытках и казнях стрельцов и снова вернулся на корабельную верфь. Однако до отъезда, 30 января 1699 года, он успел подписать несколько важных указов, положивших начало реформе управления. Пока что касалась она управления городами и вводила по желанию горожан новый орган — выборную бурмистерскую палату, которая должна была ведать сбором налогов и исполнять судебные функ-

---

* У С.М. Соловьева приведены сведения о 971 казненном (*Соловьев С.М. Указ. соч. С. 552*), у Н.И. Павленко о 799 (*Павленко Н.И. Указ. соч. С. 91*).

ции. Городское население, таким образом, выводилось из-под власти воевод, в чьем управлении находились уезды и на которых оно постоянно жаловалось, и получало органы самоуправления. По-видимому, Петр полагал, что таким образом он облагодетельствует горожан и те, почувствовав себя вольными, с радостью примутся за торговлю и предпринимательство. Ну, а чтобы государство поскорее получило от этого выгоду, города, жители которых избирали себе подобную форму самоуправления, облагались двойными податями. Результат реформы как нельзя лучше продемонстрировал как слабое знание Петром реальной ситуации в стране, так и абсолютную неготовность русского общества к переменам на западноевропейский лад. Большинство горожан заявило, что вполне удовлетворено своими воеводами и лучшей доли себе не желает. Некоторые города избрали бурмистров, но при этом сделали вид, что о двойном окладе забыли, и лишь небольшая часть согласилась на условия правительства. Петр учился быстро, и уже в октябре 1699 года двойной оклад был отменен, а выборы бурмистра сделали обязательными.

В феврале 1699 года, также до отъезда в Воронеж, Петр успел и вновь поработать ножницами. На сей раз он укорачивал рукава и полы кафтанов на гостях, явившихся на освящение Лефортова дворца в традиционной русской одежде. Однако законодательная регламентация одежды была осуществлена лишь через год, в 1700 году, когда появился ряд указов, предписывавших всем, кроме священников, крестьян и извозчиков, носить европейское платье и обувь. В начале 1701 года эти указы были дополнены запрещением изготавливать и продавать русское платье. И вновь обратим внимание на несколько особенностей этих новшеств. Обрив и переодев в иноземную одежду значительную часть своих подданных, Петр как бы сразу разделил их на две части — тех, что должны были жить по-европейски, и тех, чей образ жизни должен был оставаться традиционным. Понятно, что первым, для того чтобы стать настоящими европейцами, нужно было приобрести и иное мироощущение. Для этого требовалось много времени, но сама стремительность петровских преобразований, необычность занятий, в которые вовлекались массы людей, а впоследствии и серьезные перемены в быту и времяпрепровождении делали свое дело относительно быстро. Для Петра и борода, и одежда были, конечно, лишь раздражавшими его символами

старины, но инстинктивно он удивительно верно нащупывал путь. Переодетый в более рациональное европейское платье, избавленный от длинных рукавов, широких воротников, тяжелых высоких шапок и шуб до земли, человек начинал иначе двигаться, а следовательно, иначе жить и иначе мыслить. По силам это было, конечно, не всем, и в особенности трудно старикам. Но именно они уже в первые годы петровского царствования все более отходят на второй план, а правящая элита России резко молодеет; происходит быстрая смена поколений, характерная для периодов радикальных реформ. Наиболее заметно это по судьбе Боярской думы, которая в 90-е — начале 1700-х годов практически вымирает, за десятилетие сократившись вдвое, ибо царь перестал жаловать боярские чины. Показательно при этом, что, казалось бы, самая могущественная часть русского общества исчезла практически без сопротивления, как бы с самого начала ощущая собственную обреченность. Как заметил американский историк Р. Крамми, «когда Петр сделал радикальную европеизацию своей официальной политикой, они ушли, возможно, неохотно, но не протестуя»³¹.

Проведя весну 1699 года на верфи в Воронеже, Петр оттуда в апреле во главе эскадры из 22 кораблей поплыл к Азову, а затем к турецкой крепости Керчь, куда под пушечный салют прибыл в середине августа. Отсюда дальше, к Стамбулу должен был плыть русский корабль «Крепость» с полномочным послом царя Емельяном Ивановичем Украинцевым на борту. Перед послом была поставлена задача во что бы то ни стало заключить с турками мир. Сам же царь в конце сентября вернулся в Москву, где начал интенсивно готовиться к войне со Швецией. Подготовка шла по всем направлениям. Так, уже в октябре Петр заявил о необходимости создания в России светского образования и выписал из Англии учителей математики, инженерного и морского дела. В ноябре царь занялся реорганизацией армии. Сперва было объявлено о записи на военную службу вольнонаемных, а затем и так называемых «даточных людей», собираемых по одному от определенного количества крестьянских и посадских дворов. В результате собрали 32 тысячи человек, из которых сформировали 29 полков во главе с иностранными офицерами. В том же ноябре 1699 года был достигнут важный дипломатический успех: подписан союзный договор с Саксонией, в котором прямо говорилось о совместной борьбе со Швецией. Ранее Саксония заклю-

чила подобное же соглашение с Данией. Таким образом, антишведская коалиция была готова, и Петр ждал лишь заключения мира с турками, чтобы начать военные действия. Правда, каждый из союзников преследовал собственные цели, причем Россия заявляла о них прямо (возвращение земель, захваченных Швецией в начале XVII века, и закрепление на Балтике), а Саксония и Дания умалчивали. Как верно заметил Е.В. Анисимов, «в будущей войне России отводилась незавидная роль поставщика пушечного мяса, а Петру — своеобразного могучего медведя с железным кольцом в носу, пляшущего под дудку поводыря»³².

Закончился 1699 год еще одним событием: в конце декабря последовала реформа календаря. До этого русские люди пользовались юлианским календарем, но вели счет от сотворения мира и новый год праздновали 1 сентября. Таким образом, 1699 год по русскому календарю был 7207—7208-м. Петр велел вести летосчисление от Рождества Христова, как во всей Европе, и 1 января отметить новый 1700 год. Правда, при этом перейти на григорианский календарь, которым пользовалась большая часть европейцев, не решились, в результате чего вплоть до следующей реформы, уже в XX веке, разница между русским и европейским календарем составляла 11—13 дней. Указы царя содержали и предписания относительно порядка празднования Нового года. Велено было украшать дворы домов еловыми ветками и деревьями, устраивать пушечную пальбу и фейерверки, которые царь любил почти так же сильно, как корабельное дело.

Январь 1700 года отмечен еще одним нововведением. Дворецкий Б.П. Шереметева Алексей Курбатов в письме на имя царя предложил ввести в России гербовую бумагу, т.е. бумагу со специальным клеймом в виде государственного герба для оформления всех официальных документов, в том числе финансовых и торговых сделок. В зависимости от характера оформляемого документа необходимо было приобретать бумагу той или иной стоимости, что, по мнению Курбатова, должно было принести государству немалую прибыль. Предложение было принято и оценено по достоинству: Курбатов сделал неплохую карьеру, а царь провозгласил, что будет награждать всякого, кто сумеет найти способы обогащения государства.

Введение гербовой бумаги и ряд последовавших за этим мероприятий привели и к тому, что государство сосредоточило в своих

руках функции нотариата, бывшие до этого в частных руках. Специальными указами была реформирована система делопроизводства, сложившаяся в XVI—XVII веках: до этого писали на свитках бумаги, называвшихся столбцами, теперь велено было писать в тетрадах с обеих сторон листа, что должно было привести к значительной экономии бумаги, которую закупали за границей.

В том же январе 1700 года был обнародован указ об открытии в Москве школы математических и навигацких наук, для которой были выписаны преподаватели из Англии. Отныне получать необходимое профессиональное образование можно было уже не только за границей, но и в самой России. В феврале Петр подписал грамоту о создании русской типографии в Амстердаме для печатания полезных книг светского содержания «ко общей народной пользе и прибытку»³³.

Первые же преобразования в сфере управления и реорганизации армии привели к изменениям в самой системе органов власти. Ряд старых приказов постепенно исчез, а вместо них возникли новые, отвечавшие новым задачам страны. Таковы были, например, Адмиралтейский и Рудокопный приказы. Последний должен был интенсифицировать поиски столь необходимых стране драгоценных металлов. В феврале 1700 года Петр учредил Палату об уложении, призванную пересмотреть и систематизировать существующее законодательство. Это решение царя весьма показательно, ибо свидетельствует о том, что несовершенство законодательной основы государства уже осознавалось. Однако деятельность палаты результата не дала и проблема осталась нерешенной на всё XVIII столетие.

Уже самые первые преобразования Петра I отличают особенности, характерные и для его реформ последующего времени: масштабность, распространение новшеств на самые разные сферы жизни и, с другой стороны, бессистемность, отсутствие какого-либо плана, представлений о необходимой последовательности действий. Многие решения принимались под влиянием момента, конкретной ситуации. Главным же для Петра в течение всей первой половины 1700 года была подготовка к войне и ожидание вестей о подписании мира с Турцией, после чего можно было начать военные действия против Швеции. Долгожданное известие пришло 8 августа, и хотя к этому времени союзники России уже успели продемонстрировать полную беспомощность (Дания потерпела

от Швеции сокрушительное поражение и принуждена была подписать мирный договор, а польские войска безуспешно осаждали Ригу, откуда вынуждены были вскоре уйти ни с чем), через десять дней война со Швецией была официально объявлена, и русская армия выступила в поход на крепость Нарву.

Судя по всему, у Петра, как говорится, чесались руки и ему не терпелось поскорее ввязаться в драку. При этом он значительно переоценивал боевые качества своей армии и не сомневался в успехе. До Нарвы добирались около месяца, и еще несколько недель ушло на концентрацию войск. Обстрел крепости начали лишь 20 октября и продолжали его две недели, пока не кончились порох и ядра. Эффект от обстрела из-за маломощности пушек был минимальный, а пока ждали подвоза боеприпасов, пришла весть о высадке шведов под водительством короля Карла XII в Пернау и Ревеле (ныне города Пярну и Таллинн в Эстонии).

К 18 ноября шведское войско достигло Нарвы и уже на следующий день атаковало, по крайней мере, втрое превосходящих их численно русских. После длившегося весь день сражения русская армия, потерявшая около 6 тысяч человек, капитулировала...

В истории поражения под Нарвой есть несколько примечательных деталей. Во-первых, даже не дожидаясь начала сражения, царь покинул русский лагерь и уехал в Новгород. Этот поступок Петра вызывает споры среди историков, которые, отбрасывая обвинения царя в трусости, на разные лады пытаются найти ему разумное объяснение. Одни утверждают, что Петр уехал «при вести о приближении Карла, убедившись, что оставаться опасно и бесполезно, что присутствие его может быть полезно в другом месте»³⁴. Другие уточняют, что царь отправился в Новгород, то ли «чтобы подготовить к обороне располагавшиеся там войска и одновременно ускорить присылку под Нарву подкреплений и боеприпасов», то ли, чтобы «поторопить оставшиеся полки»³⁵. Третьи убеждены, что в поступке царя «проявился присущий Петру жесткий рационализм, трезвое признание надвигающегося неминуемого поражения, желание выжить, чтобы с удвоенной энергией продолжить борьбу»³⁶. Некоторые усматривают в действиях царя нежелание стеснять главнокомандующего³⁷. Но ближе всех к истине, по-видимому, Н.И. Павленко, полагающий, что Петр попросту «недооценил меру опасности, нависшей над русской армией»³⁸. Действительно, при таком перевесе сил, какой

был у русских, не имея еще ни одного опыта сражения со шведами, горя воинственным пылом и столь обожая сражения, Петр вряд ли мог предвидеть поражение и вряд ли покинул бы лагерь, если бы знал, что Карл атакует на следующий день вопреки всем известным царю правилам военного искусства. В отъезде царя, чем бы он ни был вызван, проявились прежде всего неопытность и легкомыслие, с каким он в принципе еще воспринимал начавшуюся войну. Подтверждением этому служит и история герцога фон Круи, за несколько дней до сражения явившегося к Петру с рекомендацией австрийского императора и тут же назначенного царем главнокомандующим русской армией. Стоит ли удивляться, что он одним из первых сдался в плен к шведам и увлек за собой других офицеров-иностранцев. И вряд ли он был так уж неправ, утверждая позже свою невиновность в поражении и требуя от царя вознаграждения, ведь он, скорее всего, не успел даже толком ознакомиться с состоянием вверенного ему войска.

«Первый блин — комом», — гласит русская пословица, и именно так началась для России Северная война, ни тяжести, ни продолжительности которой еще никто не мог предвидеть. В память о Нарве в Европе была выбита медаль с изображением бегущего среди своих солдат царя Петра с брошенными шпагой и шапкой и утирающего платком слезы на глазах. Изображение сопровождалось евангельской надписью: *«Изшед вон, плакася горько...»*

ГЛАВА 3

Начало империи

Еще в конце 1698 года по возвращении из-за границы, отдыхая после казни стрельцов и размышляя о будущих подвигах своих подданных на благо отечества, царь Петр учредил первый российский орден. Уже в марте следующего, 1699 года первый кавалер этого ордена боярин Ф.А. Головин хвастался им перед австрийским посланником Корбом. Педантичный дипломат записал в своем дневнике, что орден учрежден царем для награждения отличившихся в борьбе с турками. По понятным причинам символический смысл происходящего участиями этой сцены замечен не был, и австриец счел, вероятно, что это просто еще одно проявление стремления царя к подражанию Европе. И вправду, учрежденный орден по своему названию — Св. Апостола Андрея Первозванного — соответствовал старому шотландскому ордену, ликвидированному после присоединения Шотландии к Англии и восстановленному в 1687 году. Но посланцу цесаря Священной Римской империи следовало бы быть настороже, ибо выбор святого для первого ордена был исполнен глубокого политического смысла: согласно преданию Св. Андрей проповедовал христианство среди балканских и причерноморских народов, в том числе среди скифов, которых считали предками славян. Еще во времена Византии это обстоятельство использовалось православными в спорах с католиками, и теперь царь, носивший имя брата Св. Андрея, как бы подчеркивал правопреемство России по отношению ко Второму Риму. К тому же, апостол Андрей считался покровителем путешественников и моряков, а следовательно, его помощь была необходима прибывавшей к морю России с ее новыми внешнеполитическими амбициями: крестом голубой «андреевский» крест («Cruz Decussata») вскоре по воле Петра появился на российском военно-морском флаге. Но и это не все. Выбором Св. Андрея подчеркивалась, с

одной стороны, приверженность царя православию, с другой — единство России со всем христианским миром и ее претензии на одну из ведущих в этом мире ролей. Последовавшее затем поражение под Нарвой должно было подействовать на честолюбивого царя отрезвляюще: заветная цель была гораздо дальше, чем казалось, и чтобы достичь ее, необходимо было трудиться не покладая рук. Именно этот урок и был наиважнейшим уроком Нарвы. «Когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое щастие) получили, — писал впоследствии Петр, — тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила»¹.

Мы не знаем, плакал ли Петр, узнав о катастрофе под Нарвой, но то, что он не потерял присутствия духа, очевидно. Более того, неудача еще более раззадорила его, возбудила в нем злость и упрямство, подхлестнула неукротимую энергию, с которой он стал добиваться своего. Нарва изгнала из Петра остатки легкомысленности, стала еще одним рубежом, еще одной ступенью в формировании Петра-реформатора. С этого времени его действия становятся хоть и не менее хаотичными, но более осознанными, ибо Нарва была еще и уроком предметным, указавшим на самое слабое место — армию. Отныне армия, война становятся главными заботами Петра, тянущими за собой преобразования и в других сферах.

В ноябре 1700 года, еще не зная, что дальше предпримут шведы, Петр срочно укрепляет города Новгород и Псков, отдает приказы о формировании новых полков и литье новых пушек. Уже вскоре набрано десять полков, а к ноябрю 1701 года отлито около 300 орудий. Для всего этого нужны металл и деньги. Металл собирают по всей России, снимая колокола с церквей, но в декабре 1701 года дает чугун первая домна на первом уральском заводе, строительство которого началось по приказу царя еще в 1698 году. В начале 1702 года здесь начинают производить железо, по качеству превосходящее европейское. С марта 1700 года на полную мощь работают станки монетного двора, чеканя медную монету облегченного веса. В результате государство получает миллионы рублей прибыли, но курс рубля падает. С 1701 года при царе начинает функционировать Ближняя канцелярия — орган центрального управления, координирующий и контролирующий деятельность приказов. Одновременно царь решительно берется за дело воспитания подданных, принимая на себя заботу о всех сторонах их жизни, включая веру.

Когда в октябре 1700 года умер патриарх Адриан, Петр решил, что новый патриарх России не нужен, и вместо него назначил «местоблюстителя» патриаршего престола. Следом последовал указ о создании Монастырского приказа во главе со светским чиновником, который должен был ведать всеми монастырями и делами священнослужителей. При этом было велено учинить перепись всем монахам, запретив им переход из одного монастыря в другой, отобрать у них бумагу и чернила, чтобы они не имели возможности ничего сочинять, и установлено, сколько денег следует тратить на пропитание каждого монаха, с тем чтобы все остальные доходы монастырей передавались в казну. Постричь в монахи или монахини теперь можно было только с разрешения царя. Таким образом, государственная регламентация образа жизни коснулась и еще одной социальной группы русского общества — духовенства.

При всем при том царь явно разделял веру и институт церкви, намереваясь сделать последнюю своим орудием и несколько не посягая на первую. Так, когда в феврале 1701 года один польский сенатор предложил ему соединить православие с католичеством, Петр отвечал, что «Господь действительно дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос, и соединение церковей может совершиться только с Божией воли»². В декабре того же года последовал царский указ, запрещавший в обращениях к царю подписываться уменьшительными именами, как было принято раньше даже для лиц самого высокого ранга, падать перед царем на колени и зимой снимать шапки перед царским дворцом. Аргументация при этом была та, что не следует воздавать царю почтение, равное с Богом: «Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — сия то почесть свойственна царю»³. Впрочем, спустя лишь пару месяцев, в марте 1702 года, была введена новая форма прошений на царское имя, которые следовало заканчивать формулой «Вашего величества низайший раб». И это вместо слов «холоп» для лиц, состоявших на царской службе, и «сирота» для тех, кто на царской службе не состоял: царь становился хозяином всего населения страны.

Для обработки умов в декабре 1702 года царь основывает первую печатную газету — «Ведомости», в которой публикуются сведения об успехах Российского государства. В том же году в

Москве на Красной площади строят «комедиальную храмину» — первый публичный театр, в котором играют пьесы об Александре Македонском, Юлии Цезаре, Тамерлане, а также «Лекаря поневоле» Мольера. Медицина, здоровье народа привлекают внимание и самого реформатора: в 1700 году в Москве запрещают бесконтрольную продажу трав и всякого зелья и открывают восемь казенных аптек под контролем Посольского приказа. Издаётся указ, под страхом кнута и ссылки запрещающий носить с собой острые ножи, которые русские люди столь часто пускали в ход в пьяных драках. В начале 1704 года новый указ: запрещается убивать младенцев, родившихся с физическими недостатками и хоронить мертвых ранее, чем через три дня после смерти. Регламентируется и институт брака: царским указом устанавливается, что за шесть недель до свадьбы должно быть обручение и за это время жених и невеста вольны переменить решение, — впервые в законе утверждается право женщины на выбор. Но все это становится возможным благодаря роковому просчету шведского короля Карла XII.

После разгрома русского войска под Нарвой перед королем был выбор: то ли преследовать царя Петра, то ли идти на его союзника, польского короля Августа. Карл выбрал второе и тем спас Петра и Россию. Конечно, с абсолютной достоверностью реконструировать, что случилось бы, если бы шведы стали преследовать русскую армию, невозможно, но то, что история России сложилась бы иначе, очевидно.

Русское войско не было окончательно разгромлено и сохранило в целом более 20 тысяч человек, но под Нарвой оно потеряло всю артиллерию и, безусловно, было деморализовано. Удержать ближайšie к Нарве русские города Новгород и Псков, если бы Карл стал действовать так же стремительно, как прежде, вряд ли удалось бы, а после их потери скорее всего пришлось бы заключать мир на шведских условиях. Но Карл выбрал Польшу — и потому, что считал Августа более сильным противником, и потому, что испытывал к нему личную неприязнь, и потому, что польские земли были богаче. Однако, уведя основные силы своей армии в Польшу, Карл фактически развязал Петру руки в Прибалтике.

Почти весь 1701 год прошел в мелких столкновениях русских с частями шведской армии, оставленными Карлом на границах России с Прибалтикой. Удача сопутствовала попеременно то

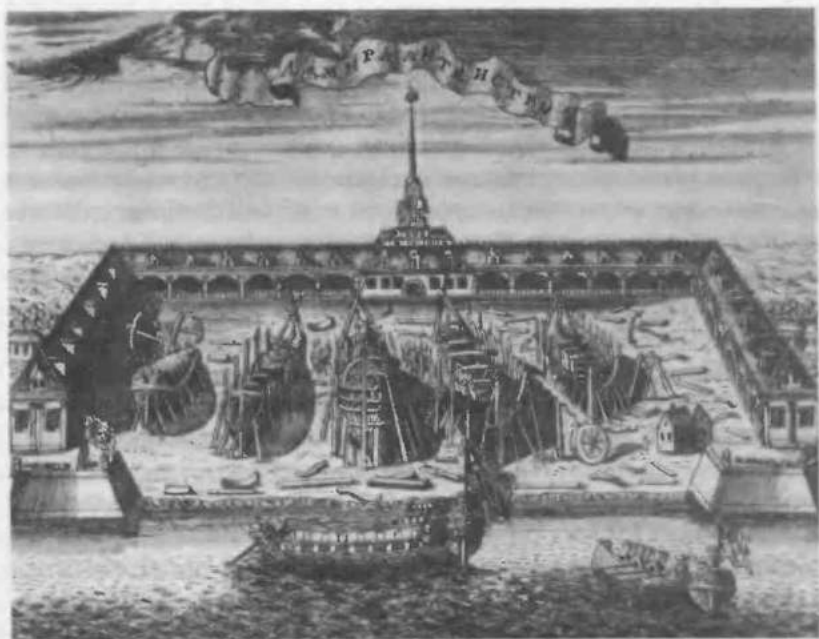
одной, то другой стороне. Но в самом конце года русские полки под командованием Б.П. Шереметева настигли у мызы Эрестфер к югу от Дерпта отряд противника и разгромили его, оставив на поле сражения до трех тысяч убитых шведов и впервые доказав, что могут их бить. Спустя полгода, летом 1702 года, русская армия вновь выступила в поход. К этому времени стало ясно, что основные силы шведов окончательно увязли в Польше и, следовательно, оставшимся в Лифляндии неоткуда ждать подкрепления. Русские же накопили силы и обладали значительным численным преимуществом. В июле состоялось сражение, в котором шведы были разбиты, и Шереметев фактически приобрел свободу рук в Лифляндии, получив от царя прямое указание разорить этот край. Сам царь весной 1702 года отправился в Архангельск, где провел три месяца, в течение которых было спущено на воду два новых фрегата и заложен 26-пушечный корабль. В Архангельске Петру пришла мысль атаковать шведскую крепость Нотебург у истоков реки Невы на Ладожском озере. К концу сентября здесь были сосредоточены русские войска, и 11 октября после 12-часового штурма крепость сдалась. Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург — Ключ-город, намекая на то, что он откроет русским дорогу во вражеские земли. Действительно, в апреле 1703 года русская армия овладела еще одной крепостью на берегах Невы — Ниеншанцем. Теперь вся Нева от истоков до устья была в руках русских. Дабы укрепиться на этом месте, решено было построить крепость. Она была заложена 16 мая и названа Санкт-Петербург. Ей суждено было стать новой столицей новой страны.

Старинное предание гласит, что Петр сам заложил первый камень в основание города. При этом был выкопан небольшой ров, куда «поставили ящик, высеченный из камня, духовенство этот ящик окропило святою водою, государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного»⁴.

Большинство историков не уверены, что Петр действительно был 16 мая на месте основания Петербурга, и полагают, что решение о строительстве города было принято на военном совете сразу после взятия Ниеншанца. Другие, как, например, петербургский историк А. Шарымов, пытаются доказать, что Петр присутствовал на церемонии⁵. Но так или иначе очень скоро этот заново строившийся город стал любимым детищем Петра, местом, которое он полюбил всей душой и называл не иначе, как «парадизом».

Один из красивейших городов мира, Петербург вот уже скоро триста лет остается для русских людей символом Петровской эпохи, воплощенной мечтой великого преобразователя России. Но в этом символе как бы соединились и противоречия деяний Петра: изящество, роскошь, изысканность проспектов, площадей, набережных и дворцов на фоне слишком часто мрачного неба, пронзительного ветра и постоянно угрожающей городу воды. С точки зрения здравого смысла трудно было найти место более не приспособленное для жизни человека. Но и в этом тоже был символ — символ России, по воле своего властелина преодолевающей стихию. «Построенный на зыбких, болотистых берегах Невы, которые окончательно сложились во времена Христа и Понтия Пилата, — замечает современный историк, — Петербург не казался прочным, стабильным, а тем более вечным... Этот сильный до вязкости ветер с моря, эта черная нагонная вода, со зловещим плеском пробиравшаяся во все уголки города, придавали мало оптимизма его жителям»⁶. «Природа здесь объединяется с климатом, столь суровым, что он постоянно внушает людям неизгладимое осознание того, что это ни в коем случае не есть место их естественного обитания, — вторит ему американский коллега. — Кажется даже, что мерцающий северный городской свет преобразует твердую материю в стертые тени. <...> Создание в подобной местности даже деревни, не говоря уже о метрополии мирового уровня, требовало такой силы воли и упрямства, какие могли быть результатом только ничем не сдерживаемого стремления к достижению цели или основанной на железной воле убежденности самодержца. В любом случае созданное в результате поселение никогда не могло появиться как естественное продолжение своего природного окружения. Город Петра, или любое иное поселение, созданное на этом унылом ландшафте, было бы искусственным произведением человеческой воли»⁷.

Но именно это — искусственность города — возможность создать его заново, на пустом месте, вопреки природе, но в соответствии со своими представлениями об идеальном городе, — и привлекало Петра. Петербург должен был стать для всей России образцом регулярности, разумности, правильно, т.е. по определенным правилам, организованной жизни. Прямые линии улиц и проспектов, пересекающиеся под прямым же углом (в старых русских городах преобладала кольцевая застройка — кольцами

3. Адмиралтейство. Гравюра. 1716 г.

от центра города), определенные указами типы домов для каждой категории жителей с фасадами на улицу (в России было принято строить дома внутри дворов) — и указами же регламентированные цвет и высота домов, печных труб, потолков и пр. Наконец, одетые в европейское платье жители, вся жизнь которых — и общественная и частная — подчинялась строгому распорядку. В России и прежде, когда каждый подданный был царским холопом, не знали англоязычного понятия «private»*, и уж вовсе не было ему места в петровском «парадизе».

Еще два аспекта, связанных со строительством Петербурга, заслуживают внимания. Уже в ноябре 1703 года у строящейся крепости пришвартовался первый иностранный торговый корабль,

* Удовлетворительного эквивалента этому понятию в русском языке нет до сих пор. Ближе всего по значению словосочетание «частная жизнь», однако английский эквивалент уже сам включает в себе тот мир индивидуума, в который недопустимо вторгаться посторонним.

и счастливый Меншиков, назначенный петербургским губернатором, щедро награждал моряков. С самого начала город замысливался не только как крепость и столица, но и как торговые ворота в Европу. В этом также было противопоставление новой России старой, где главным морским портом был Архангельск. Покровителем Архангельска считался Михаил Архангел, он же и один из патронов Московской Руси в целом. Следовательно, и «победа Града Святого Петра над городом Михаила Архангела могла толковаться символически»⁸. В течение XVIII века центр внешней торговли России действительно постепенно смещался из Архангельска в Петербург, хотя после окончания Северной войны Россия обрела на Балтике и другие, более удобные порты.

Но Петербург был еще и символом внешнеполитических амбиций новой России, свидетельством трансформации старой доктрины «Москва—Третий Рим» из чисто идеологической в политическую: «...наименование новой столицы Градом Святого Петра неизбежно ассоциировалось не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге как о новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе... особое значение приобретает подчеркнутое насаждение в Петербурге культов апостолов Петра и Павла. Им посвящается собор в Петропавловской крепости, что должно было по первоначальному плану совпадать с центром города. В этом нельзя не видеть переключки с местом, которое занимает... собор святого Петра в Риме». Помимо этого «подлинность Петербурга как нового Рима состоит в том, что святость в нем не главенствует, а подчинена государственности. Государственная служба превращается в служение Отечеству и одновременно ведущее к спасению души поклонение Богу»⁹.

Открытие «окна в Европу», как выразился А.С. Пушкин, не ограничивалось лишь строительством Петербурга. Еще в апреле 1702 года на свет появился «Манифест о вызове иностранцев в Россию», в котором, по мнению одного из биографов Петра, «развернута программа царствования и изложены способы ее реализации»¹⁰. Действительно, в манифесте утверждалось, что с самого своего воцарения Петр стремился к утверждению «всеобщего блага», заботился о постоянном улучшении состояния подданных, безопасности государства и развитии торговли, для

чего и были осуществлены некоторые перемены в управлении, «дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах»¹¹. В манифесте говорилось о необходимости распространения просвещения, укрепления армии и пр. Появление манифеста — безусловное свидетельство того, что уже в это время Петр более или менее отчетливо представлял цели своей политики, однако вряд ли можно говорить о манифесте как о программе реформ. Очевидно, что у царя не было каких-либо определенных представлений о необходимой последовательности действий, о тактике преобразований. Да и средства достижения поставленной цели он представлял весьма примитивно. Не случайно, слова манифеста были обращены не к соотечественникам, а к иностранцам, которым пытались внушить, что их приглашают на службу во вполне цивилизованную страну, где даже судить их обещали не по русским законам, а в соответствии с нормами римского права.

Необходимо отметить, что приглашение иностранных специалистов для интенсификации национальной экономики было в то время явлением распространенным, хотя в России оно и приняло, конечно, необычные масштабы, не говоря уже о том, что европейские страны обычно приглашали к себе специалистов какого-то определенного профиля, если соответствующих национальных кадров оказывалось недостаточно. Россия же нуждалась в специалистах любого профиля. Но было и одно исключение: из числа приглашаемых Петр постоянно исключал евреев, которых считал сплошь «плутами и обманщиками». Впрочем, так же относились и к грекам, о которых один из ближайших сподвижников царя Петр Андреевич Толстой писал, что они «от мала до велика все лгут и верить им отнюдь нельзя»¹².

Между тем военные успехи 1703 года следовало развить и укрепить. Весной следующего года русские войска вновь направились в Эстляндию — на крепости Нарву и Дерпт (ныне Тарту). Летом 1704 года оба города были взяты. Вскоре в Нарву, ставшую своего рода символом русских побед, прибыли польский и турецкий послы. С первым был подписан союзный договор (и вскоре отряд русских войск отправился в Польшу на помощь королю Августу II), второму — вручен ответ султану, решительно отклонявший требования Порты уничтожить азовский флот.

К концу года царь вернулся в Москву, где 19 декабря состоялось празднование победы, в котором принимали участие пленные шведские офицеры во главе с комендантом Нарвы генералом Горном. Новый, 1705 год начался спуском на воду новых кораблей в Воронеже, а летом 11-тысячный русский отряд отправился завоевывать Курляндию. Поход начался с поражения в сражении у Мур-мызы, но в сентябре была взята Митава и захвачено около 200 пушек. Казалось бы, удача сопутствовала царю, но на самом деле и внутреннее, и внешнеполитическое положение страны было чрезвычайно сложным.

Военные заботы оттесняли на второй план, одновременно подчиняя себе, но и стимулируя, процесс внутренних преобразований. Именно в это время исчезают из документов последние упоминания о Боярской думе, на смену которой приходит Консилия министров, объединявшая руководителей основных правительственных учреждений. Это было уже полноценное бюрократическое учреждение: четкое распределение обязанностей, а следовательно, и ответственности, определенный режим работы, установленные формы делопроизводства. Спустя несколько лет, предписывая каждому министру саморучно визировать протоколы заседаний Консилии, Петр четко определил и цель подобного порядка: «ибо сим всякого дурость явлена будет».

Правительство продолжало искать новые источники доходов, и в 1704 году велено было отписать в казну все постоянные дворы, чтобы затем отдавать их на откуп. Продолжался и процесс регламентации жизни подданных: в январе был издан указ о строительстве в центральной части Москвы только каменных строений, причем не во дворах, а фасадами на улицу. Владельцы дворов, не имевшие средств на постройку каменных домов, обязывались их продать. Впрочем, спустя десять лет, каменное строительство в Москве и других городах было запрещено: все силы архитекторов и строителей были брошены на Петербург.

В 1705 году были введены и новые принципы комплектования армии — при помощи рекрутов, собираемых непосредственно с крестьянского и городского населения: определенное количество рекрутов бралось от определенного количества крестьянских дворов и горожан на бессрочную службу. При этом за поставку рекрутов отвечала вся крестьянская община, в которой устанавливалась очередность и круговая порука: родственники

должны были ручаться за новобранца, что он не убежит, а если он все же бежал, велено было забирать в армию тех, кто за него ручался. Позднее, в 1712 году, Петр повелел делать рекрутам специальные татуировки в виде креста на руке, по которому все могли узнать беглого рекрута и донести на него. Последнее — донос — рассматривалось как гражданская обязанность. «Источник обеспечения армии людьми, — замечает Е.В. Анисимов, — стал поистине неисчерпаем»¹³, и рекрутская система сохранялась в России последующие сто пятьдесят с лишним лет.

Строительство Петербурга, на которое насильно сгонялись десятки тысяч людей, живших и умиравших там в нечеловеческих условиях, введение рекрутчины, постоянное увеличение налогового бремени и всевозможных трудовых повинностей, насильственное насаждение иноземных порядков, непривычных и чуждых черт быта и культуры — все это не могло не вызывать недовольства, брожения в самых широких слоях населения. Петровские преобразования всколыхнули страну, так или иначе затронули всех ее жителей, нарушили их привычный образ жизни, лишив ее стабильности. Прибавим к этому осознанное применение насилия и устрашения как основного средства достижения цели*. Кажется бы, страна должна была восстать и свергнуть тирана. Но этого не случилось. «Причина заключалась в том, — считал С.М. Соловьев, — что на стороне преобразователя были лучшие, сильнейшие люди... отсюда то сильное, всеобъемлющее движение, которое увлекало одних и не давало укореняться враждебным замыслам других; машина была на всем ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя»¹⁴. Были ли окружавшие Петра люди действительно «лучшими», сказать, конечно, невозможно**, но то, что они

---

* «Сами знаете, — писал Петр, — хотя часто добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.6. С.388). «Наш народ, яко дети, — пишет он в другом месте, — неучения ради, которые за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают» (Там же. Т.7. С.150). «Да воспримут смерть, — советует царю прибыльщик Курбатов о попавшихся взяточниках, — без страха же исправить трудно» (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VIII. С.313).

** Как верно заметил недавно историк О.А. Омельченко, «отдавая дань деятельности Меншикова и Ягужинского, Шафирову и Толстому, их преданности «делу реформ», стоило бы отметить, что буквально все «новопризванные» Петром люди были мошенниками и подлецами безотносительно к любому времени» (Вопросы истории. 1991. №12. С.228).

были «сильнейшими», безусловно справедливо. В условиях кризиса традиционализма, с распадом старой организации служилых людей, довершенной административными и военными реформами Петра, в стране попросту не оказалось организованной политической силы, способной противостоять преобразователю в его самых радикальных замыслах.

Впрочем, попытки сопротивления были: осенью 1705 года вспыхнуло восстание стрельцов и казаков в Астрахани, а в 1707 году новое восстание охватило донских казаков. Первое завершилось казнью около 300 человек, второе — более массовое и опасное — привело к гибели свыше 20 тысяч. При этом царь велел казачьи городки «жечь без остатку, а людей рубить, и заводчиков на колесы и колья, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанью воровства у людей, ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть»¹⁵.

Но, справляясь с восставшими, Петр не мог не чувствовать, что напряжение в обществе растет. Цель, ради которой была начата война со Швецией, — захват прибалтийских земель, считавшихся исконно русскими, была выполнена, а перспектива столкнуться с основными силами шведов по-прежнему пугала, ибо уверенности в собственных силах еще не было. В начале 1706 года армия Карла XII блокировала русскую около Гродно, и последней с трудом удалось избежать полного разгрома, отступив к Киеву. И вновь последовал роковой просчет шведского короля, посчитавшего русского царя менее опасным противником, чем польский король, и потому вторгшегося в Саксонию и заставившего Августа II подписать с ним мир, отказавшись от польской короны в пользу шведского ставленника Станислава Лещинского. Фактическая измена Августа была серьезным ударом для Петра: он оставался один на один с грозным и считавшимся непобедимым противником. Русское правительство стало предпринимать отчаянные попытки добиться заключения мира.

Читая дипломатические документы этого времени, нельзя не заметить, что к 1707 году русская дипломатия была уже много опытнее, чем во времена «великого посольства». Русские посланники при дворах Европы и Турции постоянно плели сети тонкой политической интриги, подкупая иностранных министров и чиновников, никому до конца не доверяя и цинично рассуждая о том, кто из министров сколько стоит. Они вступали в союз

с посланниками одних держав и отчаянно противодействовали другим, а когда перед ними была поставлена цель найти посредников для заключения мира, не скупилась на лесть и обещания. Так, например, английскому герцогу Марльборо обещали Киевское, Владимирское или Сибирское княжество с доходом в 50 тысяч ефимков* ежегодно. Цинизм, расчет, беспринципность, стремление достичь поставленной цели любой ценой начинают доминировать во внешнеполитической деятельности России. В 1705—1706 годах желание мира было столь велико, что Петр готов был возвратить Швеции все завоеванные земли и только на уничтожение Петербурга никак не соглашался. Впрочем, одновременно царь сколачивал в Польше группировку своих сторонников, также не скупясь перед ними на обещания и заверяя их, в частности, что Лифляндия будет отдана Речи Посполитой, как только закончится война. Карл же и слышать не желал о мире: он видел себя новым Александром Македонским и мечтал поступить с царем так же, как с королем Августом. Почти весь 1707 год он провел в Саксонии, наслаждаясь почетом, оказываемым ему всеми европейскими дворами. В августе шведское войско двинулось в поход, но затем снова на несколько месяцев остановилось в Польше, причем шведские солдаты нещадно грабили и так небогатых местных жителей, что лишь разогревало здесь антишведские настроения.

В декабре Карл двинул свое войско в Литву, и русская армия начала отступать. В конце января 1708 года шведы заняли Гродно, а оттуда двинулись на восток. Русская армия, согласно заранее разработанному плану, двигалась впереди шведов, уничтожая запасы продовольствия и фуража. Во второй половине марта шведы достигли местечка Родошковичи в Белоруссии и задержались там на три месяца. Лишь в начале июня они снова перешли в наступление, форсировали реку Березину и двинулись на восток. Русская армия, избегая генерального сражения, отступала. 7 июля шведы захватили Могилев и задержались там, ожидая подхода корпуса генерала Левенгаупта с обозом продовольствия, который шел на помощь Карлу. Однако, не дождавшись его, король снова выступил в поход, но почему-то не навстречу Левенгаупту, а на северо-восток в направлении древнего русского города

* Е ф и м к и — перечеканные в России в середине XVII века талеры и другие европейские монеты.

Смоленска. В конце августа шесть батальонов русской пехоты* внезапно напали на пять шведских полков у села Доброе и, воспользовавшись промахами шведского командования, наголову разгромили их, оставив на поле боя до 3 тысяч вражеских солдат. Петр был очень доволен и в одном из писем заметил, что «как и почал служить, такова огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видел»¹⁶. Наступление шведов к Смоленску, однако, продолжалось. Они остановились лишь в середине сентября, как считают советские военные историки, потому, что «наступательные возможности были исчерпаны»¹⁷: у шведов закончились запасы продовольствия и им грозила гибель от голода. Победоносная шведская армия столкнулась с трудностями, каких не испытывала ни в одном из предыдущих походов. Карл решил отказаться от похода на Москву и повернул на Украину.

Причины подобного решения Карла понятны: на Украине он надеялся найти необходимые запасы, рассчитывал на помощь крымского хана, пытался склонить турок к войне с Россией, а украинского гетмана Мазепу к измене. Но, повернув на Украину, шведский король оставил на произвол судьбы корпус Левенгаупта. Русское командование быстро оценило выгоды сложившегося положения, и две недели спустя, 28 сентября, настигнув неприятельский корпус у деревни Лесной, в ходе длившегося несколько часов сражения русские нанесли шведам сокрушительное поражение. На поле битвы осталось до 8 тысяч вражеских трупов. Вместо 16-тысячного корпуса отборных солдат и обоза с продовольствием и всяческими запасами Карл получил около 6,5 тысяч воинов, с трудом добравшихся до его лагеря и деморализованных небывалым еще разгромом. Теперь надежды короля покоились на измене Мазепы.

С того самого дня, 27 октября 1708 года, когда царь Петр узнал об измене украинского гетмана, официальная русская пропаганда, а вслед за нею и историография немало сделали, чтобы изобразить Мазепу чудовищным злодеем, эдаким средоточием греха. Даже новейший биограф Петра I Н.И. Павленко не удержался, чтобы не заметить, что в Мазепе «в одном сосредоточивались едва ли не все пороки человеческой природы: подозрительность

---

* По другим источникам — восемь батальонов. По численности шесть русских батальонов того времени равнялись примерно трем шведским полкам.

и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жестокость, любострастие и трусость». Гетман «умел... скрывать злобу, ловко плести интриги... не брезговал ничем и не обременял свою совесть... шагал через трупы» и т.д.¹⁸. Увы, подобный подход к исторической личности не бывает продуктивным, и под пером историка Мазепа превратился просто в карикатуру на самого себя. Гораздо ближе к истине был С.М. Соловьев, характеризовавший Мазепу как «слабого, замешанного в борьбу между сильными»¹⁹. «В истории Мазепы, — замечает Е.В. Анисимов, — как в капле воды отразились проблемы и трагедия всей Украины»²⁰.

На протяжении полувека после вхождения в 1654 году Левобережной Украины в состав Российского государства она сохраняла черты автономии, имела особое административно-территориальное деление и систему управления во главе с выборным гетманом и выборной же генеральной старшиной, в состав которой входили генеральный судья и лица, управлявшие финансами, канцелярией и войсками. В руках гетмана, утверждавшегося царской грамотой, была сосредоточена административная, военная и высшая судебная власть. Полки украинской армии, бывшие одновременно и единицами административно-территориального деления, состояли из казаков, избравших своих куренных атаманов и сохранявших остатки традиционной казацкой вольности и самоуправления, которые царское правительство формально обязывалось уважать. Москва, однако, не останавливалась перед постоянным нарушением своих обязательств, что также постоянно вызывало на Украине недовольство, антирусские движения и заставляло украинских гетманов обращаться с надеждой то к Польше, то к Швеции, то к Турции и Крыму. С началом петровских реформ давление на Украину усилилось уже хотя бы потому, что военные действия развертывались в непосредственной близости ее территории. Петр, по выражению Е.В. Анисимова, видел в гетмане «лишь привилегированного исполнителя своей воли»²¹, а сама Украина становилась, по сути, разменной картой в его большой игре. Так, царь не посчитался с надеждами украинцев на воссоединение их страны и обещал поддерживавшим его полякам отдать Польше Правобережную Украину, где незадолго перед тем произошло антипольское восстание. Русские воинские отряды, постоянно пересекавшие Украину в разных

направлениях, обращались с ее населением, как привыкли обращаться с населением завоеванных земель. По словам крупнейшего украинского историка Н.И. Костомарова, казаков «били палками, обрубали им уши и чинили над ними всяческое поругание... насильовали оставшихся дома козацких жен и дочерей, забирали и истребляли лошадей и домашний скот, и самих даже старшин наделяли побоями»²². Но особенно страшило украинских казаков стремление московского правительства преобразовать их полки в части регулярной российской армии. Для казаков это означало потерю традиционных вольностей и льгот, изменение привычного образа жизни. Их сопротивление было, по сути, сопротивлением началам регулярства, столь усердно распространяемым Петром по всей Русской земле.

Что же касается Мазепы, то он действительно находился между двух огней: с одной стороны, царь, требующий неукоснительного выполнения своей воли, с другой — казаки, молящие гетмана спасти их от нового порабощения, как когда-то спас Богдан Хмельницкий. Мазепа был ловким и опытным политиком. Недаром он много дольше других удержался на гетманстве и сумел убедить царя в своей абсолютной преданности. Чтобы облегчить свое положение, он даже предлагал русским уничтожить Запорожскую Сечь — центр казацкой вольности. Но когда Украина оказалась перед лицом шведского нашествия и была велика вероятность, что русская армия отступит, оставив ее на милость победителю, Мазепа решил во что бы то ни стало спасти свою жизнь и власть. К тому же у него были и личные причины быть недовольным своими русскими хозяевами: он был оскорблен небрежным обращением с ним царя и его окружения, в частности А.Д. Меншикова, и опасался, что в результате интриг со стороны последнего может и вовсе лишиться гетманской булавы*.

26 октября 1708 года Мазепа впервые открыто объявил о своем переходе на сторону шведов. Однако, вопреки его ожиданиям,

---

* Н.И. Павленко в книге о Меншикове обходит этот вопрос молчанием (*Павленко Н.И. Полудержавный властелин. М., 1988. С.106 — 109*), а в книге о Петре лишь замечает, что Меншиков не обладал дипломатическим тактом и не подзревал о подлинных чувствах Мазепы к себе (*Павленко Н.И. Петр Великий... С.275*). Однако нельзя исключать и того, что Меншиков действительно, как и доносили Мазепе, интриговал против него и, возможно, строил честолюбивые планы о его смещении с гетманства. Во всяком случае, несомненно, что поведение Меншикова в какой-то мере спровоцировало измену Мазепы.

энтузиазма среди казаков это не вызвало, и в результате гетман привел к королю не более 1500 человек. Петр же, которого известие об измене Мазепы поразило как гром среди ясного дня, не растерялся и предпринял энергичные меры, благодаря которым последствия измены были сведены к минимуму. Срочно был издан указ, снимающий с украинского народа налоги и повинности военного времени. Причем было объявлено, что налоги эти якобы установил Мазепа в свою пользу. Штурмом был взят и сожжен Батурин — столица Мазепы, а уже 7 ноября избран новый гетман. На следующий день Мазепа был официально проклят православной церковью.

Измена Мазепы, конечно, ослабила силы русских и доставила Петру немало лишних хлопот, но и силы шведов от этого не особенно усилились. В результате зима 1708—1709 годов, которая к тому же выдалась на редкость холодной, прошла без особой активности сторон. Петр по-прежнему готов был заключить мир, но одновременно, поверив в боеспособность русской армии, допускал и возможность генерального сражения, которого до этого всячески избегал. Причем был настолько уверен в успехе, что, отложив решительные шаги до весны, счел возможным продолжить внутренние преобразования. 18 декабря 1708 года появился указ, ознаменовавший начало губернской реформы.

Указ разделил страну на восемь губерний во главе с назначавшимися царем губернаторами (как правило, из наиболее крупных сановников), получавшими большую административную, военную и судебную власть, а также возможность распоряжаться финансами своих губерний. Датировка начала реформы именно этим указом была принята еще русскими историками прошлого века, а в советской историографии она была закреплена рассуждениями о том, что реформа была вызвана восстаниями 1707—1708 годов и проявившейся неспособностью местных властей «обеспечить быструю и эффективную классовую расправу»²³. Солидарный с этой точкой зрения Н.И. Павленко полагает, что губернская реформа «принадлежит к числу едва ли не самых необдуманных административных преобразований Петра», поскольку не были решены вопросы взаимодействия местных и центральных властей²⁴. Однако не все согласны с подобной интерпретацией. Так, Е.В. Анисимов за точку отсчета берет другой царский указ, появившийся годом раньше и приписывавший города страны к шести

крупнейшим ее центрам. Историк обращает внимание на то, что уже начиная с 1701 года началось образование особых административных округов, обладавших судебной и финансовой независимостью от центральных приказов. Суть губернской реформы, по мнению Анисимова, в децентрализации управления, в передаче на места части функций старых приказов. Цель же ее — упорядочение финансов. Реформа определяла бюджеты каждой губернии, приоритет в которых отдавался военным нуждам²⁵. Иными словами, реформа была вызвана все более обострявшейся нуждой в средствах на ведение войны. Позднее за каждой губернией было закреплено определенное число армейских полков, которые эта губерния должна была содержать.

Другая очевидная причина реформы в неспособности старой системы управления справиться с новыми задачами, но задачами не классовой борьбы, а с теми, что вставали перед нею в связи с петровскими нововведениями в целом. Если в центре, как уже говорилось, шел постепенный процесс замены старых учреждений новыми, то управление огромной страной на местах, откуда в условиях войны и черпались ресурсы, которых так не хватало, требовало усиления власти и новых принципов ее организации. С этой точки зрения следует рассматривать и вопрос о децентрализации. На первый взгляд, власть перераспределялась между центром и провинцией и царь делегировал губернаторам часть своих властных функций, но центральная власть от этого не только не ослаблялась, но, наоборот, укреплялась, так же как это происходило и позже в ходе развития губернской системы.

Между тем шведские войска, совершив несколько маневров, к весне 1709 года сосредоточились у стен Полтавы, которая, по мнению Карла XII, должна была стать его опорным пунктом в Левобережной Украине. Король полагал также, что взятие этой крепости произведет сильное впечатление на украинских казаков, а также турок, которых он надеялся склонить на войну с Россией. Именно здесь, у стен Полтавы, куда подошла и русская армия, 27 июня произошло сражение, решившее исход войны. Началось оно ночью наступлением рассчитывавших на внезапность шведов. Но успех неприятеля был кратковременным, и скоро уже стало сказываться значительное превосходство русских в артиллерии. При этом в течение нескольких первых часов Петру, руко-

водившему русскими войсками, удавалось не вводить в действие основные силы. Лично отбив атаку шведов в центр построения русских, он отдал приказ о наступлении. Перед атакой, обращаясь к своим воинам, царь сказал: «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!»²⁶. Атака была удачной: шведы не выдержали натиска и побежали, не слушая призывов своего короля. С остатками армии и сопровождаемый Мазепой Карл бежал за Днепр, а затем в Турцию. Непобедимая шведская армия, считавшаяся лучшей в Европе, перестала существовать. На поле боя осталось более 8 тысяч убитых шведов; еще около 16 тысяч сдались посланному за ними в погоню А.Д. Меншикову у Переволочны.

Победа русской армии под Полтавой явилась, конечно, в первую очередь результатом тех колоссальных усилий, которые за время после поражения под Нарвой страна затратила на комплектование, вооружение и обеспечение новой российской регулярной армии. Несомненно и то, что Петру сопутствовала удача. Шведы допустили множество ошибок, явившихся результатом прежде всего самонадеянности Карла XII. Документы свидетельствуют, что, надеясь на победу, царь вовсе не был в ней абсолютно уверен и просчитывал возможные шаги на случай поражения. Но результат превзошел все ожидания. Не случайно в письме к Ф.Ю. Ромодановскому Петр писал «о зело превеликой и **нечаемой** виктории». Обращает на себя внимание и процитированное выше обращение царя к войскам. Перед нами уже зрелый государственный муж, прошедший через многие испытания и четко сформулировавший для себя принципы своего правления. Но не менее серьезные испытания ждали царя впереди.

***

«В истории России XVIII века ни одна военная победа не принесла столь богатые плоды, как Полтавская, — заметил Е.В. Анисимов, — Россия с этого времени становится значительной фигурой политической игры Европы»²⁷. «Полтава — без сомнения, поворотный момент во взаимоотношениях России с остальной Европой, — подтверждает американский историк, — она значительно

усилила влияние Петра в Европе, а также дала ему славу, какую только и может дать военная победа»²⁸.

Действительно, практически не задерживаясь у Полтавы, русские войска вошли в Польшу, вынудили к бегству Станислава Лещинского и восстановили на престоле Августа II. Вскоре Петр встретился с бывшим союзником в Торуни, и 6 октября здесь был подписан новый союзный договор, по которому Польша соглашалась на передачу России Эстляндии. Был также восстановлен русско-датский союз, получено согласие от Пруссии не пропускать через свою территорию шведские войска, и подписано соглашение с Ганновером. Из Польши царь отправился в Петербург, где распорядился строить дворцы для своих ближайших соратников, после чего, уже в конце декабря, в Москве состоялось грандиозное празднование победы над шведами. Петр как триумфатор, сопровождаемый фельдмаршалами Меншиковым и Шереметевым, ехал на той же лошади, на какой участвовал в Полтавском сражении. За ними шел Преображенский полк, за которым, в свою очередь, колонна пленных шведских офицеров. Незадолго до этого префект Киевской академии Феофан Прокопович, которому суждено было стать одним из наиболее выдающихся публицистов и церковных деятелей петровского времени, в своей «Песне победной» окрестил царя почетным титулом римских императоров «Отец отечества». Когда же в начале 1710 года английский посол Витворт привез в Москву грамоту королевы Анны, в которой Петр именовался императорским титулом (англичане, видимо, хотели сгладить оскорбление, нанесенное незадолго до этого в Лондоне русскому послу А.А. Матвееву), канцлер Г.И. Головкин потребовал, чтобы этот титул отныне употреблялся постоянно. Сам же Головкин в 1709 году стал первым российским графом — до этого в России существовали лишь княжеские титулы. В следующем, 1710 году графскими титулами были пожалованы еще три сподвижника Петра, а вице-канцлер П.П. Шафиров стал бароном.

В январе 1710 года Петр дал новому украинскому гетману грамоту, подтверждавшую права украинского народа, после чего основные свои усилия сосредоточил на Прибалтике. В течение этого года были взяты Выборг, Рига и Ревель (Таллинн) — основные крепости региона. В августе Петр подписал манифест о присоединении к России Эстляндии. При этом в манифесте упоминалось,

что присягу на верность царю уже принесла Лифляндия, хотя одновременно Петр не переставал обещать эти земли Речи Посполитой. По словам русского историка С.Ф. Платонова, «Петр сделался гегемоном Северной Европы и сам чувствовал, что он сильнейший и влиятельнейший монарх Севера»²⁹.

Но всякое торжество имеет обычно и оборотную сторону. Победа и на глазах растущее могущество и влияние России не могли не тревожить и ее союзников по антишведской коалиции, и соседей, в первую очередь Турцию: в декабре 1710 года Петр получил из Стамбула доношение русского посла о том, что османы приняли решение начать войну с Россией. В исторической литературе, посвященной этим событиям, так много написано о том, как противники России, и в особенности король Карл, подстрекали турок к войне, что может создаться впечатление, будто Порты вовсе не имела самостоятельной внешней политики. На самом же деле именно в это время, по мнению историков-туркологов, в европейской политике Турции «постоянная агрессивность начинает сменяться выжидательной тактикой, появляется больше гибкости, желания достичь поставленных целей, играя на противоречиях между европейскими державами». Но укрепление России при Петре I «создавало грозную опасность для Османской империи, заключающуюся не только в возможном австро-русском союзе, но и в установлении тесных связей между Петербургом и балканскими народами, находившимися под османским владычеством»³⁰. С учетом этого становится понятно, почему Турция не поддавалась уговорам шведов, когда те еще были в расцвете своего могущества, и решилась на войну, когда возможности России стали более очевидны. Дальнейшее российско-турецкое противоборство на протяжении XVIII века показало, что опасения османов были небезосновательны.

Впрочем, в 1711 году Россия к противоборству была еще не готова, и Петр, по-видимому, очень опасался его исхода. Об этом свидетельствуют две важные меры предосторожности, принятые им перед отправлением в поход. Во-первых, царь считал необходимым обеспечить бесперебойное управление страной во время своего отсутствия. С этой целью указом 22 февраля был учрежден Правительствующий (т.е. правящий) Сенат — коллегиальный орган из девяти членов. В указе говорилось, что это новое высшее учреждение создается «для отлучек наших», что часто

трактуются историками как указание на временный характер Сената³¹. Н. Павленко даже полагает, что он «был навеян сиюминутными потребностями» и «должен был прекратить существование, как только царь возвратится из... похода»³². Однако на деле уже через несколько дней в новом указе 2 марта говорилось о «**всегдашних наших в сих войнах**» отлучках*. Поэтому прав, видимо, Е.В. Анисимов, считающий, что Сенат создавался «как постоянное высшее правительственное учреждение»³³, ибо фактически отсутствовал царь постоянно. Иначе говоря, Сенат должен был выполнять функции царя, заменять его, быть, по выражению В.О. Ключевского, «alter ego царя в глазах народа». Другой русский историк — В.Я. Уланов — называл Сенат «доверенным коллективным приказчиком большой вотчины Петра»³⁴. Другое дело, что Сенат действительно учреждался в спешке и комплекс указов, связанных с его созданием, как, впрочем, и большую часть петровских указов вообще, «трудно отнести к вершинам правовой мысли тех времен»³⁵. Однако указ 2 марта поставил перед Сенатом достаточно определенные задачи, выполнение которых было рассчитано на длительную перспективу: поиски новых источников средств на военные нужды, отправление суда, пополнение офицерских кадров армии за счет уклоняющихся от службы дворян, забота о развитии и совершенствовании внутренней и внешней торговли (в частности, с Китаем и Персией), упорядочение откупов. Все сенаторы обладали равными правами и должны были принимать решения коллективно. В отличие от Боярской думы и Консилии министров, Сенат сразу же получил собственную канцелярию с большим штатом служащих. Петр с самого начала осознал Сенат как принципиально новый орган и уже в апреле 1711 года, выражая недовольство действиями сенаторов, сравнивал их со «старыми судьями»³⁶.

Вторая предохранительная мера Петра носила, на первый взгляд, сугубо личный характер: по некоторым данным, 6 марта царь тайно венчался со своей давней любовницей Мартой Скавронской, которую с тех пор, как еще в 1703 году в Прибалтике она попала в русский плен, называли Екатериной. В прошлом

* Следует заметить, что слово «для» в XVIII в. имело иной смысл, чем в более позднее время. Если же в текст петровских указов вместо «для» подставить «по причине», то он приобретет иной оттенок значения.

прачка, служанка в пасторском доме, она сумела легким, нетребовательным характером, веселым нравом, преданностью завоевать доверие царя, сделаться ему необходимой. По свидетельству современников, лишь Екатерина умела успокоить Петра во время частых вспышек неудержимого гнева, болезненных судорог, сильной головной боли. К 1711 году она родила царю двух дочерей — Анну и Елизавету. Но у царей не бывает личной жизни, и тайное венчание 6 марта 1711 года имело важные последствия в русской истории, ибо потомкам безвестной «чухонки» суждено было править страной вплоть до 1917 года.

6 марта 1711 года Петр выступил в поход. Многие историки говорят о его плохой подготовке, о самоуверенности и шапкозакидательных настроениях русских. Но скорее всего царь осознавал сложности затеянного предприятия и предвидел возможность неудачи. Его план состоял в том, чтобы, взяв инициативу в свои руки, не допустить проникновения турецких войск в Польшу, где они могли бы соединиться с остатками шведов, и, наоборот, постараться добиться успеха, опираясь на поддержку Валахии, Молдавии и балканских славян. Именно поэтому царь торопил своих генералов, требовал движения вперед, не дожидаясь подвоза продовольствия. Просчет царя был связан с недооценкой сил противника и переоценкой боевых возможностей русской армии, уже давно не имевшей отдыха и страдавшей от страшной жары в молдавских степях. Результатом этого просчета было окружение 38-тысячной русской армии во главе с царем, по крайней мере, втрое превосходившими ее объединенными турецко-крымскими силами у реки Прут в июле 1711 года. Сложилось воистину критическое положение, когда и судьба армии, и самого Петра висели на волоске. Царь запросил турок о мире. Отчаяние его было, по-видимому, так велико, что он готов был отдать все, что с таким великим трудом было завоевано за последние десять лет: и Приазовье, и Прибалтику. Единственное, на что Петр по-прежнему никак не соглашался, это на уничтожение Петербурга, в обмен за который готов был отдать даже древний русский город Псков. К счастью для русских, турки оказались уступчивы и подписали мир, по которому Россия обязалась возвратить им лишь Азов и разрушить основанные Петром крепости Таганрог на Азовском море и Каменный Затон на Днепре. Помимо этого Петр обещал вывести войска из Польши и беспрепятственно

пропустить шведского короля на его родину. Таким образом, царь отделался сравнительно легко, и показательно, что никакие попытки Карла XII уговорить турок продолжить боевые действия и требовать от Петра возвращения Прибалтики успеха не имели: у турок были свои цели, которых они достигли, а таскать каштаны из огня для других им не хотелось. По существу, это был просчет Порты, ибо, заверши она на Пруте разгром русской армии, возможно, и рождение Российской империи в первой четверти XVIII века не состоялось бы. Впрочем, о развитии событий можно лишь гадать: Петр готов был на любые условия, кроме сдачи в плен, и очевидно, что русские воины дрались бы отчаянно. Помимо этого и положение турок было много хуже, чем предполагал царь. Три их попытки атаковать русских стоили им 8 тысяч убитых, в результате чего янычары отказались выполнить приказ о новой атаке. К тому же практически в тылу у турок оказалась успешно действовавшая русская армия генерала Ренне, которая, взяв Браилов, отрезала турок от их коммуникаций и поставила саму турецкую армию под угрозу окружения.

12 июля 1711 года русские войска двинулись в обратный путь и 2 августа форсировали Днестр. Отсюда царь отправился в Варшаву на встречу с польским королем, а затем пить лечебные воды в Карлсбад, по пути захав в Торгау, где состоялась свадьба его сына Алексея с принцессой Шарлоттой Христиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской. В феврале 1712 года уже в Петербурге Петр торжественно отпраздновал и собственную свадьбу с Екатериной. На первый взгляд, все было как обычно и поведение царя свидетельствует о его, по крайней мере внешнем, спокойствии, но не случайно в большинстве работ по истории России этого времени описание событий нескольких лет, следовавших за поражением на Пруте, предельно сжато. Мелькают даты: 1712, 1713, 1714, 1715 годы... Возникает ощущение, что темп событий резко замедлился, царь устал: и ему, и стране была необходима передышка...

Заключив мир на Пруте, Россия как только могла оттягивала и возвращение Турции Азова, и вывод своих войск из Польши. В результате дважды в течение 1712 года Порты вновь объявляла России войну, но боевые действия при этом не велись, и вскоре снова заключался мир. Одновременно Петр вместе со своими союзниками без особого успеха воевал в Померании. Датчане и

поляки при этом ссорились между собой и норовили вступить в сепаратные переговоры со шведами. Кончилось все это в декабре разгромом датской армии в сражении при Гадебуше. В следующем году удалось добиться некоторых успехов, в частности, Меншиков захватил Штеттин (ныне г. Щецин в Польше), который, впрочем, почему-то отдали Пруссии. В апреле 1713 года русский флот двинулся на завоевание Финляндии. Поход был успешным: в мае взяли Гельсингфорс (Хельсинки), а в августе — столицу тогдашней Финляндии Або. Примечательно, что все эти завоевания осуществлялись с сознанием, что при заключении мира Финляндию придется отдать. В 1714 и 1715 годах значительную часть времени царь провел в море, не покидая корабль даже во время стоянок у причала. «Когда познакомишься с содержанием «Походных журналов» царя за 1714 и 1715 годы, — замечает в связи с этим Н.И. Павленко, — создается впечатление, что они регистрировали вехи жизни не государя огромной страны, а морского офицера, целиком поглощенного заботами о морских походах и морских экзерцициях»³⁷. Правда, в июле 1714 года русский флот разгромил шведский в сражении у мыса Гангут. Это была первая крупная морская победа, и Петр даже сравнивал ее с полтавской. Для празднования победы царь вернулся в Петербург, где в январе следующего года была устроена очередная шутовская свадьба. Впрочем, в 1715 году Петр проводил время не только в празднествах и морских путешествиях. Образ жизни, который царь вел на протяжении многих лет, не мог не сказаться на его здоровье. «Походный журнал» Петра отмечает его нездоровье и летом, и в конце этого года, когда он провел в постели целый месяц. В начале 1716 года царь отправился лечиться за границу.

И все же полностью отстраниться от государственных дел Петр, конечно, не мог, да и не желал. Мысли царя были заняты все тем же: укреплением армии, совершенствованием управления, нравами подданных. По-прежнему не хватало людей и денег. Все острее становилась и другая проблема, имя которой было — воровство.

Петровские преобразования выдвинули на первый план целую плеяду людей новых, талантливых, свежих, полных энергии, готовности по примеру своего государя трудиться без усталости. Но в отличие от Петра, не имевшего тяги к роскоши и на протяжении

многих лет демонстративно получавшего от казны жалованье в соответствии с чинами, которые за вполне реальные заслуги присваивал ему князь-кесарь Ромодановский, окружавшие царя люди были отнюдь не бескорыстны. Петровские преобразования открыли много возможностей для обогащения: новые учреждения и новые должности в них, интенсификация производства и торговли, поставки для армии, сбор рекрутов, заграничные походы и путешествия, и многое, многое другое. У кормила власти оказалось и множество людей из социальных слоев, которые прежде не могли и помыслить об участии в распределении национальных богатств. Абсолютное большинство из них, как, впрочем, и их коллеги, представлявшие знатные аристократические роды, не отличались высокими нравственными принципами. Да и откуда им было взяться? Ведь сами способы осуществления преобразований, свойственные им цинизм и жестокость не способствовали их появлению. Тем паче, что преобразования, обесценив старые моральные ценности и нормы поведения, еще не создали новых. Требовалось время (по мнению С.М. Соловьева — века), чтобы идея служения государству на «общее благо», пропагандируемая царем, вошла в сознание его подданных, а между тем искус власти, легкой наживы был слишком силен. И, наконец, еще одно: главная причина коррумпированности государственного аппарата в России и до Петра, и после него, и вплоть до наших дней коренилась в отсутствии у государства денег для достаточной оплаты труда чиновников. Вот почему «русский человек в продолжение многих веков привык смотреть на службу как на средство кормления»³⁸. Как и прежде, честное исполнение служебных обязанностей не обеспечивало сколько-нибудь достойный образ жизни, а часто и попросту разоряло. Так, дипломат А.А. Матвеев в 1719 году жаловался царю, что в течение четырех лет пребывания за границей он «для имени и чести его величества» должен был докладывать к казенным деньгам собственные, в результате чего совсем обнищал³⁹. Взятка была как бы узаконенной добавкой к чиновничьему жалованью, без которой его существование становилось вообще невозможным. Прибыльщик Курбатов убеждал царя вовсе не платить жалованья судьям, поскольку они достаточно получают в качестве «благодарностей». При этом Курбатов ссылался на собственный опыт, вовсе не скрывая, что и сам принимает такие «благодарности». Как бы теоретическое

обоснование под эту позицию подвел известный русский историк и крупный государственный деятель первой половины XVIII века В.Н. Татищев. В своей «Духовной» он рассказал о разговоре с царем Петром, в котором доказывал государю, что, если он получает благодарность от просителя не за то, что решил его дело вопреки закону, а только за то, что ускорил решение, то никакого криминала в этом нет. С.М. Соловьев обратил внимание и еще на одну особенность психологии любимцев Петра: многие из них стали как бы отождествлять себя с государством и соответственно смотреть на казенные деньги как на собственные, полагая, что право на это им дают их великие заслуги⁴⁰.

Примерно с 1713 года Петр развернул беспощадную борьбу с казнокрадами, издав серию указов, в том числе и побуждавших к доносительству на преступников. Позднее в закон была введена и жесточайшая мера наказания за недоносительство. Одновременно с Сенатом был создан институт фискалов, в обязанности которых входил контроль за деятельностью чиновников, вплоть до самых высших. В последующие годы немало служащих разных рангов подверглось репрессиям за «лихоимство», устраивались публичные казни. Так, в 1721 году в присутствии царя и всего двора был повешен сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, уличенный в многочисленных взятках за распределение откупов, в расходовании казенных денег на личные нужды, присвоении товаров, привозимых купцами из Китая, и даже драгоценностей, купленных там для царицы. Но победить коррупцию так же, как когда-то он справился со стрельцами, Петр не мог: болезнь проникла в самое сердце государственного организма, поражала самых близких царю людей, по многу лет пользовавшихся его безграничным доверием. Даже те, кто по роду своей службы должен был бороться со злоупотреблениями и действительно усердствовал в обличении других, как правило, рано или поздно сам оказывался жертвой того же порока.

Борясь с пороками людей, состоящих на службе, Петр постоянно сталкивался и с нежеланием служить вовсе. То и дело он получал доношения о десятках и сотнях дворян, уклоняющихся от службы или учебы в своих поместьях или даже за монастырскими стенами. И в борьбе с этим злом Петр также был беспощаден. Но боролся не только наказаниями, но и законодательно создавая новую систему службы. В марте 1714 года на свет появился

знаменитый указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», более известный как «Указ о единонаследии».

В напечатанном виде указ занимает не более пяти книжных страниц, но ему посвящена обширная литература. Дело в том, что, написанный самим царем, этот указ явился важной вехой в истории российского дворянства. Во-первых, им было законодательно оформлено равенство вотчины и поместья как форм недвижимости, во-вторых, российский самодержец кардинальным образом изменил традиционный для России и тесно связанный с особенностями национальной психологии порядок наследования. Отныне земельные владения не подлежали разделению между всеми наследниками умершего, а должны были достаться лишь одному из сыновей*. Вполне очевидно, что остальные, по мысли законодателя, лишившись источников постоянных доходов, должны были устремиться на государеву службу или броситься в предпринимательство. В связи с этим большинство исследователей считают, что привлечение дворян к службе или к какой-то иной, полезной государству деятельности и было основной целью указа. Другие полагают, что царь хотел обратить часть дворянства в третье сословие. Третьи — что царь заботился о сохранении самого дворянства и даже стремился к превращению его в подобие западноевропейской аристократии. Напротив, четвертые убеждены в антидворянской направленности указа. Р. Виттрам рассматривает указ как выражение «многоцелевого мышления»⁴¹. Но не столько важно, действительно ли царь преследовал указом сразу несколько целей, сколько то, что многообразны были его последствия.

Как уже упоминалось, старая система службы служилых людей по городам еще к концу XVII века пришла в упадок. Петровские преобразования, и в частности, реорганизация армии на регулярных началах и реформирование центрального аппарата, привели к тому, что старая, допетровская организация служилых людей перестала существовать окончательно. Новая же организация возникла постепенно, и утверждение равенства поместья и вотчины было, по существу, первой юридической нормой после

---

* В отечественной исторической литературе эту норму нередко трактуют как введение майората, однако западноевропейский майорат предполагал отсутствие у завещателя права выбора среди наследников и автоматическое наследование недвижимого имущества старшим сыном.

отмены местничества в 1682 году, формально объединившей разрозненные группы служилых в единое дворянское сословие. Юридической разницы между провинциальными и столичными дворянами больше не существовало, и основным критерием их оценки становилась служба. Одним из указов этого времени никогда не служившим и не торговавшим, т.е. не приносившим никакой пользы государству, вовсе запрещалась покупка земли. Спустя несколько лет на запрос Военной коллегии, как отличать знатное дворянство от незнатного, царь ответил коротко: «Знатное дворянство по годности считать».

Важнейшим признаком «годности» царь считал профессиональную подготовку дворянина, образование. Царским указом было запрещено жениться дворянам, отправлявшимся на учебу за границу, и Петр следил за тем, чтобы в исполнении указа не делалось послажек даже самым знатым. Так, в 1709 году опале подвергся брат фельдмаршала Б.П. Шереметева, в обход указа устроивший свадьбу своего сына с дочерью Ф.Ю. Ромодановского. В январе 1714 года последовало запрещение жениться дворянским отпрыскам, не имеющим хотя бы начального образования. Дворянин без образования лишался возможности занимать командные должности в армии и руководящие в гражданском управлении. Царь был убежден, что одно лишь знатное происхождение не может быть основанием для успешной карьеры: в феврале 1712 года последовал указ не производить в офицеры дворян, не служивших солдатами в гвардии и, следовательно, не получивших необходимой выучки. Петр постоянно заботился об открытии новых учебных заведений (в начале 1715 года открыта Морская академия), о посылке учеников за границу (всего за первую четверть века около одной тысячи человек), о печатании разнообразных полезных книг. Еще в 1710 году царь своей рукой вычеркнул из полученного им экземпляра азбуки ряд устаревших букв и велел оставшимися литерами «печатать исторические и мануфактурные книги»⁴². Так возник «гражданский шрифт», который отныне использовали для издания всей светской литературы*.

---

* Новейшие исследования показывают, что действия Петра не были произвольными: реформа алфавита готовилась постепенно и осознанно (см.: *Жизнов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996*).

Побуждая служить, Петр не забывал и о самой службе, постепенно реформируя и регламентируя ее. В 1716 году уже из-за границы царь прислал «Устав воинский», определявший устройство и организацию армии, обязанности военнослужащих, основы строевой и полевой службы, а также военно-уголовные нормы. Уставу была суждена долгая жизнь: он действовал в России на протяжении полутора столетий. В 1712 году был издан указ о создании Коллегии для внешней торговли. Новым было уже само название этого учреждения, но это был лишь первый приступ к последовавшей позже радикальной реформе центрального управления. В 1715 году были внесены коррективы и в местное управление: установлено новое, более дробное деление губерний, основанное на статистическом принципе (по количеству дворов).

Во второй половине 1710-х годов меняется и промышленная политика правительства. Становится ясно, что создать промышленность, которая обеспечивала бы все нужды армии и флота, лишь на государственные средства невозможно. Начинается передача казенных предприятий в частные руки с предоставлением новым владельцам различных торговых льгот. Но дело двигалось медленно, ибо купечество проявляло мало расторопности и желания заниматься производством. Так, например, в 1715 году был издан указ, требовавший создания компаний для организации суконных заводов, с тем чтобы уже через пять лет не было нужды покупать сукно на военные мундиры за границей. Но, когда в 1720 году московский Суконный двор передавали в частные руки, пришлось вновь повторить то же пожелание⁴³.

Казалось бы, индустриализация была насущной потребностью страны, которой необходимо было ликвидировать свою техническую отсталость, но осуществлялась она совсем иначе, чем в других странах. Государство по-прежнему обладало полным суверенитетом над подданным и его собственностью: «все, что принадлежало подданному, могли в одночасье «отписать на государя» и передать кому угодно»⁴⁴. Права владельца предприятия, получившего его от государства или построившего на собственные деньги, были, по существу, правами не собственника, а арендатора, главной обязанностью которого было выполнение казенных заказов, преимущественно военного характера. С одной стороны, это обеспечивало стабильность производства, служило для предпринимателей защитой от многих случайностей свобод-

ного рынка, но, с другой, делало ненужной конкуренцию, а следовательно, лишало промышленников стимулов к усовершенствованию производства. При этом сами промышленники становились полностью зависимыми от государства, промышленности же, нацеленной на удовлетворение потребностей государства, а не народа, грозило разорение с прекращением войны и ослаблением потока военных заказов. Важнейшей особенностью индустриализации в России была крайняя ограниченность легального рынка свободной рабочей силы. Владелец предприятия зависел от воли государства и в вопросе обеспечения рабочими, ибо оно разрешало или не разрешало ему покупать крепостных к заводам. В качестве вольнонаемных на заводах работали крестьяне-отходники, получившие от своих хозяев разрешение на время покинуть свои села для заработков на стороне. Соответственно заработанное ими шло в основном на уплату оброка помещикам. На государственных заводах работали приписные крестьяне — как правило, государственные, жившие в районе расположения предприятия и отработывавшие таким образом свои государственные подати. С переходом казенных заводов в частные руки положение приписных менялось, как менялся, по сути, и статус владельца предприятия, использовавшего все эти категории рабочих. При отсутствии какой-либо правовой основы существования «третьего сословия» он оказывался «вмонтированным» в крепостническую систему, в результате чего, по словам Е.В. Анисимова, предприниматели «не ощущали своего социального своеобразия, у них не возникало корпоративного... сознания». Исходя из всего этого, историк делает важнейший вывод о том, что «в системе крепостнической промышленности условий для развития капитализма (и, следовательно, для оформления класса буржуазии) не было»⁴⁵. Иначе говоря, осуществляя индустриализацию путем создания сети индустриальных предприятий (в основном в тяжелой промышленности) и тем самым довольно успешно ликвидируя техническую отсталость России, государство проводило ее на старой крепостнической основе, изначально закладывая в нее неразрешимые противоречия и преграды дальнейшего развития.

Подобным же образом обстояло дело и в торговле, так же как и промышленность, развивавшейся под жестким контролем государства. Мало того, что на плечи купечества тяжелейшим

бременем ложились военные расходы, государство предписывало ему где, как и чем торговать. Так, с 1711 года началось насильственное переселение в Петербург купцов из разных городов страны, в 1713 году было запрещено вывозить основные продукты русского экспорта через Архангельск и предписывалось везти их для продажи в Петербург, где еще не существовало необходимой инфраструктуры. Результатом политики фактической эксплуатации государством купечества и его капиталов для осуществления своих целей было разорение многих купеческих семей, входивших в конце XVII века в состав купеческой верхушки. Крепостничество сказывалось и тут: слой людей, из которых могли появляться новые купцы с капиталами, был крайне ограничен.

Особенности социальной структуры русского общества, воплощенные в крепостничестве, становились, таким образом, тормозом на пути модернизации в экономике. Петр, скорее всего, не сознавал этого, но ведь он пытался копировать порядки европейских стран и, казалось бы, не мог не обратить внимания на то, что в тех странах, с которыми он желал сравнить Россию, крепостного права не было. И если это не пришло ему в голову во время первого заграничного путешествия, когда он был совсем юным, то почему не бросилось в глаза во время второго, когда он был уже зрелым политиком, хорошо знавшим, чего хочет?

Как и в первый раз, путь царя лежал сперва в Ригу, теперь уже принадлежавшую России, а затем в Гданьск, где состоялось свидание с королем Августом и свадьба племянницы Петра Екатерины Ивановны с герцогом Леопольдом Мекленбург-Шверинским. На сей раз Петр не был застенчив, как прежде, не закрывал лицо руками, не прятался от зевак, а когда во время службы в лютеранской кирхе ему стало холодно, он молча снял парик со стоявшего рядом бургомистра и нахлобучил себе на голову. Из Гданьска царь направился в Пирмонт, встретившись по дороге с королем Дании, а затем в Голландию. Опять осматривал верфи, мануфактуры, корабли, общался с плотниками, покупал картины и искал путей к прекращению войны. В поисках посредника в переговорах со Швецией уже в 1717 году Петр отправился во Францию. Проезжая через Дюнкерк, Кале, Амьен, Бове, царь вновь изучал крепости, порты, магазины. При этом удивлялся нищете простого народа и сам проявлял скромность: по прибытии в Париж отказался жить в Лувре и поселился в гардеробной отеля. В столице

Франции царь бывал в анатомическом театре, на монетном дворе, в обсерватории, встречался с известными учеными, присутствовал на заседании Академии наук, особенно интересовался парками и устройством фонтанов и сожалел о чрезмерной роскоши двора, из-за которой, по его мнению, Париж ожидали всяческие беды. Таким образом, хотя Н.И. Павленко и пишет, что «в Париже проявились новшества в духовных запросах Петра»⁴⁶, они по-прежнему носили сугубо прикладной характер. Царь-реформатор совсем не стремился поближе познакомиться с правовой, политической, социальной системой государств, в которые заносила его судьба. Но, может быть, все дело в том, что Петр был уверен, будто крепостничество — это, напротив, преимущество России, позволяющее власти мобилизовывать в случае необходимости неограниченное количество людских и материальных ресурсов, без чего его замыслы были неосуществимы?

В июне 1717 года из-за «домашних обстоятельств» царь отправился домой, проведя за границей в общей сложности около полутора лет. Обстоятельства эти были связаны с сыном царя от первого брака Алексеем. Отношения между ними давно уже приобрели конфронтационный характер. Алексей — человек достаточно пассивный и безвольный — превратился, по сути, в символ оппозиции Петру, хотя вряд ли когда-либо участвовал в настоящем заговоре. Он ненавидел отца за его энергию, напористость, насилие, с которым совершались реформы; ему хотелось спокойной жизни в кругу приятелей, с его возлюбленной из крепостных Евфросиньей Федоровой, особенно приближенной к царевичу, после того как в 1715 году, родив сына, умерла его жена Шарлотта Вольфенбюттельская. Тогда же царевич получил от отца письмо с грозным предупреждением. Петр сетовал на то, что не имеет достойного наследника в своих делах. Алексей поспешил ответить согласием на отречение от прав на престол. Уехав за границу, Петр вызвал Алексея к себе. Царевич поехал, но не к отцу, а в Вену, где попросил политическое убежище, которое было ему предоставлено. Царь, обеспокоенный исчезновением сына, организовал поиски и нашел Алексея в Неаполе, куда к нему был послан Петр Андреевич Толстой, опытный дипломат и абсолютно беспринципный человек. Примерно за неделю ему удалось уговорить царевича вернуться в Россию, обещая ему свободу, разрешение жить с любимой женщиной и прощение государя.

4. Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе
С картины Н. Н. Ге.

В конце января 1718 года Алексей был привезен на родину. Представ перед царем, он в присутствии двора просил прощения и официально отрекся от престола в пользу младшего брата — царевича Петра, недавно рожденного Екатериной. Царь потребовал от сына назвать сообщников, и тот, не колеблясь, выдал всех, кто был ему верен. Начался розыск, к которому было привлечено несколько десятков человек, причем для ведения следствия была специально создана Тайная канцелярия — учреждение, которому на несколько последующих десятилетий предстояло стать центром политического сыска. Уже в середине марта состоялись первые казни. Вопреки данным Петром обещаниям в числе подследственных оказался и сам царевич. Он был арестован и подвергнут пыткам, участие в которых принимал его собственный отец. К лету, когда против Алексея было собрано достаточно улик, царь передал его дело на рассмотрение суда из высших военных и гражданских чинов, а также церковных иерархов. 24 июня суд объявил царевичу смертный приговор, а 26-го он умер при неясных обстоятельствах. На следующий день, как обычно, праздновали годовщину Полтавской битвы, царь присутствовал на торжественном обеде и на балу. 29-го веселились по поводу спуска на воду нового корабля, а 30-го Петр хоронил сына. «Мы никогда не узнаем, что было у него на душе, — считает Е.В. Анисимов, — но... Петр стремился показать, что для него нет ничего превыше ценностей государства, во имя которого он жертвует всем, что у него есть, в том числе памятью сына»⁴⁷. Еще жестче

формулирует Н.И. Павленко: «Судьба сына или судьба страны — таков был у царя выбор, и он его сделал». Осуждать царя, считает историк, конечно, можно, но лишь основываясь «на общечеловеческой морали», интересы же государства требовали переступить через нее⁴⁸. Но так ли это? Во-первых, даже принеся сына в жертву своим высоким целям, вовсе не обязательно было собственноручно пытаться его и тем более демонстративно радоваться на следующий день после его смерти. Наоборот, если даже встать на точку зрения Петра, большее воспитательное значение имела бы пусть даже неискренняя, но скорбь. Царь же своим поведением бросал вызов нормам христианской морали, подчеркивая безнравственность проводимой политики. У нас нет достаточного материала, чтобы судить о том, испытывал ли Петр к сыну хоть какие-то отцовские чувства, но он сознательно превращал себя в один из винтиков государственной машины, требуя того же от других. Человеческая личность, ценность человеческой жизни ничего не стоили для него перед лицом государства и его интересов. Между тем само государство все более приобретало те черты полицейской империи, которые оно сохраняло на протяжении последующих полутора веков.

С конца 1717 года Петр приступил к реформе центрального управления: рядом указов была образована система коллегий — учреждений с четко выраженными функциями отраслевого управления, с коллегиальным устройством и регламентацией обязанностей всех чиновников. Сперва коллегий было девять: Иностранных дел, Камер-коллегия, Юстиц-коллегия, Ревизион-коллегия, Военная, Адмиралтейская, Коммерц-коллегия, Штатс-канцелярия и Берг- и мануфактур-коллегия. Позднее число коллегий увеличилось до одиннадцати. За образец при создании коллегий была взята шведская регулярная система, основанная на принципах камерализма — учения о бюрократическом управлении, популярного в Европе XVI—XVII веков. Повседневная деятельность коллегий основывалась на целой системе регламентов, состоящей из отдельных для каждого учреждения и общего для всей бюрократической системы — Генерального регламента, изданного в 1720 году. Последний устанавливал режим работы учреждений, их штаты, общий порядок делопроизводства, номенклатуру документов, порядок их составления, визирования, хранения и т.д.

Эти же годы стали временем начала еще одной грандиозной реформы Петра — податной. Уже само содержание реформы — налогообложение — должно было так или иначе затронуть все население страны, но в специфических условиях России XVIII века ее значение оказалось необыкновенно масштабным и многоаспектным. Непосредственным поводом к реформе было возвращение созданной Петром многочисленной регулярной армии из зарубежных походов. Необходимо было каким-то образом разместить ее в России, и при этом так, чтобы она легко и быстро получала необходимое обеспечение. Решено было разместить воинские части непосредственно в тех регионах, которые обязывались их кормить в соответствии с количеством населения и характером части (были осуществлены специальные расчеты: сколько крестьян могут прокормить одного пехотинца и сколько — одного кавалериста). В свою очередь в соответствии с этими расчетами вместо существовавшей до этого времени подворной системы обложения была введена подушная подать, т.е. подать с «души мужского пола». Теперь предстояло выяснить, сколько имеется таких душ, для чего осенью 1718 года велено было собрать «сказки» о количестве душ в каждой деревне. Но когда это было сделано, решено было проверить полученные данные с помощью специальных чиновников-ревизоров, работа которых вылилась, по сути, в перепись населения — ревизию душ, которая с этого времени проводилась регулярно. При ревизии выявилась новая проблема — большое количество беглых, которых с помощью жесточайшего законодательства стали вылавливать и возвращать на прежние места жительства, причем возвращались даже те, кто покинул родные места много лет назад и давно обосновался на новом месте, нередко сменив род занятий. Для пресечения бегства в будущем была введена паспортная система. Отныне крестьянин мог отлучиться с места жительства только с паспортом, в котором указывалось его место следования и срок отлучки. Всякий же пойманный без паспорта, даже если это был не беглец, а просто подвыпивший крестьянин, случайно забредший в соседнюю деревню, подлежал аресту, наказанию и немедленному водворению на место жительства. Все это означало резкое усиление полицейского контроля за населением, а также ужесточение самого крепостничества.

Важнейшим следствием податной реформы было изменение социальной структуры русского общества. Для осуществления

реформы необходимо было выяснить, кто подлежит и кто не подлежит подушному обложению. Практически с самого начала от обложения было освобождено дворянство, чем была юридически закреплена одна из важнейших его привилегий. Но и тут не все было просто, ибо не всегда можно было достаточно легко отличить дворянина от недворянина. Само понятие «дворянство» как обобщенное для обозначения определенного социального слоя появилось лишь к концу царствования Петра (до этого в течение недолгого времени употребляли польское слово «шляхетство»). В допетровское время социальный статус человека определялся его местом на служебной лестнице, его чином. Теперь на смену служебному принципу шел родовой — принадлежность к дворянскому роду, которая в свою очередь определялась чинами предков. Но при этом оказывалось, что владельцами крепостных душ были и те, чьи предки не принадлежали к служилым «по отчеству» (московским чинам или городovým детям боярским). В особенности много таких душевладельцев было среди бывших «приборных» служилых Юга страны, где традиционно строились так называемые «засечные черты» для обороны от кочевников. Из этой категории людей в ходе податной реформы была сформирована особая категория государственных крестьян — однодворцев, положенных в подушный оклад, но иногда остававшихся при этом мелкими помещиками.

Еще одной категорией населения, не положенной в подушный оклад, было духовенство, хотя законодательство резко ограничивало и само число церковников, и те их категории, которые освобождались от обложения. По мнению Е.В. Анисимова, посвятившего податной реформе Петра специальное исследование, она способствовала «обособлению сословия духовенства, закреплению социальных и юридических перегородок, отделявших его от тяглых сословий»⁴⁹. Дальнейшее, однако, показало, что реально процесс становления духовенства как сословия был совсем непрост и нормы, введенные податной реформой, оказались едва ли не единственными, определявшими его статус.

Дворянство и духовенство были двумя единственными социальными группами*, не положенными в подушный оклад. Все

---

* Помимо дворянства и духовенства от уплаты подушины были освобождены и военные.

остальное население страны подлежало подушному обложению. Его структура при этом была значительно уточнена. Так, была создана новая категория государственных крестьян, в которую помимо однодворцев были включены также потомки всех прочих многочисленных чинов служилых «по прибору», а также черносотшные крестьяне Русского Севера, нерусские народы Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, прежде платившие русскому правительству особый налог мехами (ясак). Что же касается остального сельского населения, то если раньше при сборе налогов с дворов вне системы обложения оказывались различные категории холопов и дворовых, живших на территории помещичьей усадьбы, не имевших собственного хозяйства и занимавшихся различными работами по обслуживанию поместья и его обитателей, то теперь все они были положены в оклад наравне с земледельцами. Категория холопов, постепенно исчезающая к концу XVII века, окончательно перестала существовать, а крепостное крестьянство стало, по существу, единым социальным слоем. Аналогичные мероприятия были проведены и в городах. И здесь перепись населения привела к возвращению на прежнее место жительства лиц, покинувших родные места, и закреплению их в городе на крепостнических основаниях. При этом законодатель сделал все для унификации городского населения, независимо от реальных занятий горожан, определив их всех как купечество. Были введены строгие ограничения на возможность закрепления в городском посаде новых жителей, в частности из села. В целом же податная реформа значительно повысила уровень «регулярности» Русского государства, унифицировав социальную структуру, сведя к минимуму возможность перехода из одной социальной категории в другую, сузив свободу выбора занятий и ограничив возможность передвижения по стране.

Вполне понятно, что все вышеперечисленное произошло не сразу. Осуществление реформы растянулось на несколько лет и продолжалось и после смерти Петра I, причем ход ее и корректировка зависели от менявшегося международного положения. В мае 1718 года произошло то, чего Петр так упорно добивался в течение многих лет: шведы согласились наконец начать переговоры о прекращении войны, и на Аландских островах открылся мирный конгресс. Сперва переговоры шли медленно, и лишь когда в ноябре в Норвегии неожиданно погиб Карл XII, дело,

казалось бы, могло пойти на лад. Но новое шведское правительство стало ориентировать свою внешнюю политику на Англию, не заинтересованную в прекращении войны и заключении мира на выгодных для России условиях. В результате в сентябре 1719 года Аландский конгресс закрылся без всякого результата. Дабы показать шведам, что их надежды на реванш не имеют смысла, Петр приказал активизировать военные действия, и в июле 1720 года у острова Гренгам русский флот захватил четыре шведских фрегата со 104 пушками, которые в сентябре с триумфом привезли в Петербург. В мае 1721 года в финском местечке Ништадте переговоры возобновились, и после всяческих проволочек и хитроумных маневров сторон в августе мирный договор был наконец подписан. Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм переходили в вечное владение России. Война, длившаяся 21 год, унесшая тысячи человеческих жизней и истощившая силы страны, закончилась, по словам царя, «как лучше быть невозможно». Петр был счастлив и несколько месяцев праздновал победу: парады, пиры, маскарады, грандиозные театрализованные действия сменяли друг друга сперва в Петербурге, а затем в Москве. Весь двор, высший генералитет, дипломатический корпус, все население обеих столиц принимали участие в празднествах. На радостях царь даже самолично поджег дворец в Преображенском, где было объявлено о начале ненавистной войны.

Для России и ее народа Северная война, считал Петр, была школой, и если «все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно», то «наша школа троекратное время была»⁵⁰. Этот троекратный срок потребовался России, чтобы через радикальные преобразования преодолеть внутренний кризис и перейти на качественно новую стадию развития. На новую ступень величия как государь и самодержец поднялся и сам Петр: 22 октября 1721 года в Троицком соборе Петербурга в присутствии двора, высшего дворянства, чиновничества и генералитета было объявлено о решении Сената присвоить царю титулы «Император», «Отец Отечества» и «Великий». Российское государство стало империей.

«К началу 20-х годов XVIII века, — замечает Е.В. Анисимов, — корабль империи был вчерне построен великим плотником, и под звуки последних залпов Северной войны он уже плыл»⁵¹.

5. Петр Великий

Важные детали оснастки этого корабля были добавлены именно в 1720—1722 годах. Сперва был издан уже упоминавшийся Генеральный регламент — основа бюрократической системы, затем, в январе 1721 года, появился регламент Главного магистрата. Это было начало новой реформы городского управления. Главный магистрат — по сути, еще одна коллегия — был подчинен непосредственно Сенату, а его президент назначался царем. В свою очередь Главному магистрату подчинялись избираемые горожанами городские магистраты. Сами города делились на пять отделов в зависимости от количества в них дворов, а их жители — на две гильдии. К первой было отнесено состоятельное купечество, городские доктора, аптекари, ювелиры, иконописцы и художники, ко второй мелкие торговцы, ремесленники, наемные работники. При этом регламент Главного магистрата предписывал объединяться по профессиям в цеха, наподобие западноевропейских. Все эти новшества вводились параллельно с переписью городского населения с целью подушного обложения, и в резуль-

тате в рядах «купечества» оказалось немало людей, не обладавших ни средствами, ни какой-либо собственностью и промышленявших «черной работой». Петр формулировал задачу реформы как «всероссийское купечество, яко рассыпанную храмину, паки собрать», но реально основная цель была все же фискальной. Вследствие этого никаких стимулов к развитию русского города как торгового и промышленного центра реформа не содержала.

В том же январе 1721 года был подписан регламент и еще одной коллегии — Духовной. Этим документом Петр окончательно решил вопрос соотношения церкви и монархии в системе власти Российского государства. В Духовном регламенте теоретически обосновывалась мысль о недопустимости иной духовной власти, кроме власти самого государства, воплощенной в самодержце: «От соборного (т.е. коллегиального. — А. К.) правления не опасатися Отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовнаго. Ибо простой народ не ведает, како разнствует духовная власть от самодержавной, но великою высочайшего пастыря (патриарха. — А. К.) честью и славою удивляемы, помышляет, что таковой правитель есть то второй государь, самодержавцу равносильный или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство... Тако простыя сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, яко на верховного пастыря, в коем-либо деле смотрят»⁵². В соответствии с регламентом в феврале 1721 года был создан Святейший Синод — коллегиальный орган из назначаемых царем высших церковных иерархов, при вступлении в должность приносивших клятву на верность государю. Спустя год, в мае 1722 года, для наблюдения за деятельностью Синода туда был назначен обер-прокурор, светский чиновник, да к тому же военный. Американский историк Д. Кракрафт справедливо отказывается видеть в этом назначении какое-либо особое отношение к церкви, отмечая, что аналогичные чиновники были назначены в это время и в другие учреждения (в том числе в Сенате была введена должность генерал-прокурора), и в целом «в последние годы своего царствования Петр все больше использовал офицеров, а иногда неполных офицеров и даже простых гвардейцев в попытке усилить честное и эффективное управление на каждом правительственном уровне»⁵³. Но в том-то и дело, что Петр не делал различий между церковью и светскими учреждениями и

смотрел на церковь как на часть государственной машины, один из инструментов воспитания подданных. В 1722 году было установлено, сколько священников должно приходиться на определенное число жителей, с тем чтобы лишние были включены в подушный оклад. Оставшиеся произносили с церковных амвонов проповеди, прославлявшие достижения и начинания государства и посвященные годовщинам «баталий», взятия крепостей и тезоименитству государя и членов его семьи. В мае 1722 года в нарушение правил одного из основных церковных таинств специальное постановление Синода обязало священников доносить на своих прихожан, открывших им на исповеди злые умыслы против государя и державы. А дабы придать этому своеобразному способу сыска неблагонадежных тотальный характер, специальным совместным указом Сената и Синода хождение в церковь и к исповеди было объявлено одной из обязанностей всех подданных, контроль за исполнением которой, а соответственно и право наказания было дано священникам. В течение всего царствования Петр не забывал и о монахах, которых считал тунецями. В 1723 году царь велел произвести их перепись и запретил постриг новых, намереваясь преобразовать монастыри в госпитали и богадельни. Довести дело до конца великий преобразователь не успел, но само намерение весьма характерно.

Не забывал император и о своих дворянах. В целях дальнейшего упорядочения их службы в 1722 году появилась знаменитая Табель о рангах, вводившая новую иерархию военных, статских и придворных чинов из 14 классов. В основу Табели был положен принцип личной выслуги, согласно которому каждый чиновник или военный в своей служебной карьере должен был последовательно проходить всю лестницу чинов снизу вверх. При этом на получение первых «классных чинов» могли рассчитывать не только дворяне, а недворянин, дослужившийся по гражданской службе до чина 8-го класса, а на военной до первого обер-офицерского чина (14-й класс), имел право на получение дворянства. Это положение Табели должно было служить стимулом к привлечению большего числа людей на государственную службу. Чрезвычайно важное значение имело то, что статская служба в Табели была приравнена к военной, ибо в допетровской Руси чиновничья служба считалась для родословных людей унижительной. Петр же, напротив, уже в Генеральном

регламенте специально оговорил обучение дворянских детей канцелярскому делу. Спустя две недели после появления Табели о рангах Петр учредил должность герольдмейстера, которому была дана специальная инструкция. Само название должности указывало на то, что император имел намерение повысить статус российского дворянства, придав ему некоторые черты европейского, в частности снабдив его гербами. Действительно, составление гербов (впрочем, не только дворянских, но и городских) вменялось в обязанность герольдмейстеру. Но основной его функцией, как и Герольдмейстерской конторы, которую он возглавил, стал учет дворянства: ведение специальных дворянских списков, организация смотров с целью определения годности к службе, свидетельствование и определение в службу дворянских недорослей (новики), выявление уклоняющихся от службы.

Учеба, а затем служба, причем пожизненная, становились для дворянина обязательными. Прав Е.В. Анисимов, утверждающий, что «петровская политика в отношении дворянства была... в сущности закрепостительной», ибо по сравнению с XVII веком свобода дворян резко ограничивалась, и ставящий в связи с этим вопрос о вообще справедливости применения к дворянству петровского времени словосочетания «господствующий класс»⁵⁴. Между тем и в XVII веке дворянин был отнюдь не свободен, а его служба также была обязательной. Однако при том, что он служил в нерегулярной армии, он был, конечно, гораздо свободнее, а вся его жизнь менее регламентирована, менее подвержена неусыпному контролю государства. В результате реформ Петра степень несвободы русского дворянства, как и других социальных слоев русского общества, резко возросла. Дворянин или недворянин, вне зависимости от наличия или отсутствия каких-либо привилегий, каждый житель империи должен был исполнять свою строго определенную функцию, состоящую в служении государству, вносить свой вклад в приумножение его богатства и могущества. Понятие «блага государства» совместились с понятием «общего блага» и стало высшей ценностью, перед которой отдельная человеческая жизнь не стоила ничего.

Созданное в условиях войны и по законам военного времени милитаризованное, регулярное Российское имперское государство, ставшее одной из великих мировых держав и в полной мере ощутившее свое новое величие и могущество, и после окончания

изнурительной войны со шведами продолжало хищно оглядываться по сторонам в поисках новых противников. Не прошло и нескольких месяцев, как кончилась война, а русская армия двинулась уже в новый — Персидский поход, который должен был стать первым шагом на пути России в Среднюю Азию, Закавказье и, наконец, в легендарно сказочную Индию. Поход был успешным, и в результате империя расширилась за счет прикаспийских земель Дагестана, городов Дербент, Баку и др. В 1724 году был подписан трактат с Турцией о, по сути дела, разделе владений Ирана в Закавказье. Новые земельные приобретения должны были стать плацдармом для реализации крупномасштабной наступательной акции России на Востоке. Осуществиться ей помешала лишь смерть императора.

Петр Великий умер 28 января 1725 года от болезни, которой страдал последние годы, которая, по описаниям современников, выражалась в задержке мочеиспускания и которую современные медики затрудняются точно определить⁵⁵. Трудно сказать, была ли кончина императора неожиданной для его окружения, но значение случившегося ощущалось, по-видимому, всеми, и, как свидетельствуют современники, никто в эти дни не мог удержаться от слез. Лучше всех выразил общее настроение Феофан Прокопович в проповеди, произнесенной в Петропавловском соборе во время похорон Петра: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» «Винючник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию, — продолжал Феофан, — Се оный твой Россие, Сампсон... Се твой первый, о Россие, Иафет... Се Моисей твой, о Россие!.. Се твой, Россие, Соломон... Се же твой, о и церкви российская, и Давид, и Константин... Какову он Россию свою зделал, такова и будет: зделал добрым любимою, любима и будет; зделал врагом страшную, страшная и будет; зделал на весь мир славную, славная и быть не перестанет»⁵⁶.

***

Внимательный читатель, возможно, обратил внимание, что, в отличие от большинства работ о России в первой четверти XVIII века, в этой книге сделана попытка рассказать о петровских преобразованиях в хронологической последовательности,

не разделяя реформы на административную, военную, церковную и пр. Подобное разделение имеет то преимущество, что позволяет достаточно объемно увидеть изменения в каждой из названных сфер, но, с другой стороны, разрывается связь между отдельными мероприятиями Петра, и общая картина, как мне кажется, по крайней мере отчасти, искажается, и в ней возникает логика, привнесенная исследователем и не известная самому преобразователю. Попытавшись же проследить историю петровских реформ в их развитии, мы, думается, лучше можем оценить и их результаты.

Выше уже говорилось о том, что радикальные преобразования, осуществленные Петром Великим, явились откликом на всеобъемлющий внутренний кризис, кризис традиционализма, постигший Русское государство во второй половине XVII века. С этой точки зрения бессмысленно спорить, нужны или не нужны были России реформы Петра: они содержали то единственное лекарство, которое только и могло ее спасти. Больной выздоровел, окреп, встал на ноги, кризис миновал, и, следовательно, лекарство было выбрано правильно. Что же это было за лекарство, ведь радикализм реформ был лишь его оболочкой? По-видимому, есть основания считать, что лекарством этим была модернизация, или, иначе говоря, европеизация политических, социальных и экономических институтов страны*. Следовательно, именно она, европеизация, и составляла суть потребностей страны. И с этой точки зрения опять же спор о том, было ли это благом для России или бедой, достаточно бессмыслен. Другой вопрос, которым необходимо задаться, была ли петровская реформа успешной? Для того чтобы ответить на него, надо прежде всего выбрать критерий оценки. Мы можем попытаться встать на точку зрения самого преобразователя и тогда, при всех оговорках, вынуждены будем признать, что задуманное Петром ему удалось выполнить практически полностью: Россия стала великой мировой державой

---

* Применительно к России то различие между модернизацией и европеизацией, о котором писал С. Блэк, принципиального значения не имеет, а его определение модернизации как «процесса приспособления исторически развившихся институтов к быстро меняющимся функциям, которые отражают сопровождающий научную революцию беспрецедентный рост знаний, дающий возможность человеку контролировать окружающую среду» вполне соответствует нашим целям (см.: *Black's C.E. The Dynamics of Modernization*. Harper & Row Publ. 1966. P.6 — 7).

с развитой индустрией и с такой сильной властью абсолютно-го монарха, опирающегося на основанные на принципах регулярности политические структуры, что, по словам американцев Дэвида МакКензи и Майкла Каррена, авторов университетского учебника по русской истории, ему мог бы позавидовать сам «король-солнце» Людовик XIV⁵⁷. Несомненен и успех реформ с точки зрения их масштабности, глубины воздействия на русское общество, его культуру, быт, менталитет. Впечатляет уже одно (принадлежащее М.П. Погодину) перечисление тех сфер жизни, тех «предметов», которых коснулась рука реформатора: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство; садоводство, виноделие, торговля, внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения». Показательны и приводимые Е.В. Анисимовым факты долговременности петровских учреждений — коллегий, Сената и Синода, податной системы, рекрутских наборов и пр⁵⁸.

Но если в основе петровских реформ лежала модернизация, понимаемая как европеизация, то мы вправе задать и еще один вопрос: насколько, в какой степени эти преобразования избавили Россию от того, что составляло суть своеобразия ее исторического развития, воплощенного в отсутствии полноценного сословного общества и крепостничестве? И тут мы сталкиваемся с самым большим противоречием реформ Петра Великого, которое и не позволяет вынести им однозначную оценку. С одной стороны, процесс образования сословий, по крайней мере одного из них — дворянского, начался именно благодаря Петру, чьи преобразования в принципе упростили социальную структуру русского общества, приблизив ее к западно-европейской. Но с другой — Петр не только, как уже отмечалось, не коснулся крепостничества, но, наоборот, своими действиями всячески способствовал его укреплению, строя все свои нововведения на крепостнической основе (понимаемой не только как крепостное состояние основной массы крестьянства, но как принцип построения социальных отношений в

обществе в целом). Петр к ликвидации крепостничества не стремился и, как опять же уже отмечалось, не считал возможным подражать в этом тем странам, у которых так старательно копировал иные политические институты. Но историк имеет право на чисто теоретическое рассуждение о возможности альтернативы.

Если переживаемый обществом кризис может быть ликвидирован лишь при помощи радикальных реформ, то и сами эти реформы могут быть осуществлены лишь в условиях кризиса, ибо только тогда в обществе нет достаточно мощной консервативной силы, способной им противостоять. Так было и в России начала XVIII века. Очевидно, что ни стрельцы, ни казаки такой силой быть не могли, ею могло быть лишь дворянство. Но Петр, разрушив старую организацию служилых людей с ее политическими и административными институтами, лишил их возможности объединиться. Новая же организация дворянства складывалась постепенно и лишь к концу царствования Петра приобрела достаточно четкие контуры. Вот в этот-то относительно небольшой промежуток времени и существовала реальная альтернатива крепостническому пути развития Российского государства: в стране еще не было политической силы, способной противостоять реформатору, если бы он задумал избавить страну от ее основного порока. Но альтернатива осталась нереализованной, а дворянство вскоре уже превратилось в мощную политическую силу, видевшую (и не без оснований) в крепостничестве свое величайшее достояние. При этом, способствуя слиянию дворянства в единое сословие и положив начало юридическому оформлению его сословных прав и привилегий, Петр одновременно сохранил и даже усилил крепостническую зависимость дворянства от государства. В этом противоречии таился залог будущего освобождения дворянства и одновременно усиления несвободы других социальных слоев.

Все это в значительной мере, как мы увидим, определило дальнейшее развитие страны. Отныне все процессы в социальной, политической, экономической и духовной сферах несли на себе отпечаток крепостничества, даже если внешне напоминали аналогичные процессы в странах Западной Европы. С этой точки зрения модернизация оказалась в значительной степени мнимой, внешней. Собственно, важнейший парадокс петровской

модернизации и состоял в том, что результатом ее было превращение страны в регулярное государство, полицейскую империю, в которой отсутствовала основа для формирования гражданского общества.

По мнению С. Блэка, подобная модернизация «может быть названа программой ограниченной или защитной модернизации, направленной на сохранение традиционного общества и защиты его от более интенсивных и глубоких изменений, которые могли бы стать результатом успешной деятельности иностранных или собственных модернизаторов»⁵⁹. Вряд ли можно согласиться с тем, что петровская модернизация была направлена на сохранение традиционного общества, но то, что в конечном счете она сохранила существовавший общественный строй, несомненно*. Впрочем, если бы она его изменила, нам пришлось бы, видимо, говорить не о реформах, а о революции Петра Великого.

После смерти Петра мы видим в России новое, динамичное секулярное общество людей с иным менталитетом, иными духовными ценностями и запросами, привычками, вкусами, поведением, времяпрепровождением и даже внешним видом. С этого времени начинает формироваться новая русская светская культура, со временем приобретшая общемировое значение. Но еще одно важнейшее следствие Петровской эпохи заключалось в том, что эта европеизированная культура стала достоянием лишь очень узкого слоя русского общества, отделив его от основной части населения страны и тем самым разделив общество на две неравные части, плохо понимающие друг друга. И это при том, что носителями ценностей европейской культуры, ценностей, имевших иные культурные корни, чем корни традиционной русской культуры, были представители самой политически активной части общества, т.е. чьими руками и творилась история страны. Вместе с тем и они за четверть века преобразований и при той стремительности и жестокости, с какой они проводились, могли успеть усвоить европейскую

---

* Под общественным строем я понимаю прежде всего существующую в обществе систему социальных отношений, включая взаимоотношения всех социальных групп общества и их взаимоположение по отношению к государству и верховной власти, а не марксистское представление о принадлежности власти тому или иному классу.

культуру лишь очень поверхностно. В их сознании духовные ценности европейцев, выросшие из гуманизма эпохи Возрождения и рационализма XVII века, накладываясь на традиционные представления русских людей и реальный опыт социальных условий русской жизни, причудливым образом деформировались, образуя смесь из, казалось бы, несовместимых элементов. Со временем, когда эта несовместимость стала осознаваться, она породила русскую интеллигенцию — особое, чисто российское явление, отличительной особенностью которого стало чувство вины образованного человека перед своим непросвещенным народом.

Наконец, еще одно порождение Петровской эпохи, о котором необходимо сказать, — это то место, которое занял отныне образ Великого царя-преобразователя в общественном сознании. Как отмечал М. Раев, «фигура Петра Великого определила развитие русской общественной и политической мысли, а также исторических исследований. Фактически историография Петра Великого представляет собой почти совершенное зеркало взглядов русской интеллигенции на прошлое и будущее России, отношение к Западу и на природу социальных и политических проблем, стоящих перед страной»⁶⁰. Но, как бы ни оценивали деятельность Петра современники и потомки, он изменил и само их представление о месте и роли государя в обществе. Как показала С. Уиттакер, с этого времени «реформа воспринималась как неперенный атрибут, принцип, делающий деятельность законной, как знак суверенности самого самодержца». При этом «каждое поколение ожидало своего собственного царя-реформатора». Как же оправдались эти ожидания, и действительно ли после смерти Петра наступила «эпоха рецидива»?⁶¹

Словосочетание, вынесенное в название этой главы, давно уже стало привычным для всех, кто знаком с историей России XVIII столетия. Так еще в прошлом веке стали называть время, наступившее после смерти Петра I. Действительно, с 1725 по 1762 год в стране произошло восемь переворотов, каждый из которых возводил на престол нового государя, после чего, как правило, происходила смена персонального состава правящей верхушки. Современный исследователь поясняет: «“Эпохой дворцовых переворотов” этот период называется не потому, что властители менялись так часто. Важнее то, что практически всякий раз смена власти сопровождалась смутами, волнениями, арестами, ссылками. Тысячи людей со страхом ждали наступления утра нового царствования — они не были уверены в своем завтрашнем дне»¹. С этим наблюдением трудно спорить (хотя, конечно, смена власти затрагивала не тысячи, а в лучшем случае сотни людей), и все же, приклеивая к целому периоду русской истории подобный ярлык, не обедняем ли мы тем самым его содержание? Или, может быть, в это время, кроме переворотов, и вправду не происходило ничего значительного? Но вот В.О. Ключевский полагал, что «дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка»². Историк имел в виду прежде всего ту роль, которую играла в переворотах гвардия, по существу распоряжавшаяся российским престолом по своему разумению. В.Я. Уланов рассматривал проблему шире: для него гвардия была лишь орудием дворянства, которое, будучи наиболее организованным сословием, подняло «свой властный голос под давлением

своих сословных интересов там, где бездействовало право»³. О «недостатке основательных законов» еще в XVIII веке писал идеолог русского дворянства князь М.М. Щербатов. Речь идет о той правовой ситуации, которая сложилась после смерти Петра I в вопросе о престолонаследии.

В 1718 году, как рассказано в предыдущей главе, оборвалась жизнь старшего сына Петра царевича Алексея. В это время вопрос о преемнике царя был ясен: наследником престола был провозглашен его младший сын от Екатерины царевич Петр Петрович. Но не прошло и года, как мальчик умер. Единственным наследником Романовых по мужской линии остался сын царевича Алексея великий князь Петр Алексеевич. Но дед был явно не склонен отдавать ему престол и в 1722 году издал указ, по которому государь получал право сам назначить себе преемника. Именно этот указ, как считают многие историки, нарушил сложившуюся в России традицию престолонаследия и послужил причиной последующих событий. Развернутую аргументацию этого положения дал недавно М.А. Бойцов: «Поскольку не существовало четких правил наследования... то получалось, что весьма неблизкие родственники скончавшегося государя могли в принципе иметь не меньше права на престол, чем, скажем, старший сын покойного, — лишь бы существовало соответствующее распоряжение монарха или хотя бы намек, по которому можно было бы истолковать его волю. Тем самым число возможных претендентов на престол значительно увеличивалось. В пользу каждого из них плели интриги его сторонники, добиваясь благоволения для него со стороны царствующей особы. Соперничество при дворе усиливалось... Даже при условии, что преемник назначен заранее и соответствующий документ... не фальсифицирован, уверенности в том, что ему удастся долго и благополучно править страной, не было»⁴. Еще более категоричен был В.О. Ключевский: «Лишив верховную власть правомерной постановки... Петр этим законом погасил и свою династию как учреждение: остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения»⁵. Но попробуем разобраться беспристрастно.

Во-первых, вспомним, что династия Романовых пришла к власти лишь в 1613 году, и не в результате наследования, но будучи избранной на царский престол земским собором. За царем Ми-

хаилом последовал его сын Алексей, за Алексеем — его сын Федор, но уже Федор Алексеевич умер бездетным, в результате чего возникла совершенно необычная ситуация, когда на царском престоле оказалось сразу два царя при фактическом регентстве их старшей сестры. После отстранения ее от управления реальная власть оказалась в руках младшего из братьев, поскольку старший был недееспособен. Ко времени смерти Петра Великого его единственному наследнику по мужской линии было лишь 10 лет. Понятно, что при возведении его на престол должен был быть назначен регент. Им мог стать либо старший в императорской семье, либо кто-то из важнейших вельмож. Старшей в семье была императрица Екатерина, которую Петр в 1724 году торжественно короновал императорской короной, сделав равной себе и формально разделив с ней трон (подданные принесли присягу в верности императрице). Таким образом, реальная власть должна была оказаться в руках Екатерины и ее партии. Представителем этой же партии, поскольку она была правящей, был бы и регент, назначенный из наиболее близких к престолу вельмож. Что же касается самого Петра, то он, по всей видимости, колебался между завещанием в пользу жены или старшей дочери Анны. Некое завещание после 1722 года было им составлено, но незадолго до коронации Екатерины он его уничтожил. Е.В. Анисимов полагает, что это было завещание в пользу Анны, а уничтожено оно было именно потому, что царь решил оставить престол жене⁶. Но новое завещание так и не было составлено. Вскоре после коронации царь заподозрил супругу в неверности, казнил предполагаемого любовника жены Виллима Монса (кстати, брата его собственной первой возлюбленной Анны Монс) и отложил вопрос о престолонаследии до лучших времен. Уже на смертном одре Петр, как утверждает один из современников, попросил принести грифельную доску и слабеющей рукой написал: «Отдайте все...» Что имел в виду царь, так и осталось загадкой. В этой ситуации решить судьбу престола должен был исход противоборства придворных партий. Однако нельзя не заметить, что противоборство это было предопределено не столько указом 1722 года, как тем, как складывались судьбы членов самой династии: в январе 1725 года в России была коронованная императрица, которой уже была принесена присяга, и десятилетний внук покойного царя от первого брака, сын человека, официально

провозглашенного изменником. Таким образом, выстраиваемая рядом историков причинно-следственная цепь: указ 1722 года — правовой вакуум — роль гвардии — дворцовые перевороты — не имеет достаточных оснований, и те события, что разыгрались в царских покоях в последние часы жизни Петра Великого, были неизбежны.

Сохранившиеся мемуары предлагают несколько версий обстоятельств придворной борьбы вокруг российского престола в январе 1725 года, однако все сходятся на том, что противостояли друг другу две партии — сторонников великого князя Петра и Екатерины. Некоторые при этом идентифицируют первую партию с противниками петровских преобразований, относя к ней в основном представителей старой русской знати, а вторую — с их сторонниками, в числе которых были ближайшие сподвижники царя-реформатора. На деле все было сложнее. Во-первых, как уже упоминалось, среди сторонников реформ было немало потомков знатных русских фамилий, а во-вторых, и среди выдвинутых Петра оказались сторонники его внука. Но так или иначе, опираясь на гвардейские штыки, верх одержала партия Екатерины, во главе которой стоял А.Д. Меншиков. 8 февраля 1725 года от имени Сената было официально объявлено о вступлении на российский престол императрицы Екатерины I.

Сам по себе факт восшествия — впервые в русской истории — на престол женщины был весьма знаменателен. Как нельзя лучше он свидетельствовал о тех переменах, что произошли в русском обществе и коренным образом изменили положение в нем представительниц «слабого пола». Ориентируясь на европейские нормы бытового поведения, Петр I постепенно выводил русскую женщину из терема, сперва переодев ее в европейское платье, затем привлекая к придворным церемониям, к участию в разного рода празднествах, балах, маскарадах и пр. В 1718 году, заботясь о регламентации частной жизни подданных, царь издал указ о публичных «ассамблеях» — собраниях людей в частных домах, где особы мужского и женского пола могли бы встречаться, разговаривать, обмениваться новостями, играть в карты и пр. Указ детально предписывал правила поведения на ассамблеях и даже штрафы за их нарушение. Необходимость быть на людях, общаться, вести беседу, в том числе с иностранцами, заставляла подумывать и об образовании. Представители новой и старой знати

вынуждены были приглашать для своих дочерей учителей, обучавших их танцам, хорошим манерам, иностранным языкам. Без этого минимума образования становилось трудно выдать девушку замуж. Примером для подданных служила и ситуация в семье самого царя, где Екатерина постепенно занимала все более видное место. Немаловажно было и то, что частью русского общества стало множество иностранцев, выходцев из различных европейских стран, приносивших с собой свои обычаи и представления и становившихся часто для русских людей образцами для подражания. Одним из средств имперской политики Петра стало использование (по примеру и других европейских стран того времени) матримониальных связей. Двух дочерей своего старшего брата Ивана — Анну и Екатерину — Петр выдал соответственно за герцогов Курляндского и Мекленбургского, собственного сына женил на принцессе Вольфенбюттельской, а старшую дочь Анну незадолго до своей смерти решил выдать за герцога Голштинского. Со всеми этими браками у Петра были связаны определенные политические планы, и, как мы увидим, он не ошибся: им действительно суждено было сыграть важную роль в истории России XVIII века, и не только в достижении внешнеполитических целей, но и в судьбе российского престола.

Появление женщины на русской политической сцене, как ясно из вышесказанного, непосредственно связано с петровскими реформами, с самим их духом модернизации, и за Екатериной I последовало еще несколько русских императриц. При этом женщина во главе государства была достаточно обычным явлением и в жизни других европейских стран той эпохи, таких, например, как Англия, Австрия, Дания. Но в России европеизация была весьма поверхностной, а потому и эмансипация женщины принимала подчас уродливые формы. «Женщины давали тон светской жизни, вмешивались в дела мужей и давали им направление, — писал В.О. Ключевский. — Но это *женовластие* не подняло женщины в свете, а только повело к расстройству семейной жизни. Вступая в свет прямо из крепостной девичьей и из-под рук француженки-гувернантки, женщина расставалась с семьей... Согласно вкусам века она приносила в свет балетное совершенство рук, ног, плеч, глаз, но освобождалась от уз, налагаемых семейными обязанностями и привязанностями»⁷. Ключевский, конечно, пристрастен, и в нем говорит отношение к высшему

б. Императрица Екатерина I

свету демократической интеллигенции конца XIX века, к которой он сам принадлежал, но доля истины в его словах все же есть, хотя описанное им не было чем-то специфически русским. Другое дело, что резкий обрыв старой традиции и слишком поспешное усвоение идеи женского равноправия не могло не привести к определенным издержкам. Но вернемся к первой женщине на русском троне — Екатерине I.

Нам не дано знать, была ли бывшая прачка Марта Скавронская, ставшая волею судьбы русской императрицей, настолько честолюбива, что еще до смерти своего царственного супруга лелеяла мечты о самодержавном

правлении. Как ни привыкла она за годы жизни с Петром к своему новому положению, сколь часто ни приходилось ей быть свидетельницей принятия мужем важных государственных решений и сколь бы умны и полезны ни были ее советы царю, она не могла не понимать, что заменить Петра Великого не сумеет. Но обстоятельства складывались для нее так, что альтернативой царскому венцу была угроза благополучию, свободе, а может быть, и жизни в случае, если к власти пришли бы сторонники сына погибшего Алексея и внука жившей еще в одном из монастырей Евдокии Лопухиной. Желала Екатерина царствовать или нет, но выбора у нее не оставалось. Между тем проблемы, с которыми ей сразу же пришлось столкнуться, были не из легких.

Оценка послепетровского периода русской истории как «эпохи дворцовых переворотов» породила и еще один историографический стереотип. Если «эпоха Петра Великого приучила Россию к сильным впечатлениям, от которых у современников кружилась голова и мутилось сознание»⁸, то после смерти Петра «Россия погрузилась в полузабытье: будто бы все заснуло, замерло...»⁹. Иными словами, наступило время стагнации, застоя. Но если бы только застоя. По мнению некоторых историков, с февраля 1725 года «начинает усиливаться, нарастать общая тенденция

ревизии петровского наследия, все смелее и пространнее звучат сомнения в правильности тех или иных преобразований, ручейки критики вот-вот сольются в поток, который начнет подмывать казавшиеся еще вчера незыблемыми основы политики Петра. Запахнут контрреформами»¹⁰. Итак, слово сказано: контрреформы. Но не слишком ли решительно это суждение?

Если радикальные реформы действительно могут быть реализованы только при условии, что им предшествует кризис, то вполне очевидно, что сам период радикальных преобразований — это всегда особый, исключительный период в истории страны, требующий максимального напряжения всех сил общества. По его завершении общество нуждается в передышке, во времени на то, чтобы оглядеться, выяснить, какие из преобразований прижились и дали положительные результаты, а какие отрицательные, ведь и сами результаты реформ проявляются далеко не всегда сразу. Необходимо время и на то, чтобы свыкнуться с этими результатами, усвоить их, осознать их значение, а при необходимости скорректировать. В России после смерти Петра I такая необходимость была особенно острой, поскольку реформы затронули практически все сферы жизни общества, изменили его социальную структуру, систему управления, повседневный быт, создали новую политико-правовую идеологию, кардинально изменили положение страны в мире. Более четверти века страна жила в экстремальных условиях радикальных преобразований, к тому же проводившихся на фоне войны, а в значительной мере и в связи с ней. Немаловажно и то, что реформы проводились довольно хаотично, непоследовательно, без заранее обдуманного плана.

Таким образом, наступившее после смерти Петра «затишье» было вполне естественным и даже необходимым отдыхом после тяжелых трудов. Да, собственно, и «затишьем» это время может быть названо лишь по контрасту с петровским, бурным и экстраординарным. Ибо новое правительство активно взялось за решение назревших внутривнутриполитических проблем, а их было немало. Война истощила ресурсы страны, привела к финансовому и экономическому кризису. Разоренным оказался главный плательщик налогов, те, кто вынес основное бремя войны и реформ, — крестьянство, выразившее свой протест массовыми побегам. Это, в свою очередь, вызывало резкое недовольство дворянства,

поскольку побег крестьян подрывали основу его благосостояния. Дворянство требовало от правительства принять скорейшие меры, и бездействие могло обернуться серьезными социальными и политическими последствиями. Только с учетом этого и можно оценить первые мероприятия правительства Екатерины I. Началось их осуществление уже в феврале 1725 года снижением подушной подати. Мера эта была необходимой и оправданной, хотя и носила демонстративный характер, поскольку ею открывалось новое царствование. Инициатором выступил генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский (должность учреждена Петром I в 1722 году). Он же несколько месяцев спустя представил в Сенат доклад «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести». Таким образом, положение крестьянства увязывалось с размещением армии, которое виделось главной причиной его разорения. Так началось обсуждение и попытки пересмотра податной реформы Петра I. Именно в ней, наряду с неурожаями последних лет и плохой работой местных органов власти, видели в то время основную причину сложившейся в стране ситуации. Справедливо ли было это мнение? Е.В. Анисимов полагает, что «крестьянские тяготы послереформенного периода явились результатом не реформы обложения, а хронического перенапряжения платежеспособных сил крестьянских хозяйств за весь четвертьвековой период войн и реформ». Вместе с тем он признает, что «негибкость принципа обложения... очевидные недостатки новой системы сбора налогов, некоторое повышение налогов в результате реформы — все это... способствовало тому, что недоимки, убыль тягловцев воспринимались современниками как следствие неудачной податной реформы». Одновременно историк обращает внимание на то, что деятели послепетровской эпохи вообще стремились показать, будто «итогом преобразовательной деятельности Петра было разорение страны и народа». Это было им выгодно, поскольку «критика петровских реформ была для них тем политическим капиталом, с помощью которого они укрепляли свое не очень прочное положение у власти... снимали с себя ответственность за судьбу преобразований и их результаты»¹¹.

И все же при всем значении политических интересов тех или иных деятелей важнее было реальное экономическое положение страны, и то, что правительство Екатерины I обратило внимание

прежде всего на податную систему, было, видимо, оправданным. Однако до весны 1727 года дело ограничивалось лишь написанием многочисленных докладных записок, авторы которых были единодушны в необходимости коренной ломки податной системы. Затем приступили к делу: из деревень стали выводить воинские соединения, переложили фискальные функции на самих помещиков и реорганизовали местное управление. Однако ожидаемого результата не получили, поскольку в короткое время это и не было возможно. И бегство крестьян, и недоимки сохранились на прежнем уровне. Поэтому уже в 1728 году, опасаясь, что казна вовсе не получит необходимых средств, вновь стали собирать подати при помощи армии. Одновременно с 1727 года работала специальная Комиссия о подати, которая в течение почти двух лет изучала создавшееся положение и в результате (уже после смерти Екатерины I) представила доклад, в котором отмены подушной системы отказалась и ограничилась лишь предложениями по снижению налогового бремени крепостных. При этом показательно, что комиссию возглавлял князь Д.М. Голицын — представитель старой аристократии.

Гораздо более существенными были изменения в системе центрального управления. Конфликт старавшегося сосредоточить в своих руках всю власть А.Д. Меншикова с Сенатом привел в начале 1726 года к образованию Верховного тайного совета в составе шести человек. Совет стал высшим учреждением империи, решавшим важнейшие вопросы государственного управления и фактически выработывавшим политическую линию. Непосредственно совету были подчинены три главные коллегии — Военная, Адмиралтейская и Иностранных дел. Затем была реорганизована система финансового управления: Камер-коллегия слита со Штатс-конторой, заново созданы Ревизион-коллегия и Доимочная канцелярия, также подчиненные совету. Основной смысл этих преобразований был связан с централизацией и концентрацией управления, что ни в коей мере не противоречило и духу петровских реформ. Как показало дальнейшее, возникновение совета не было случайным и объяснялось не только слабостью того, в чьих руках оказались скипетр и держава, — это была потребность, связанная с недостатками системы, созданной Петром I.

Все сказанное свидетельствует о том, что если планы контрреформ у наследников Петра и существовали, то реализованы

они не были. Да и можно ли отождествлять пусть даже предвзятую критику преобразований Петра I с контрреформами? Ведь контрреформа означала бы возвращение к допетровским временам, а следов подобного рода замыслов в документах того времени не обнаруживается. Как справедливо констатирует историк И.В. Курукин, окружение Екатерины во главе с А.Д. Меншиковым вряд ли могло об этом «даже помышлять»: «Петровские преобразования в своей основе были необратимы. Остались в силе изданные при Петре I указы и регламенты, Табель о рангах, меры к поощрению торговли и промышленности, система управления, новшества в быту. Сохранились созданные Петром I армия и флот...»¹². Более того, было реализовано кое-что из задуманного, но не осуществленного покойным императором. (Так, в 1725 году было объявлено об основании Петербургской Академии наук, куда во всей Европе вербовались крупнейшие ученые.) То, что было осуществлено в первые два года после смерти Петра, не было контрреформой, это была необходимая в новых условиях корректировка внутривластного курса. Но в мае 1727 года страну ждало новое потрясение: Екатерина I умерла, и вновь встал вопрос о наследнике престола.

Смерти императрицы предшествовал и новый виток острой придворной борьбы. Казалось бы, расклад сил должен был быть таким же, как в январе 1725 года, но судьба в лице князя А.Д. Меншикова распорядилась иначе. В течение многих лет, еще до смерти Петра I, Меншиков был одним из самых близких императрице людей. Когда же ему удалось добиться ее воцарения, он почувствовал себя полновластным хозяином страны и потерял чувство реальности. Непомеренные алчность и честолюбие князя толкали его на самые рискованные предприятия (так, например, он добивался короны герцога Курляндского) и в результате поставили в оппозицию всему придворному окружению. Но влияние Меншикова на Екатерину было столь велико, что уже перед самой смертью императрицы ему удалось добиться от нее согласия на удаление от двора его главнейших противников — генерал-полцимейстера А. Девиера, графа П. Толстого, генерала И. Бутурлина, князя И. Долгорукого и А. Ушакова. Было логично предположить, что Меншиков, чья подпись стояла под смертным приговором царевичу Алексею, теперь станет добиваться воцарения одной из дочерей Петра I — Анны, уже ставшей к этому времени герцогини-

ней Голштинской*, или Елизаветы. Но, во-первых, у Меншикова были вконец испорчены отношения с мужем Анны герцогом Карлом Фридрихом, а во-вторых, он не мог не понимать, что при воцарении одной из молодых, полных сил и энергии царевен ему уже не придется играть роль первой скрипки государства. И Меншиков поставил на одиннадцатилетнего Петра Алексеевича, а дабы застраховаться от возможных случайностей, добился от умирающей Екатерины подписания завещания в пользу внука ее мужа. При этом в завещании было оговорено, что роль регента при малолетнем императоре должен играть Верховный тайный совет, а сам Петр должен обручиться с одной из дочерей Меншикова. Будучи руководителем совета и тестем императора, князь, таким образом, рассчитывал получить власть едва ли не еще большую, чем прежде. Была, правда, одна юридическая тонкость, делавшая позицию Меншикова уязвимой: по петровскому указу о престолонаследии 1722 года наследник престола должен был быть объявлен самим императором при его жизни, а завещание Екатерины было оглашено уже после ее смерти. Но противники Меншикова были побеждены, и уже 7 мая 1727 года, на следующий день после смерти Екатерины, князь представил гвардии нового императора Петра II.

Вглядываясь в характер нового российского императора, его увлечения и пристрастия, нетрудно заметить много общего с чертами его великого деда, проявившимися позже и в других его потомках. Такая же страсть ко всему военному, к грубым развлечениям и любовным похождениям, непоседливость, своеобразие, неразборчивость в привязанностях. Однако ситуация, в которой Петр II вззошел на российский престол, значительно отличалась от той, что была в 1689 году, когда Петр I, избавившись от царевны Софьи, мог еще некоторое время предаваться любимым утехам, не принимая непосредственного участия в делах управления. Тогда в России существовал отлаженный и проверенный временем и основанный на традиции механизм управления, способный функционировать и без вмешательства царя. Петровские реформы, как кажется, были направлены на создание механизма

---

* В литературе встречается неверное утверждение, будто, вступив в брак, Анна потеряла для себя и своих наследников права на российский престол, но это не соответствует действительности (см.: *Анисимов Е.В.* Смерть в конторке// Родина. 1993. №1. С.142 — 144).

еще более совершенного, но они же создали такой культ императорской власти, что в отсутствие направляющей железной руки преобразователя и при том, что новые традиции еще не успели сложиться, колеса этого механизма стали прокручиваться вхолостую, а то и вовсе останавливаться. Не имея от императора каких-либо указаний о направлении политического курса, сановники, руководители ведомств, чиновники предпочитали бездействие проявлению инициативы. Они привыкли видеть перед собой государя, собственным поведением и неусыпными трудами дающего им пример и постоянно подстегивавшего их деятельность. При Екатерине воля императрицы также была выражена вполне определенно, и, принимая те или иные решения, члены Верховного тайного совета знали, что уполномочены это делать. Но Петр II государственными делами заниматься не желал и при этом был непредсказуем и упрям. А при том, что он был еще и совсем юн, возникало опасение, что, повзрослев, он может резко изменить курс, что означало бы и перемены в персональном составе правительства. Пока же этого не случилось, всякий заботился лишь о том, чтобы успеть побольше урвать и потуже набить карман.

Судьбе было угодно распорядиться так, что рядом с юным царем не оказалось и достойного советника, способного оказывать на него благотворное влияние. В первый месяц царствования первым лицом государства был, конечно, Меншиков. Он перевез Петра в собственный дворец и старался ни на минуту не выпускать из поля зрения. Вскоре состоялось и обручение Петра со старшей дочерью Меншикова Марией, имя которой распоряжением Синода велено было поминать во всех церквях сразу после имени государя. Сам Меншиков получил звание адмирала и генералиссимуса, а его сын — генерал-лейтенанта. Но в июне 1727 года князь заболел и невольно на пять недель выпустил бразды правления из своих рук. Этим обстоятельством не могли воспользоваться его противники при дворе, главнейшим из которых стал в это время А.И. Остерман.

Выходец из Вестфалии, недоучившийся студент Иенского университета Остерман благодаря несомненным способностям к государственной деятельности стал постепенно одним из высших сановников Российской империи. При этом он был настолько умен, что никогда не претендовал на самую главную роль и

умел, когда нужно, оставаться в тени и вообще уходить от ответственности за принятые решения, сославшись на вовремя приключившуюся болезнь. Именно Остерман помогал Меншикову расправиться с его врагами, но он же возглавил и борьбу со светлейшим князем менее двух месяцев спустя. На первый план Остерман выдвинул отца и сына Долгоруких, которых не без основания считал бездарными политиками, за спиной которых он сможет свободно проводить собственную линию. Поначалу интрига удалась. За время болезни Меншикова Остерман сумел настроить против него молодого императора, и так недовольного слишком жестким контролем со стороны светлейшего. Как только князь поправился, Петр сразу же продемонстрировал ему и собственной невесте наступившее охлаждение. Меншиков предпринимал слабые попытки обороняться, но безуспешно. Его биографы отмечают даже своего рода апатию князя, как будто смирившегося со своей судьбой. Создается впечатление, что у него просто больше не было сил на политическую борьбу. 8 сентября 1727 года Меншикову был объявлен домашний арест, а на следующий день — ссылка в одно из имений. Через сутки огромный поезд из 33 повозок двинулся в путь, сопровождаемый свитой из 133 человек. Однако спустя еще несколько месяцев место ссылки было изменено на Сибирь, куда лишенному чинов, званий и титулов Меншикову было разрешено взять с собой лишь десять человек прислуги. Там, в Сибири, в маленьком городке Березове в ноябре 1729 года Меншиков умер.

Победа над Меншиковым, казалось, должна была сделать Остермана первым лицом государства, но в своих расчетах он не учел одного важного фактора — характера своего государя. Остерман надеялся стать руководителем императора в его политической деятельности, но Петр, как уже сказано, не желал заниматься делами. Его влекли удалые кутежи и другие забавы в обществе ставшего его фаворитом князя Ивана Долгорукого, а несколько позднее все основное время царь стал проводить на охоте. Так, с весны 1728 по осень 1729 года, по сообщениям современников, в подмосковных лесах было затравлено 4000 зайцев, 50 лисиц, 5 рысей, 3 медведя¹³. Двор жил лихорадочной жизнью, столь характерной позднее для дворов Петра III и Павла I. «Монарх говорит со всеми в тоне властелина и делает, что хочет, — сообщал иностранный дипломат. — Он не терпит пререканий, постоянно

занят беготней; все кавалеры, окружающие его, утомлены до крайности»¹⁴. Все увещания Остермана ни к чему не вели. Время от времени Петр вдруг проникался значением его слов, давал обещания приняться за учебу, но сразу же забывал обо всем, как только фаворит или его отец придумывали ему новые развлечения. Император, в начале 1728 года уехавший в Москву на коронацию, не желал возвращаться в окруженную болотами новую столицу империи, где, как ему казалось, было нечем заняться. Он не посещал заседаний Верховного тайного совета и Сената и участвовал лишь в официальных церемониях. Впрочем, его времяпрепровождение очень напоминает и юность другого известного деятеля этой эпохи — шведского короля Карла XII, который со временем от игр перешел к занятиям вполне серьезным. Может быть, Петру II просто не хватило на это времени. Документы свидетельствуют, что осенью 1729 года в поведении царя обнаружились перемены: он неожиданно охладел к своим фаворитам, отказался от охоты и стал прилежно заниматься учебой. Но было поздно: в январе 1730 года Петр внезапно заболел оспой и, проболев неделю, умер. Россия вновь встала перед проблемой престолонаследия, и вновь решение предстояло найти в острой придворной борьбе. Но прежде, чем обратиться к событиям января 1730 года, необходимо выяснить, какова все же была политика правительства в 1727—1730 годах, ибо по этому поводу в литературе также встречаются противоречивые суждения.

Как ни парадоксально, многие историки, писавшие о коротком царствовании Петра II, в значительной мере оказались в плену суждений современников и официальной пропаганды последующего времени. Именно поэтому переезд двора, а с ним и правительства в Москву часто трактуется как демонстративный отказ от продолжения петровских реформ. Принадлежность же фаворитов царя — князей Долгоруких, которые с опалой Меншикова стали фактически руководить Верховным тайным советом, — к старой русской аристократии однозначно воспринимается как объявление курса на контрреформы. В действительности переезд в Москву имел символическое значение лишь для критиков режима. Сам Петр II об этом, скорее всего, просто не задумывался; для него важнее было то, что в подмосковных лесах было лучше охотиться. Он открыто говорил о своем равнодушии к морским путешествиям, но не был безразличен к воинским успехам.

Что же касается Долгоруких, то эти люди были слишком заняты собой, чтобы задумываться над контрреформами. Вполне очевидно, что подобные мысли не могли приходить и в голову Остермана. Другое дело, бездействие правительства, отсутствие хорошо продуманной согласованной политики, основанной на определенных принципах. Понятно, что ни о каком продолжении радикальных реформ речи быть не могло, и по большей части правительство было занято решением лишь самых срочных текущих дел. И все же и в это время можно говорить о продолжении корректировки свершений Петра I. По-прежнему главной проблемой была проблема финансовая, и, не сумев решить ее в сфере налогообложения, руководство страны обратило свои взоры к торговле, тем более что купечество непрестанно жаловалось на разорение и притеснения. Развитие торговли, как казалось, могло дать отдачу быстрее промышленности, и потому именно торговле верховники (так стали называть членов Верховного тайного совета) отдавали предпочтение. Еще в 1727 году была создана Комиссия о коммерции во главе с Остерманом, собравшая мнения русских и иностранных купцов и на их основании вновь открывшая Архангельский порт, передавшая в свободную торговлю ряд товаров, прежде отдававшихся на откуп, отменила ряд ограничительных пошлин и создала более благоприятные условия для иностранных купцов. Эти меры шли вразрез с протекционистской политикой Петра I, но должны были, как надеялись, дать быстрое пополнение казны. Впрочем, ведь и политика Петра ожидаемого результата не дала, поскольку, защищая русское купечество от иностранного, одновременно ставила его под жесткий контроль государства. В этом смысле тактика верховников была, видимо, более благоприятной, поскольку открывала путь к свободной конкуренции. Показательно, что в Комиссии Остермана обсуждался вопрос о ликвидации внутренних таможен, что удалось осуществить лишь четверть века спустя. В целом же верховники были настроены на снятие разнообразных ограничений в торговле и промышленности, на уменьшение вмешательства государства в экономику как в плане административного управления, так и в плане финансовой помощи предпринимателям.

В правление Петра II была продолжена и реорганизация местного управления. Были ликвидированы городские, а затем и

Главный магистрат; города подчинены губернским органам. В самих губерниях ликвидировано множество мелких и, как казалось, лишних учреждений (что также сэкономило средства) и восстановлено уездное деление со строгой иерархической системой подчинения уездного воеводы провинциальному, а того, в свою очередь, губернатору. Компетенция последнего ограничивалась решением главным образом практических повседневных задач, но одновременно были ликвидированы созданные Петром I судебные органы, а их функции перешли к воеводам и губернаторам. Таким образом, так же как и при реорганизации центральных учреждений, эти меры были нацелены на дальнейшую централизацию управления. Верховный тайный совет обратил внимание и на такую проблему, как кодификация законодательства, но опять безрезультатно: избранные от дворянства губерний представители оказались к законотворчеству не способны. В целом же надо заметить, что при Петре II произошло частичное ослабление полицейского режима: не было рекрутских наборов, войн, «прощена» часть подушной подати. И.В. Курукин отмечает даже некоторую стабилизацию режима: «не было массовых народных возмущений»¹⁵.

И вот в январе 1730 года страна снова осталась без монарха. Более того, на сей раз разразился настоящий династический кризис, ибо прямых потомков Романовых по мужской линии не осталось. Правда, был мальчик, родившийся в 1728 году от брака дочери Петра I Анны с герцогом Голштинским — Карл Петер Ульрих. Другим претендентом на престол была цесаревна Елизавета Петровна, вторая дочь Петра Великого. Именно к Анне и ее потомству или к Елизавете должен был отойти престол в случае смерти Петра II бездетным и по завещанию Екатерины I. Но тот факт, что оно было обнародовано уже после смерти императрицы, давал возможность не посчитаться с ним. Елизавета, нередко сопровождавшая своего племянника Петра II в его путешествиях по подмосковным лесам и имениям, считалась хоть и легкомысленной, но честолюбивой и плохо управляемой, а следовательно, и плохо предсказуемой. Как поступит она, придя к власти, с теми, кому до сих пор с таким трудом удавалось удерживать бразды правления в своих руках, предвидеть было невозможно. Что же касается Карла Петера Ульриха, то его приглашение на престол на деле означало бы приглашение его отца Карла

Фридриха (Анна Петровна умерла вскоре после родов), человека, слишком хорошо известного при петербургском дворе, чтобы у кого-нибудь из членов Верховного тайного совета возникло желание видеть его своим господином. Существуют сведения о том, что царский венец предлагали и первой жене Петра I Евдокии, но та якобы отказалась. Наконец еще одним кандидатом была княжна Екатерина Долгорукая — дочь князя Алексея и сестра князя Ивана Долгоруких, с которой фаворитам Петра II удалось обручить его в декабре 1729 года. Когда царь, умерший накануне назначенной свадьбы, был в агонии, Долгорукие написали от его имени завещание в пользу нареченной невесты, но подписать его у царя уже не было сил. На заседании Верховного тайного совета Долгорукие быстро поняли невыполнимость своих замыслов и отказались от попыток оперировать подложным завещанием. И тут, в момент поражения Долгоруких, инициативу взял на себя князь Д.М. Голицын — старейший член совета, также представитель родовой аристократии, но к тому же человек, сочетавший европейскую образованность с любовью к русской старине, опытный государственный деятель и дипломат. Голицын предложил передать трон племяннице Петра Великого вдовой герцогине Курляндской Анне Иоанновне.

В рассуждениях Голицына была определенная логика: Анна принадлежала к старшей ветви Романовых, что делало ее права на престол вполне легитимными, но главное, эту 36-летнюю женщину легко было держать под контролем. Овдовевшая в 1711 году через несколько месяцев после свадьбы, Анна на протяжении всех последующих лет была игрушкой в руках российского правительства, использовавшего ее в своих политических целях. Ее заставляли жить в Митаве, столице Курляндии, где она полностью зависела от подачек из Петербурга и откуда писала родственникам и всесильным министрам многочисленные письма со слезными мольбами о помощи. Но Голицын понимал, что, когда Анна получит престол, роли могут перемениться. Следовало как-то застраховаться от возможных неожиданностей, от того, что рядом с новой царицей вновь окажется всесильный фаворит, который будет распоряжаться судьбами русских вельмож по своему хотению. Голицын, критически относившийся ко многим новшествам петровской эпохи, в частности за их ориентированность на Запад, одновременно образцовой считал шведскую

политическую систему и полагал, что настал час, когда русское дворянство должно получить больше свободы и участия в делах управления. Голицын предложил членам совета ограничить в России самодержавие, заставив Анну подписать специальные «кондиции», по которым она обязывалась без согласия Верховного тайного совета не объявлять войны и не заключать мира, не вводить новых налогов, не производить в высшие статские, военные и придворные чины, не лишать дворян жизни и имущества без суда, не жаловать вотчины и поместья, не распоряжаться государственными доходами.

Итак, речь шла о значительном ограничении самодержавия в России коллективным правлением представителей высшей бюрократии. На момент составления «кондиций» это понятие почти полностью совпадало с понятием «аристократия», ибо Верховный тайный совет формально состоял из четырех человек — Голицына, двух Долгоруких (Алексея и Василия) и Остермана. (Последнего кандидатура Анны на престол, видимо, устраивала: у него были с ней доверительные отношения, а его старший брат состоял когда-то при ней воспитателем.) В заседании совета, избравшем Анну, участвовали и еще два человека — фельдмаршалы князя М.М. Голицын и В.В. Долгорукий. В «кондициях» же упоминалось о совете в составе восьми человек, так что можно предположить и его дальнейшее расширение за счет членов тех же или иных подобных фамилий. Но, во-первых, в «кондициях» ничего не говорилось о порядке назначения членов совета, и, следовательно, это право оставалось за императрицей. Во-вторых, «кондиции» предусматривали правовые гарантии и для всего дворянства. Это означало значительные изменения во всей системе социальных отношений в России и, возможно, предпосылки для образования полноценных сословий, что, в свою очередь, могло ускорить процесс модернизации и избавления от тех особенностей социально-политического устройства страны, которые его тормозили. Заметим, что ни по своему духу, ни по содержанию «кондиции» не содержали даже намека на попытку возврата к допетровской Руси. Иначе говоря, история предоставляла России еще один шанс, еще одну возможность альтернативного исторического развития. И тут мы подходим к одному из интереснейших эпизодов русской истории XVIII века, имеющему первостепенное значение и для понимания событий этого столетия в целом.

Подготовленный верховниками проект «кондиций» был отправлен в Митаву, где Анна, давно мечтавшая любым способом вырваться из Курляндии, не колеблясь, их подписала. Не мешкая, новоиспеченная царица собралась в путь и уже к 10 февраля прибыла в Москву. Но, пока она путешествовала, слухи о «затейке верховников» (так стали называть эти события современники, а за ними и историки) распространились по городу. По-видимому, детали замысла поначалу известны не были, но 2 февраля подписанные «кондиции» были привезены в Москву и оглашены перед собранием членов Сената, Синода, генералитета и других высших должностных лиц. Идея ограничения самодержавия в пользу Верховного тайного совета, состоявшего из представителей двух семей, была воспринята как узурпация власти этими двумя семьями. «И тако, — писал один из участников событий, — они уже в чин царский самозванием вступили»¹⁶. Возмущение дворян (их, к несчастью верховников, было в это время в Москве особенно много из-за предполагавшейся свадьбы Петра II с Екатериной Долгорукой) было столь велико, что пришлось разрешить им участвовать в обсуждении формы ограничения самодержавия. И тут случилось нечто неожиданное: веками копившаяся энергия, которой петровское время придало новое качество, выплеснулась наружу — за несколько дней было составлено несколько проектов*, в обсуждении которых приняли участие до тысячи человек. При этом выяснилось, что среди русских дворян было немало людей, задумывавшихся о своих сословных правах и знакомых с политическим устройством стран Запада, хотя по большей части и не стремившихся к воспроизведению его в России. В большинстве проектов предлагалось создать «вышнее» и «нижнее» правительства путем выбора их членов из «генералитета» и «шляхетства»**, но не более одного-двух представителей от одной фамилии. Все проекты предусматривали оформление сословных прав дворянства: ограничение срока обязательной службы, облегчение порядка производства в офицерские чины, уничтожение положения указа 1714 года о единонаследии. Ряд проектов упоминал и о необходимости уменьшения податей для крестьян.

---

* В зависимости от атрибуции сохранившихся текстов проекты историки указывают различное их число: от 7 до 12.

** Примечательно само это разделение, соответствующее существовавшему в допетровское время разделению на боярство и поместное дворянство.

Многие историки, писавшие о событиях 1730 года, рассматривали их как борьбу рядового дворянства с аристократией. Однако по причинам, изложенным выше, аристократии в европейском значении этого понятия в России не было. Осуществись планы верховников, возможно, аристократия появилась бы. Но в том-то и дело, что по времени это совпало со становлением дворянства как единого сословия (в литературе это принято называть «консолидацией дворянства»¹⁷), когда оно уже превращалось в самостоятельную политическую силу. Получение какой-то частью дворянства особых привилегий (сторонником этого и был Д.М. Голицын) противоречило интересам сословия в целом, ибо в специфических русских условиях делало дворянство зависимым от нескольких семей. «Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий, — писал в частном письме А.П. Волынский, в то время казанский губернатор, которому еще суждено было сыграть важную роль в наступающем царствовании, — и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать»¹⁸.

Анна Иоанновна, прибыв в Москву и узнав о разногласиях в среде дворянства, стала при помощи своих родственников по матери Салтыковых готовить переворот. 25 февраля к ней явилась депутация дворянства, которая, ссылаясь на то, что верховники осуществили задуманное тайно, просили созвать собрание представителей для решения вопроса о государственном устройстве. Анна, поколебавшись, согласилась и велела составить соответствующий указ. Но тут подняли шум подготовленные сторонниками самодержавия офицеры гвардии, кричавшие, что они не допустят, чтобы кто-либо диктовал государыне законы. В результате вместо указа о созыве подобия учредительного собрания на свет родилась челобитная о восстановлении самодержавия. Анна публично разорвала ненавистные «кондиции», и ограниченная монархия в России, просуществовав чуть более месяца, была ликвидирована.

Главный урок событий 1730 года состоял в том, что он продемонстрировал возросшую политическую самостоятельность дворянства, его готовность отстаивать свои сословные интересы, все большее влияние на политическую жизнь страны. Все это были результаты петровской модернизации. С другой стороны,

проявилось и отсутствие опыта политической борьбы, низкий уровень политической культуры и, несмотря на многолетнее насаждение идеи «общего блага», неспособность выйти за рамки узкосословных интересов. Примечательно также и поведение гвардии, которую нередко считают выразительницей интересов дворянства, но которая в данном случае фактически выступила против него. Но самое главное — это, конечно, то, что еще один шанс, данный России историей, оказался нереализованным. Россия вернулась, и на сей раз осознанно, к своему «особому пути».

2

Значение царствования Анны Иоанновны, длившегося десять лет, прежде всего в том, что в это время совершился окончательный переход от старой к новой России. И, как обычно бывает в переходное время, этот этап русской истории являл собой картину причудливого переплетения, казалось бы, несовместимых явлений, совпадение которых во времени при нормальном, поступательном развитии страны было бы невозможно. В восприятии этого царствования современниками, а через них и потомками отразилось то обстоятельство, что в этот период произошла смена поколений. Сошли со сцены старые соратники Петра I, и пришли более молодые, не менее честолюбивые, но, может быть, еще более свободные от нравственных ограничений. Те из них, кто стоял непосредственно у руля государственного управления, начинали свою карьеру еще при великом реформаторе. Но гораздо важнее было восприятие происходящего средним слоем молодого чиновничества и офицерства. Именно им, чьи детство и юность, обыкновенно окрашенные в наших воспоминаниях в розовые тона, совпали с Петровской эпохой, новое царствование казалось удушливым безвременьем. Не случайно от него практически не осталось мемуаров, если не считать тех, что были написаны оказавшимися в России иностранцами: людям казалось, что время остановилось и что в их жизни не происходит ничего значительного, достойного памяти потомков¹⁹. Это отношение к царствованию Анны Иоанновны отразилось и в историографии и породило ряд устойчивых историографических стереотипов. Но впечатления современников не всегда справедливы, да и жизнь страны, ее история, как и жизнь каждого отдельного

7. Императрица Анна Иоанновна

человека, складываются не только из значительных, но и из множества мелких событий.

Восприятию аннинского времени как застойного способствовали и личные качества императрицы. Анна Иоанновна была некрасивой, мужеподобной, полной женщиной высокого роста с грубым голосом и столь же грубыми манерами, привычками и вкусами. Двор Анны, обожавшей наряды и драгоценности, сочетал поразившую иностранцев роскошь с явными признаками «азиатчины». Он был наполнен шутами (некоторые из них были знатного происхождения), карликами и карлицами, всевозмож-

ными уродами и гадалками, которые кривлялись, устраивали игры и драки между собой, вызывавшие у императрицы и ее окружения приступы безудержного хохота. Анна любила слушать русские песни, сказки и просто рассказы разговорчивых старух. Ее мысли были постоянно заняты всевозможными слухами, пересудами, столь характерными для придворной жизни. Особенно интересовало ее все, что касалось семейной жизни подданных. Нередко императрица выступала в качестве свахи, участвовала в свадебных церемониях. Особую страсть Анны составляла охота, причем царица метко стреляла, не испытывая неудобств от сильной ружейной отдачи. В Петергофе, где она проводила обычно лето, был устроен зверинец, в котором содержались олени, тигры, буйволы, кабаны, медведи и другие звери и птицы. Анна не была чужда и родственных чувств: она опекала некоторых из Салтыковых, собирала семейные бумаги, портреты предков. Новейший биограф Анны И.А. Курляндский полагает, что императрица «проявляла интерес к истории российской», поскольку просила московского генерал-губернатора «присылать ей казенные старинные книги с историями «прежних государей»²⁰. Однако документы свидетельствуют, что интерес этот был весьма своеобразным: в инструкции московским архивистам велено было отбирать такие документы, «которые самого старинного штюлю, прежде царствования его величества царя Алексея

8. Свадьба
в Ледяном доме.
С картины Якоби

Михайловича, чтоб по слогу и по наречию старому куриозны и любопытны и не велики б были»²¹. Иными словами, в истории Анну интересовала только «куриозность», т.е. забавность, причудливость. Не исключено, что ей читали присылаемые старинные документы на сон грядущий.

Апофеозом своеобразных развлечений императрицы была устроенная уже на закате ее царствования свадьба шута князя Голицына с калмычкой. Для грандиозного действия был выстроен дом из огромных ледяных глыб с несколькими помещениями и галереями, ночью освещаемыми свечами. Все внутреннее убранство дома было также изготовлено из льда, выкрашенного разноцветными красками. В составе свадебной процессии из нескольких сот человек были представители разных народов Российской империи, ехавшие в санях, запряженных собаками, свиньями и другими животными. Жениха с невестой поместили в клетку на спине слона. После свадебного пира «молодых» отвели на ледяную постель и приставили караул, которому велено было следить, чтобы не выпускать их оттуда до утра. Наблюдательный французский посланник маркиз Шетарди заметил: «Подобными действиями напоминают от времени до времени знатным сего государства, что их происхождение, достояние, качества и звания, которыми их удостаивает государь, ни под каким видом не защищают их от малейшего произвола властителя, а он... вправе повергать своих подданных в ничтожество, которое им никогда не было известно прежде»²².

Этот подмеченный иностранцем принцип абсолютной власти российской самодержицы, выраженный самой Анной в одном из частных писем как «кого хочу пожаловать, в том я вольна»²³, на практике реализовался во все большее раскручивание колеса полицейского террора. Уже в 1731 году была восстановлена ликвидированная четырем годами ранее Тайная канцелярия, которую на многие годы возглавил А.И. Ушаков. В ведение этого ведомства были переданы все дела, которые можно было трактовать как измену, заговор, покушение на жизнь и честь государя. К последнему относили любые неосторожные слова, в том числе сказанные сторяча или под воздействием винных паров, и даже случайные описки в титуле или имени государыни в письменных документах. Причем по указу 1730 года за подобные прегрешения можно было присудить к смертной казни, которую на практике обычно заменяли физическим наказанием и ссылкой в Сибирь. Как преступление мог быть расценен отказ выпить за здоровье государыни, рассказ о неподобающем сне, виденном накануне, и уж тем более переход в иную веру (в особенности иудаизм). Еще более, чем прежде, расцвело доноительство — дворовых и крестьян на своих помещиков, жен на мужей и, наоборот, детей на родителей и т.д. Во время следствия и обвиняемый, и доносчик подвергались пыткам, после которых большинство оставалось калеками. Доносчик, не сумевший доказать истинности своего доноса, наказывался как преступник. Жертвами Тайной канцелярии стали в 30-е годы около 10 тысяч человек²⁴, представлявшие все социальные слои. Наиболее шумные политические процессы царствования Анны связаны с именами тех, кто пытался навязать ей «кондиции», и А.П. Волынского. Сперва императрица сделала вид, что не держит зла против Долгоруких, но уже через несколько месяцев они были высланы сперва в свои имения, а затем в тот самый Березов, где недавно умер А.Д. Меншиков. В 1738 году было возобновлено следствие о событиях междуцарствия, и в следующем, 1739 году четверо из князей Долгоруких были казнены, а еще несколько членов семьи приговорены к тюремному заключению. Д.М. Голицын окончил свои дни в крепости. Что же

* В литературе, как правило, приводится не соответствующая действительности и основанная на мемуарах К. Манштейна цифра в 20 тысяч. (см., например: MacKenzie D. & Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. Belmont, CA, 1993. P. 262).

касается дела Волынского, то оно может быть понято лишь в контексте придворных и политических обстоятельств этого времени.

Неудавшаяся личная жизнь рано овдовевшей императрицы парадоксальным образом сказалась на управлении страной. Еще в Митаве самым близким к Анне человеком стал курляндский дворянин Эрнст Бирон. С ним, приехавшим вскоре после воцарения императрицы в Москву, Анна не расставалась ни на минуту. Она постоянно нуждалась в его обществе, делила с ним все горести и радости. Бирон со своей женой и детьми и императрица составляли, по существу, одну семью, причем Анна была очень привязана к детям своего любимца, и некоторые историки, по видимому не без основания, полагают, что, по крайней мере, один из его сыновей был ее собственным ребенком. Привязанность государыни к Бирону была столь велика, что стоило у него испортиться настроению, как тут же портилось настроение и у императрицы. Власть Бирона над ней была поистине безгранична, и вполне понятно, что ни одно важное решение не принималось без его участия. Бирон был человеком честолюбивым, властным, расчетливым и достаточно осторожным, а поэтому старался не афишировать свое участие в управлении и не занимать ключевых постов, что впоследствии ввело в заблуждение некоторых историков. Современникам, однако, роль Бирона была, видимо, ясна. А поскольку в сознании русских людей того времени, готовых снести все от своего законного государя, власть любого фаворита, неважно — официальная или неофициальная, способного или бездарного как государственного деятеля, казалась нелегитимной, то, естественно, все дурное во времена Анны ассоциировалось с Бироном. С его именем связано и понятие «бионовщины», прочно вошедшее в историческую литературу.

Как правило, под «бионовщиной» понимают тот разгул полицейского террора, о котором сказано выше и основы которого, конечно же, были заложены Петром I, а также так называемое «засилье иностранцев». И тут мы подходим к одной из самых болезненных проблем — проблеме, связанной не только с интерпретацией событий царствования Анны Иоанновны, но и имеющей значительно более широкое значение. Как уже говорилось, петровские преобразования покончили с политикой изоляционизма, сделали Россию и фактически, и в сознании людей частью Европы. Но ранее не осознаваемая, а теперь обнаружившаяся

отсталость России, необходимость учиться у иностранцев, к тому же хлынувших в Россию на поиски удачи и далеко не всегда являвших образец поведения, породила и чувство ущемленного национального самолюбия. Оно, в свою очередь, наложило на веками культивировавшееся чувство национального превосходства, с одной стороны, и восприятие всего иностранного как враждебного — с другой. Но стремительность изменений в первой четверти XVIII века не давала времени как следует задуматься над происходящим, и недовольство «немцами» (а так именовали в России всех вообще европейцев) проявлялось лишь на бытовом уровне, и скорее в низших, чем в высших, слоях общества. Передышка, наступившая со смертью Петра, принесла и качественные сдвиги в общественном сознании. Медленно начинался процесс складывания основанного на новых ценностях национального самосознания, в котором причудливым образом переплетались и гордость за новейшие достижения страны, и старые предрассудки, и имперское тщеславие. Это своеобразие русского национального самосознания было в значительной мере обусловлено тем, что процесс его формирования совпал по времени с образованием империи, и при этом империи континентальной, т.е. такой, где колониальные земли примыкали непосредственно к территории метрополии. В свою очередь особенностью русского имперского сознания была ориентация исключительно вовне страны, в то время как изменения, происшедшие внутри нее, до конца не осознавались. Так, например, усиливавшееся на протяжении всего XVIII века и ставшее особенно явным в начале уже XIX столетия активное участие в делах управления страной представителей прибалтийского дворянства (их называли «остзейскими немцами») нередко, особенно в более позднее время, воспринималось как оскорбление русского национального достоинства. Хотя, будучи формально такими же подданными российского государя, остзейцы имели равные права с русскими дворянами. Именно к середине XIX века, когда русское национальное самосознание уже приобрело вполне отчетливые черты, а споры вокруг наследия Петра I особую остроту, сложился и историографический миф о «бироновщине» как «засилье иностранцев», отразившийся и в «хрестоматийных» работах С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Реальная же ситуация была несколько иной.

Действительно, помимо Бирона среди высших должностных лиц империи этого времени были А.И. Остерман, граф К. Левенвольде (выходец из Лифляндии), фельдмаршал Б. Миних и ряд других иностранцев. Некоторые из них заняли посты, на которые претендовали русские вельможи, что вызывало у последних естественное недовольство. Однако анализ придворной борьбы ясно показывает, что разделение между теми или иными группировками происходило не по национальному признаку, а это была обычная в подобных случаях борьба за власть между старыми и новыми людьми у трона. «Немцы» не преобладали в высших органах управления, а анализ цифровых данных показывает, что никакого «засилья иностранцев» не было ни в армии, ни в государственном аппарате. Более того, условия службы иностранных специалистов в России в это время менялись в сторону уравнения с русскими, в то время как при Петре I иностранцы имели преимущества. Опровергает миф о «бионовщине» и анализ дел Тайной канцелярии: в них практически не встречается случаев выражения недовольства на национальной почве²⁵.

Что же касается непосредственно внутренней политики правительства Анны, то по сравнению с предшествующим временем она почти не претерпела изменений. Поначалу императрица объявила об уничтожении Верховного тайного совета и восстановлении значения Сената, попранного верховниками, увеличив при этом число сенаторов до 21. Однако многофункциональность Сената и сами принципы организации его деятельности по-прежнему не способствовали оперативному решению важных вопросов, и уже в 1731 году на месте ликвидированного совета возникает Кабинет Ее Императорского Величества, на который фактически были возложены функции непосредственного управления страной как в области внутренней, так и внешней политики*. Спустя несколько лет подписи кабинет-министров были формально приравнены к подписи императрицы. Самым влиятельным членом кабинета оставался Остерман, отношения которого с Бироном всегда носили характер соперничества за влияние, но которому удавалось все же, несмотря ни на что, удерживаться у власти.

---

* Само понятие «кабинет» в значении собственной канцелярии государя существовало со времени Петра I, а затем и при Екатерине II.

Важной чертой внутренней политики этого времени стало откровенное удовлетворение интересов дворянства. Уже в первый год царствования Анны было отменено противоречившее вековым русским традициям законодательство 1714 года о единонаследии, а в 1736 году был введен 25-летний срок обязательной службы, по окончании которого дворянин имел право выйти в отставку. Интересам дворян отвечала и политика в области промышленного предпринимательства, продолжившая ранее взятый курс на ограничение вмешательства в него государства. Под руководством ставленника Бирона А. Шемберга, с именем которого связаны крупные финансовые махинации, во второй половине 30-х годов был осуществлен пересмотр законодательства в горнорудной промышленности, наиболее успешно развивавшейся в аннинское время (к 1740 году Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна). В 1739 году был принят новый Берг-регламент, по которому началась приватизация казенных предприятий. На первый взгляд, это была разумная мера, которая должна была еще более стимулировать производство. Но в специфических русских условиях большинство заводов попадало в руки крупных вельмож, которые, не имея ни опыта, ни необходимых знаний, думали лишь о получении скорейшей и максимальной прибыли, не заботясь об отдаленном будущем. Определенный эффект дали в аннинское десятилетие предпринятые еще ранее меры по развитию торговли. Значительно вырос экспорт из России хлеба и других продовольственных продуктов, в чем положительную роль сыграло открытие Архангельского порта. Вместе с тем следует с осторожностью относиться к приводимым некоторыми исследователями (например, Е.В. Анисимовым со ссылкой на Н.Н. Репина²⁶) выраженным в рублях данным об увеличении общего объема торговли, поскольку они не учитывают роста цен и падения покупательной способности рубля. Эти явления, в свою очередь, были вызваны активной эксплуатацией Петром I и его ближайшими преемниками монетной регалии для получения быстрых прибылей. Так, в 1727—1730 годах, т.е. непосредственно перед вступлением Анны на престол, было начеканено неполноценной медной монеты на 4 млн рублей²⁷. С 1730 года, когда была образована специальная Комиссия о монетном деле, политика правительства в области денежного обращения была пересмотрена. Чеканка мелкой медной монеты

почти не практиковалась, были установлены оптимальные нормативы соотношения медных и серебряных монет, стоимости меди в деньгах и пр. В результате финансовую ситуацию в стране в целом удалось стабилизировать, но при этом доходы государства росли очень медленно, не успевая за расходами. Не решена была и проблема недоимок по подушной подати, остававшейся основной доходной статьей бюджета: в 1732 году недоимки составили сумму, равную общей сумме сборов от прямого налогообложения. Вместе с тем правительство Анны сочло возможным не взимать с подданных часть подушных денег за 1730 год и вновь повторить эту меру в 1735 году, когда страну постиг сильнейший неурожай. В это же время последовал и царский указ, обязывавший помещиков кормить своих крестьян и снабжать их зерном для сева. Подобным образом проявлялась, конечно же, прежде всего забота о доходах государства и снижении объема недоимок*, больно ударявших по обеспечению армии и флота, в свою очередь необходимых для обеспечения активной имперской внешней политики.

При Екатерине I внешняя политика России, в целом продолжая линию Петра I, была по существу политикой «малых дел» династического характера. Внешнеполитические интересы страны концентрировались в основном вокруг Шлезвига, отобрать который у Дании было обещано зятю императрицы герцогу Голштинскому, а также Курляндии, где необходимо было сохранить российское влияние. В первом случае намерение начать военные действия против Дании привело к обострению отношений с Англией, в результате которого пришлось от планов возвращения Шлезвига отказаться. В Курляндии удалось предотвратить брак Анны, в то время еще герцогини Курляндской, с внебрачным сыном польского короля Августа II Морицем Саксонским, которого поддерживали курляндские дворяне. Однако добиться избрания герцогом А.Д. Меншикова не удалось. При Петре II во внешней политике наблюдалось затишье, и иностранные дипломаты даже

---

* Важно отметить, что правительство Анны хорошо сознавало, что виновными в недоимках были не столько крестьяне, сколько дворяне, лишавшие своих крепостных последних средств к существованию. В нескольких изданных во второй половине 1730-х годов указах дворянам — неплательщикам податей грозили всевозможными карами, включая конфискацию имений. Так, удовлетворяя интересы дворян, государство не забывало и о собственных.

предрекали, что, если так продлится дольше, Россия потеряет свое значение на мировой арене и возвратится к допетровским временам. С вступлением на престол Анны Иоанновны внешне-политическая деятельность активизировалась. Направления ее были прежними. Во-первых, борьба за Курляндию, увенчавшаяся в 1737 году избранием на герцогский престол Бирона, чем было обеспечено окончательное включение Курляндии в сферу интересов России, а позднее и полное ее присоединение. В этой борьбе Россия сталкивалась с Польшей, основы политики в отношении которой были также заложены Петром I. Вторым важнейшим направлением русской внешней политики того времени было турецкое. И в отношении Польши, и в отношении Турции первостепенное значение имел заключенный еще в 1726 году союзнический договор с Австрией. Общность интересов России и Австрии в обоих случаях обеспечивала прочность и долговременность этого союза, а Австрия постепенно начинала приобретать в Европе ту роль решающего доводка к любой коалиции государств, которую ей суждено было играть на протяжении всего XVIII века*.

В 1733 году Россия и Австрия осуществили совместную военную акцию в Польше, добившись изгнания французского ставленника Станислава Лещинского и избрания на королевский престол Августа III. Затем с 1735 года союзники вступили в войну с Турцией, во время которой русские войска под командованием Б. Миниха захватили и разорили Крым и одержали ряд блестящих побед в Приазовье и Молдавии. Однако военные неудачи австрийцев свели результаты этих побед, стоивших многих жертв, к минимуму, и по Белградскому миру 1739 года России был лишь возвращен Азов, да и то без укреплений. Историки по-разному оценивают полководческие способности Миниха. Одни называют его «замечательным полководцем» и «талантливым инженером»²⁸, другие, напротив, пишут о нем как о посредственности и отмечают, что из-за него во время русско-турецкой войны уделом армии были «непродуманные стратегические планы, низкий уровень опера-

---

* Специфичность положения Австрии на протяжении нескольких десятилетий была связана с тем, что после смерти в 1740 году императора Карла VI, не оставившего наследников мужского пола, ее внешняя политика зависела от признания или непризнания тем или иным государством прав на престол Священной Римской империи Марии-Терезии.

тивного мышления, военная рутинa, слабая организация снабжения войск, колоссальные людские потери»²⁹. Современники, видимо, оценивали фельдмаршала более высоко; широко известно было и его личное мужество. Так, во время штурма крепости Очаков Миних шел во главе батальона Измайловского полка и сам водрузил знамя на крепостной стене.

Оценка Миниха-полководца была бы не столь важна, если бы с нею не связывали и оценку состояния русской армии этого времени. Дело в том, что под руководством Миниха, с 1732 года возглавлявшего Военную коллегию, был разработан ряд новых уставов и инструкций, которые, как отмечал военный историк Л.Г. Бескровный, в отличие от петровских, «направляли боевую подготовку войска совершенно по иному пути в духе прусской системы»³⁰. По мнению П.П. Епифанова, «насаждением пруссачества» был расстроен «военный механизм государства». Более того, «казнокрадство и расточительство» временщиков «самым пагубным образом отразились на положении вооруженных сил государства и сопровождались такими отступлениями от принципов их строительства, выработанных тяжелым опытом двадцатилетней Северной войны, что нередко граничили с изменой национальным интересам России»³¹. Бросив столь серьезное обвинение, автор, однако, не удосужился как-либо его обосновать. Между тем основным противником России и в 30-е годы, и в последующие десятилетия XVIII века выступала Турция, в действиях против которой нововведения Миниха были, как признает Л.Г. Бескровный, достаточно эффективны. Правда, он сомневается в такой же их эффективности в действиях против регулярных европейских армий³², но успехи России в войне со Швецией 1741—1743 годов, начатой мечтавшими о реванше шведами и закончившейся оккупацией русскими войсками Финляндии, говорят об обратном. Забегая вперед, надо заметить, что, когда после 1741 года в армии стали восстанавливать петровские уставы, никто не задумался над тем, не устарели ли они за двадцать лет после подписания Ништадтского мира.

Подводя итоги сказанному о внешней политике России при Анне Иоанновне, следует подчеркнуть, что, действуя в тех же направлениях, что и Петр I, и руководствуясь откровенно имперскими целями, ее правительство во многом заложило стратегические основы этой политики на последующие десятилетия: союз с Австрией в борьбе с Портой и в превращении Польши в простую

марионетку, противоборство с Францией за влияние в Европе, в частности, в германских государствах, готовность распорядиться судьбой Крыма по своему усмотрению. И если результаты этой политики были не столь явны, как во второй половине века, то виной тому не предательство национальных интересов России ее тогдашними правителями, как это пытаются иногда интерпретировать*, а вполне объективные причины. Во всяком случае, формирующееся русское национальное самосознание склонно было воспринимать их скорее как успехи. Не случайно именно в это время начинается деятельность поэта В.К. Тредиаковского, который в 1734 году фактически основал новый жанр торжественной классической оды на русском языке, написав «Оду торжественную о сдаче города Гданьска», сопровождаемую теоретическим «Рассуждением об оде вообще». Спустя несколько лет, в 1739 году, одой «На победу над турками и татарами и на взятие Хотина», впервые написанной четырехстопным ямбом, вошел в русскую поэзию М.В. Ломоносов, восклицавший:

Россия, коль счастлива ты
 Под сильным Анниным покровом!
 Какие видишь красоты
 При сем торжествованьи новом!

И все же молодое поколение русских людей (а те, кто мог бы ностальгически вспоминать о временах допетровской Руси, к этому времени окончательно сошли со сцены), сравнивая великого царя-реформатора Петра I с теми, кто правил в это время Россией, не могло не испытывать определенной неудовлетворенности, отразившейся в деле Артемия Волынского. Принадлежавший к младшему поколению «птенцов гнезда Петрова», при Анне Волынский стал протеже Бирона и сделал головокружительную карьеру, получив сперва должность обер-егермейстера, а в 1738 году кабинет-министра. Не отличавшийся высокими нравственными принципами, ничем не брезговавший для достижения своих целей, не в меру тщеславный, жадный, грубый и высокомерный Волынский вступил теперь в противоборство с самим Бироном, посягая на его влияние на императрицу. Но он недооценил ее

---

* Нетрудно заметить, что при подобной интерпретации происходит отождествление национальных интересов с имперскими.

верности тому, кто был рядом с ней в самые трудные моменты жизни. Хоть и не без колебаний Анна согласилась на арест Волынского. Следствие обнаружило, что в доме кабинет-министра по ночам собиралась группа его друзей, вместе с которыми он сочинял «Генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел». Содержание этого документа вкупе с неосторожными высказываниями Волынского об Анне были восприняты как заговор против императрицы. После жестоких пыток Волынский и его друзья были судимы судом сенаторов и других вельмож и в июне 1740 года преданы публичной казни. На современников, среди которых бывший кабинет-министр пользовался определенной популярностью, казнь произвела тяжелое впечатление, и его стали считать патриотом, погибшим в борьбе с ненавистным Бироном. Когда же в октябре того же года Анна Иоанновна умерла, то, как подчеркивает Е.В. Анисимов, «все понимали, что рано или поздно власть временщика рухнет»³³.

3

Уже в 1731 году, вскоре после вступления на престол, Анна Иоанновна позаботилась о своем возможном преемнике. Им был провозглашен еще не родившийся сын племянницы императрицы — дочери ее сестры Екатерины и герцога Мекленбург-Шверинского Анны Леопольдовны. Последней было в то время лишь 13 лет. Спустя некоторое время ей подобрали жениха — герцога Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского. Он был на три года старше невесты, но при этом мал ростом, застенчив и неуклюж в свете.

Дабы развеять первое не слишком благоприятное впечатление, ему предложили завоевать руку принцессы воинской доблестью и отправили воевать с турками под командованием Миниха. Принц проявил себя храбрым и честным офицером, участвовал во взятии Очакова и заслужил звание генерал-майора. Возмужавшим, повзрослевшим и даже выгнанным и раздавленным в плечах Антон-Ульрих вернулся в Петербург. Правда, за годы его отсутствия Анна Леопольдовна успела безнадежно влюбиться в красивого иностранца графа Линара, но императрица настаивала на браке, и в июле 1739 года наконец состоялась свадьба. В августе 1740 года Анна Леопольдовна родила мальчика, которому суждено было ненадолго стать российским императором Иоанном VI.

Историки считают, что умирающая императрица колебалась и, возможно, раздумывала, не оставить ли ей престол самой Анне Леопольдовне, но невнимательность племянницы к тетке во время болезни решила дело, и наследником был провозглашен Иван Антонович. Но теперь вставал вопрос о регенте при двухмесячном младенце. Возможностей было три. Во-первых, роль регента могла быть поручена его родителям или одной Анне Леопольдовне, но императрица, видимо, опасалась, что в этом случае реальная власть окажется в руках герцога Мекленбургского Леопольда, славившегося скверным характером и вовсе не желательного в России гостя. Можно было бы отдать бразды правления страной в руки коллегиального органа — Кабинета министров, но это означало бы по сути возврат к той модели власти, которую Анна Иоанновна отвергла в самом начале своего царствования. Наконец, третьим претендентом на регентство был Бирон, затеявший ради этого сложную интригу. Помимо просто властолюбия им, видимо, двигало и сознание того, что до сих пор гарантом его благополучия была лишь сама императрица и при смене власти шансов сохранить его было немного. Получить регентство из рук императрицы значило для Бирона не только сохранить власть в своих руках, но и приумножить ее, причем законным путем. В результате ему удалось привлечь на свою сторону влиятельных членов Кабинета и добиться от Анны Иоанновны подписания соответствующего указа. Впрочем, сама императрица, по преданию, подписывая указ, который должен был быть оглашен после ее смерти, воскликнула: «Жаль мне тебя, герцог, ты сам стремишься к своей гибели!»

Среди тех, кто активно помогал Бирону в получении регентства, был Миних, по мнению некоторых историков, уже тогда лежавший планы свержения регента, если тот не поделится с ним властью. Но, видимо, ситуация была такова, что в короткое время, когда императрица могла вот-вот умереть, можно было успеть уговорить ее только в пользу Бирона. Если же указ о регентстве не был бы подписан вовсе, начались бы беспорядки, при которых на фоне общего недовольства временщиками реальный шанс получить престол оказался бы у той, кого и Миних, и Бирон опасались более всего — у цесаревны Елизаветы Петровны. О широких симпатиях к ней, особенно среди столичных гвардейцев, правительство было хорошо осведомлено. В 30-е годы

9. Зимний дворец первой половины XVIII в.

через Тайную канцелярию прошло немало дел, в которых фигурировало имя Елизаветы, а арестованные клялись в верности ей. Когда в октябре 1740 года нужно было приносить присягу императору Ивану Антоновичу, а по существу Бирону, поток таких дел усилился. Так, например, некий моряк М. Толстой на допросе в присутствии А.И. Ушакова заявил, что «орел де летал, да соблюдал все детям своим, а дочь его оставлена». Поясняя свою мысль, он добавил, что «говорил де он то о государе императоре Петре Первом, что де он, государь, во время государствования своего соблюдал и созидал все детям своим, а у него де, государя, осталась дочь, государыня цесаревна Елисавет Петровна, и надобно ныне присягать ей, государыне цесаревне, о чем в полках и солдаты все так же говорят»³⁴. Присягать отказались и каторжники-старообрядцы, ссылавшиеся на то, что «отец его высочества иноземец и в церковь не ходит и святым иконам не поклоняетца»³⁵.

Как бы то ни было, но массового выступления против младенца-императора и его регента в октябре 1740 года не произошло, хотя борьба за власть в правящей верхушке не утихала. Уже через несколько дней после объявления его регентом Бирон проведal о враждебных ему разговорах принца Антона-Ульриха со своими приближенными. Последовало бурное объяснение и публичное покаяние принца, после которого в течение двух недель

он не покидал свои покои. Легкая победа вскружила Бирону голову, и он, видимо, решил, что теперь ему все нипочем. 7 ноября он поссорился с Анной Леопольдовной, наговорил ей грубостей и пригрозил отправить вместе с мужем в Германию. Этот разговор оказался для Бирона роковым: в ту же ночь произошел переворот, положивший конец его правлению.

Главным организатором переворота был Миних, полагавший, что, избавив Брауншвейгское семейство от Бирона, он сослужит ему такую службу, что ничего не будет стоить заполучить вожделенное звание генералиссимуса и навсегда обеспечить первенствующее положение при российском дворе. При этом он не претендовал на роль регента, собираясь отдать ее Анне Леопольдовне, а, призывая гвардейцев арестовать Бирона, ловко манипулировал именем Елизаветы, ради которой они готовы были идти в огонь и в воду. Переворот свершился без осложнений, и 9 ноября появился изданный от имени императора манифест об отрешении герцога Курляндского от регентства. Бирон отправился в сибирскую ссылку.

По свидетельству современников, переворот был встречен с восторгом. «Еще не было примера, — сообщал в Париж французский посланник Шетарди, — чтобы в здешнем дворце собиралось столько народа и чтобы весь этот народ обнаруживал такую неподдельную радость, как сегодня»³⁶. После принесения присяги Анне Леопольдовне в качестве правительницы к окну дворца поднесли младенца Ивана Антоновича и показали толпе народа, приветствовавшей его радостными криками. Так началось правление герцогини Брауншвейгской.

«О личности Анны Леопольдовны, — писал в начале нынешнего столетия историк С.Ф. Либрович, — сложились два различительных мнения: одни из современников считали ее очень умной, доброй, человеколюбивой, презирающей притворство, снисходительной, великодушной, милой в обхождении с людьми. Другие, напротив, упрекали ее в надменности, тупости, скрытности, презрении к окружающим ее, утверждали, что она посредственного ума, капризная, вспыльчивая, нерешительная, ленивая»³⁷. По всей видимости, оценки Анны Леопольдовны разными мемуаристами зависели от того, как она относилась к ним самим, но для историка важнейшим критерием служит собственно деятельность правительницы.

Первые распоряжения новой власти были традиционны для подобных случаев: участники переворота получили награды, хотя и несколько иначе, чем задумывал Миних. Звание генералиссимуса досталось не ему, а принцу Антону-Ульриху. Фельдмаршалу пришлось довольствоваться орденами, деньгами и должностью кабинет-министра. Этот факт свидетельствует о том, что родители Ивана Антоновича собирались править самостоятельно. Членом Кабинета стал также граф М.Г. Головкин, и в результате половину состава правительства составили русские, а половину иностранцы. Так же обстояло и с придворным штатом, где обер-гофмаршалом был лифляндец Левенвольде, а гофмаршалом русский Д. Шепелев. Из восьми камергеров русских было шестеро. Таким образом, нет оснований утверждать, что правительница отдавала предпочтение иностранцам. Причем Анна Леопольдовна была набожна, пунктуально соблюдала все обряды православной церкви.

В Полном собрании законов Российской империи, составленном уже в 30-е годы XIX века, зафиксировано 185 законодательных актов с ноября 1740 по ноябрь 1741 года, т.е. примерно 15,4 акта в месяц, что вполне соответствует характерной для XVIII столетия интенсивности законотворчества. Реальное число указов было, возможно, едва ли не вдвое больше. Что же касается содержательной стороны законодательства Анны Леопольдовны, то оно не обнаруживает намерений каких-то серьезных новшеств. Еще в октябре 1740 года Бирон успел объявить амнистию ряду категорий заключенных, в декабре ее действие было несколько расширено. 12 ноября был издан опять же традиционный для всех правительств XVIII века указ о подаче челобитных в соответствующие учреждения «и о чинении по оным решений без всякой волокиты»³⁸. В декабре последовал указ, запрещающий всем, кроме особ первых трех классов, ношение дорогих платьев, украшенных золотом и серебром. В феврале 1741 года были подтверждены привилегии лифляндских и эстляндских провинций. В марте Кабинет согласился с Сенатом, предлагавшим во изменение воли Петра I разрешить всем желающим строить каменные дома во всех городах империи, а в июне Сенат запретил пускать в Петербург нищих. Наконец, в сентябре потомкам Ивана Сусанина (крестьянина, по преданию, спасшего в 1613 году будущего царя Михаила Романова от поляков) выдали грамоту, подтверждавшую их освобождение от рекрутской повинности.

Краткий обзор законодательства Анны Леопольдовны убеждает, что если у ее правительства и была какая-то программа, то суть ее состояла в том, чтобы продолжать политику предшествующего царствования. Сама правительница не испытывала влечения к государственной деятельности и нередко, вздыхая, говорила о том, как она мечтает, чтобы ее сын скорее вырос. В этой ситуации, быть может, если бы в правительстве оказались люди энергичные и решительные, они могли бы многого добиться. Но Анна Леопольдовна сохраняла вокруг себя в основном тех же, кто окружал ее тетку. Столь же неспособным к государственной деятельности был и принц Антон Ульрих. «Он был добр, храбр, честен, — заметил о нем историк прошлого века, — мог быть прекрасным гвардейским офицером, даже полковым командиром — и только»³⁹. Характеристика весьма точна: и доброту, и благородство Антон Ульрих сполна проявил в последующие годы, заботясь о своей семье в ссылке, но стезя государственного деятеля была не для него.

Между тем Иван Антонович рос под присмотром фаворитки его матери фрейлины Юлии Менгден, и его очень редко показывали посторонним, даже когда этого требовал этикет. Документы сохранили сведения об игрушках, находившихся в комнате императора, о праздновании его первого дня рождения 12 августа 1741 года. В этот день был устроен большой банкет, вечером фейерверк и иллюминация. Сменяющие друг друга балы, маскарады, охота, театральные представления были обычным времяпрепровождением двора Анны Леопольдовны, что, впрочем, вполне естественно, если вспомнить, что правительнице исполнилось лишь 22 года. В узком кругу придворных играли в шахматы, бильярд, волан, мячи, но чаще в карты. Сохранялся зверинец, где к одному слону, бывшему до этого, прибавилось еще десять. В октябре 1741 года они взбунтовались, «осердясь между собою о самках», и, сломав клетки, вырвались на волю. Один из слонов «изломал Сенат и чухонскую деревню»⁴⁰.

Откровенное нежелание правительства всерьез заниматься управлением страной вызывало все большее недовольство. Легитимность власти Анны Леопольдовны была сомнительной, а перспектива семнадцать лет ее правления провести подобным же образом мало кого вдохновляла. Напряжение в обществе

росло, и возможность свержения правительницы становилась все реальнее, и лишь она сама, казалось, ничего не хотела замечать. Еще в марте 1741 года ушел в отставку отчаявшийся что-либо изменить Миних, грозил отставкой Остерман. Опытные политики хорошо знали положение в Петербурге, были осведомлены о том, что недовольные все больше концентрируются в окружении цесаревны Елизаветы, и считали необходимым принять меры безопасности. Одни предлагали отправить ее в монастырь, другие срочно выдать замуж. Но и Елизавета знала об этих планах, и именно опасность их осуществления более, чем что-либо иное, быть может, толкнула ее, любившую веселый и беззаботный образ жизни не меньше своей племянницы, на путь заговора.

Между тем сведения о заговоре, в котором были замешаны и некоторые иностранные дипломаты, не могли не достичь ушей членов Кабинета. 11 ноября в покои правительницы на носилках принесли больного Остермана, умолявшего немедленно арестовать одного из главных заговорщиков — врача Елизаветы Лестока, а также изолировать саму цесаревну. Правительница отвечала, что не верит в виновность цесаревны и сама переговорит с ней. 23 ноября состоялся разговор Анны с Елизаветой, относительно содержания которого существуют различные версии, однако очевидным является то, что цесаревна категорически отрицала причастность к заговору и вполне убедила в этом легковерную правительницу. Переубедить ее не удалось ни принцу Антону Ульриху, ни членам Кабинета. Единственное, на что Анна Леопольдовна согласилась, так это на провозглашение себя императрицей, что было решено сделать в день ее рождения 18 декабря, но времени уже не оставалось. Разговор 23 ноября лишь ускорил развитие событий, и в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года новый государственный переворот положил конец царствованию Ивана Антоновича.

История переворота в пользу Елизаветы Петровны подробно описана в литературе⁴¹, хотя относительно некоторых деталей и существуют расхождения. Так, по одной из версий, Елизавета сама во главе гвардейцев явилась в Зимний дворец арестовывать Анну Леопольдовну и ее мужа и разбудила правительницу словами: «Сестрица, пора вставать!» По другой версии, она ждала исхода дела в санях возле дворца. Следует, видимо, согласиться

с Е.В. Анисимовым, отдающим предпочтение второй версии, поскольку в присутствии Елизаветы не было никакой нужды. К тому же она «могла опасаться, что государственный переворот, осуществленный, как впоследствии провозглашалось, во имя освобождения России от иноземцев, может вылиться в заурядный семейный скандал»⁴². Что же касается Ивана Антоновича, то его гренадеры — участники переворота застали мирно спящим в своей колыбели. Дождавшись, пока ребенок проснулся, они снесли его вниз и передали Елизавете, которая якобы произнесла: «Бедное дитя! Ты невинно, но твои родители несут тяжелую вину»⁴³.

Свергнуть годовалого императора было делом нетрудным, не допустить ошибки при решении дальнейшей судьбы Брауншвейгского семейства было едва ли не труднее. В том, как в конечном счете это было сделано, причудливым образом смешались и чисто средневековые представления, и веяния Нового времени. Случись подобное на сотню-другую лет раньше, и ребенок, и его родители наверняка погибли бы от руки палача. Но Елизавета понимала, что подобная расправа уронит ее и в глазах подданных, и всего мира. К тому же уже вскоре она публично поклялась, что в ее царствование никто не умрет на эшафоте. Вдобавок новая императрица была сентиментальна, никогда не питала к Ивану Антоновичу и его родителям особой враждебности, а теперь, вероятно, испытывала и угрызения совести. Может быть, поэтому, желая как бы вовсе вычеркнуть Ивана Антоновича и Анну Леопольдовну из памяти, она повелела собрать и уничтожить все манифесты, присяжные листы и другие документы, в которых упоминались их имена. Поначалу было решено выслать опальную семью за границу. Но довели лишь до Риги, где задержали на год, затем еще год продержали в пригороде Риги — Дюнамюнде. К этому времени Анна Леопольдовна родила еще двух дочерей — Екатерину и Елизавету. После этого всех их повезли обратно в Россию, сперва в Раненбург, а затем в Холмогоры, где в 1744 году Ивана Антоновича забрали у родителей. В 1745 и 1746 годах Анна Леопольдовна родила еще двух сыновей Петра и Алексея, после чего умерла. Ее тело было привезено в Петербург и похоронено с полагающимися почестями. Многочисленные слухи вокруг судьбы свергнутого императора заставили правительство в 1756 году

отправить его в Шлиссельбургскую крепость, где ему и предстояло погибнуть в 1764 году от рук тюремщиков, когда поручик В.Я. Мирович предпринял попытку освободить его. Между тем его отец, братья и сестры оставались в Холмогорах. Здесь дети и выросли, научились говорить по-русски с характерным северным выговором, но, как свидетельствуют документы, обе сестры и два брата отличались различными физическими недостатками и были духовно и интеллектуально неразвиты. В 1774 году умер принц Антон Ульрих, а в 1780-м его несчастных детей отправили в Данию к их тетке королеве Юлиане-Марии. Принцесса Елизавета умерла в 1782 году, Алексей в 1787-м, Петр в 1798-м. Единственная оставшаяся в живых состарившаяся, глухая принцесса Екатерина в 1803 году безуспешно просила у императора Александра I разрешения возвратиться в Холмогоры...

Но вернемся в ноябрь 1741 года, когда на российский престол взошла императрица Елизавета Петровна.

ГЛАВА 5

«Вы знаете, чья я дочь...»

Ноябрьский переворот 1741 года закрыл одну и открыл другую, новую страницу русской истории — страницу длиной в двадцать лет. Именно столько продолжалось царствование императрицы Елизаветы Петровны, в течение которого совершился переход империи из первой половины века во вторую, из поры юности и созревания в пору мужественной зрелости. В этом, пожалуй, основное значение этого царствования, и потому стоит особенно внимательно приглядеться к тому, как это происходило, к тем явлениям и процессам, людям и идеям, что составили его содержание.

Прежде всего обращают на себя внимание особенности самого переворота. Как и предыдущие, он был совершен при помощи гвардейских штыков, но если раньше гвардейцы играли лишь роль статистов, которыми ловко манипулировала та или иная придворная группировка, то теперь они были полноценными действующими лицами. В течение ряда лет до переворота цесаревна Елизавета по многу времени проводила в обществе гвардейцев, крестила их детей, раздавала им деньги и к 1741 году была для них не некоей абстрактной фигурой, известной лишь по имени, но общей любимицей, благодетельницей и заступницей, дочерью человека, с именем которого в их сознании связывались сказочные подвиги во благо России. По подсчетам Е.В. Анисимова, около трети из тех, что оказались рядом с Елизаветой в ночь переворота, начинали свою службу при Петре I. «Можно представить, — пишет историк, — как седоусые ветераны рассказывали своим слушателям о годах, проведенных в походах рядом с великим императором, о Елизавете, выроставшей на их глазах»¹.

Еще одна уникальная черта переворота ноября 1741 года — это то, что в заговоре практически не участвовали представители правящей верхушки и, наоборот, участвовали иностранные дипломаты, пытавшиеся подобным способом решить проблемы своих стран. Французский посол Шетарди и шведский Нолькен усердно уговаривали Елизавету решиться на переворот, снабжали ее деньгами, требуя взамен разнообразных уступок, включая возврат Швеции Прибалтийских провинций. Деньги были Елизавете нужны, уговоры определенным образом на нее влияли, но никаких обещаний она не дала и никаких обязательств не подписала. Швеция между тем... надеясь реваншироваться за поражения, нанесенные ей Петром I, объявила России войну и выпустила абсурдный манифест, в котором утверждала, что желает защитить права его потомков на престол. Вполне понятно, что в условиях патриотического подъема объявить о своей солидарности со шведами было бы для Елизаветы равносильно самоубийству, и потому, решив действовать самостоятельно, она лично явилась в казармы и со словами: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!» — увлекла гвардейцев на штурм царского дворца.

Вот эти-то слова «чья я дочь» и были самыми главными, обладавшими поистине магической силой. Не случайно новая императрица, обычно подписывавшаяся на французский манер «Елисавет», осталась в русской истории не как Елизавета I, но как *Елизавета Петровна* — дочь Петра. Восстановление петровского наследия — вот та идея, которая подняла гвардейцев в ночь переворота, и в том, что некая идея вообще была, еще одна его особенность. Выше уже говорилось о специфике восприятия национальной проблемы, как она сложилась в 30-е годы XVIII века: чувство национальной обиды возникло не на почве действительного притеснения русских иностранцами, но в силу специфичности самих условий формирования нового национального самосознания. Мнимое забвение петровских принципов превратило Елизавету в своего рода символ, а ее второстепенное положение при дворе воспринималось как оскорбление памяти великого императора иностранцами, узурпировавшими власть. Цесаревна, по-видимому, умело эксплуатировала эти чувства, подогревала их, с тем чтобы использовать в нужный момент. При этом примечательно, что опору она нашла не в офицерской, а в солдатской среде, где абсолютное большинство составляли выходцы из

крестьян. Именно они оказались выразителями настроений, преобладавших в столичном обществе и составлявших, по сути, общественное мнение того времени. «Большая ошибка думать, что в России нет общественного мнения. Вследствие того, что в России нет правильных форм для его выражения, оно проявляется неправильно, скачками, урывками, только в важные исторические моменты, но проявляется тем с большею силою и в формах тем более своеобразных», — писал в прошлом веке историк В. Бильбасов², имея в виду события 1762 года, но слова эти с полным основанием можно отнести и к перевороту 1741 года. «Патриотическая окраска переворота 25 ноября 1741 г., — констатирует Е.В. Анисимов, — выделяет его из ряда других дворцовых переворотов в России XVIII в. и позволяет рассматривать его как явление в определенном смысле неслучайное, ибо характеризует высокий уровень общественного сознания если не всего русского общества, то по крайней мере его широких столичных кругов»³.

Однако «патриотическая окраска» была как бы внешней стороной переворота. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что все как будто забыли, что не кто иной, как Петр I, а вовсе не его бездарные преемники, впервые открыл иностранцам путь к власти в России. Немало их было и в окружении цесаревны — тех, кто вместе с ней готовил переворот и принимал в нем непосредственное участие. По существу, это был первый случай, когда национальные чувства русских людей были умело использованы политиками в собственных целях. При отсутствии в стране гражданского общества, независимых от власти сословий не могло существовать и независимое общественное мнение.

Современники свидетельствуют, что национальный мотив в перевороте был столь силен, что иностранцы со страхом ожидали погромов. Елизавета вынуждена была объявить, что берет их всех под свое покровительство, что, впрочем, не избавило от всевозможных эксцессов. Трудно сказать, насколько чувствительна была сама Елизавета к национальной проблеме, но, используя выражение историка-романиста К. Валишевского, «русское знамя было поднято, и приходилось приспособлять новый режим к его краскам»⁴. В течение всего царствования при назначении высших должностных лиц Елизавета подчеркнуто отдавала предпочтение русским перед иностранцами, но, хотя лиц, равных по значению Бирону, Миниху или Остерману, в руководстве

страной более не было, немцы, англичане, итальянцы и другие продолжали играть важную роль в армии, на флоте, в науке и культуре. Более того, как мы увидим, культурное влияние Запада, в особенности французское, стало еще более ощутимым. С другой стороны, националистическая окраска переворота стала основой для идеологии нового царствования, ибо в отличие от предшествующих пятнадцати лет режим Елизаветы имел вполне определенную собственную идейную основу. Наличие же официальной идеологии, созвучной настроениям тех, от кого в первую очередь зависела стабильность режима, поддерживало его и гарантировало от неожиданностей даже тогда, когда бездеятельность правительства становилась слишком явной. Что же это была за идеология?

Е.В. Анисимов выделяет две основные идеи, две концепции, отмечая их существенное влияние на «последующую историографическую традицию». Обе они явились прямым производным от идеологии переворота. Во-первых, это «политическая канонизация Петра Великого» и провозглашение курса на преемственность в отношении его наследия. Во-вторых, негативная оценка времени от смерти Екатерины I до воцарения Елизаветы⁵. Значение обеих этих концепций выходит далеко за рамки лишь елизаветинского царствования. Первая из них сохраняла свое значение практически в течение всего времени существования Российского самодержавия. Вторая создала удобный прецедент для тех, кто пытался строить свою политику на контрастах. Так Петр III впоследствии пытался очернить царствование Елизаветы, Екатерина II — Петра III, Павел I — Екатерины II, Александр I — Павла I. Для елизаветинского же царствования чрезвычайно важно было то, что подчеркивание верности петровским традициям было облачено в патриотические одежды. Это создало благоприятные условия для направления накопившихся в обществе сил на формирование национальной литературы, науки и культуры, получивших, таким образом, мощный импульс.

Все сказанное об особенностях переворота 1741 года и о том, как они отразились на последующем времени, уже определенным образом характеризует Елизавету Петровну и как человека, и как политика. Но остановимся на ее личности более подробно. Первое, что бросается в глаза при характеристике Елизаветы и в чем сходятся все мемуаристы, это то, что императрица

была чарующе красива. Это обстоятельство в огромной мере определило ее характер, наклонности, привычки и пристрастия, ибо во всех своих проявлениях она была прежде всего женщиной. С ранней юности Елизавета полюбила веселье и всевозможные развлечения: балы, маскарады, пирушки, охоту, театр. Юная цесаревна блистала на придворных празднествах, ловила восхищенные взгляды иностранных дипломатов и слыла непревзойденной в искусстве танцев. Она обожала наряды и драгоценности и нередко вызывала раздражение Анны Иоанновны, появляясь при дворе в нарядах, более роскошных, чем у императрицы. Когда

10. Императрица Елизавета Петровна

же она сама стала императрицей и уже не была стеснена в средствах, то никогда не надевала одно платье дважды, а иногда во время бала меняла наряд два-три раза. В результате в ее гардеробных скапливалось по несколько тысяч платьев. Стодами забота о поддержании статуса первой красавицы превратилась для Елизаветы в своего рода *idée fixe*. Она ревновала ко всем женщинам, могущим, по ее мнению, с ней в этом соперничать, и боролась с ними так, как могла себе позволить лишь самодержавная русская царица. Так, несколько раз она публично срезала с волос придворных дам слишком яркие украшения, а однажды и вовсе велела им побрить головы. Когда какой-нибудь иностранный купец привозил в Петербург новые ткани, они в первую очередь показывались императрице, и если какая-нибудь ей нравилась, она закупала ее целиком, чтобы никто больше не мог сшить платье из такой же материи. Когда же в последние годы жизни Елизавета стала замечать, что ее красота поблекла, она превратилась в затворницу и почти не покидала свои покои, по многу часов проводя перед зеркалом.

Особенности характера Елизаветы также сыграли свою роль в перевороте ноября 1741 года. Дело в том, что в течение многих лет после смерти отца и матери цесаревна вынуждена была

мириться с жесткими рамками, в которых ее заставлял жить всякий новый режим. Поначалу, при Петре II, она еще пользовалась большим влиянием, проводя время в компании молодого императора, который, будучи всего на пять лет моложе Елизаветы, по видимому, не на шутку влюбился в свою тетку. Но с восшествием на престол Анны Иоанновны Елизавета была окончательно отодвинута на второй план. Ей постоянно делали выговоры за легкомысленное поведение и слишком яркие наряды, угрожали выдать замуж и удалить из России. Претендентов на руку цесаревны было немало, но по тем или иным причинам соглашения о браке всякий раз достичь не удавалось. Причем если Петр I намеревался выдать дочь замуж за французского короля, то с годами ранг женихов все время понижался, и цесаревне грозила перспектива стать супругой какого-нибудь захудалого принца откуда-нибудь с задворков Европы. В правление же Анны Леопольдовны недруги Елизаветы и вовсе советовали правительнице отправить цесаревну в монастырь. Под строгим наблюдением находилась и вся личная жизнь Елизаветы. Понятно, что к своим 32 годам, а именно столько ей было во время переворота, она познала определенные сердечные увлечения и привязанности. Но и в них она не была вольна. Так, еще в 1731 году был арестован, лишен дворянства и отправлен на сибирскую каторгу возлюбленный цесаревны поручик Семеновского полка Алексей Шубин. Наконец, еще одним немаловажным обстоятельством была постоянная нужда в деньгах, которую испытывала Елизавета, а для удовлетворения ее потребностей денег нужно было много. В итоге эта жизнелюбивая, веселая, легкомысленная женщина, более всего на свете любившая удовольствия и вовсе, вероятно, не жаждавшая власти ради власти, поняла, что у нее есть лишь один способ обрести независимость и свободу действий, возможность жить по-своему и удовлетворять все свои желания — взять эту власть в свои руки.

Чисто женские качества характера Елизаветы-императрицы двойным образом сказались и на особенностях ее правления. Она взошла на трон не для того, чтобы завести собственного временщика типа Бирона или Миниха, тем более что именно неприятие таких форм власти и увлекло за ней гвардейцев, а потому старалась никогда не выпускать бразды правления из своих рук и равномерно распределять властные функции между своими

министрами. В своих взаимоотношениях с ними, как и вообще при принятии решений, она была крайне осторожна и, как подчеркивает ее новейший биограф В.П. Наумов, «за всю свою жизнь... не сделала ни одного поспешного или опрометчивого шага»⁶. Эта осторожность в первую очередь выражалась в том, что императрица никогда не поддавалась первому впечатлению и не принимала решения, выслушав лишь одно мнение. Наоборот, она стремилась узнать мнения разных людей, часто прямо противоположные, и лишь тогда прийти к какому-то заключению. С.М. Соловьев полагал, что «главным достоинством Елисаветы... было беспристрастное и спокойное отношение к людям, она знала их столкновения, вражды, интриги и не обращала на них никакого внимания, лишь бы это не повредило интересам службы, твердо держала равновесие между ними, не давая им губить друг друга»⁷. Нет сомнения, что эти качества императрицы были благоприятны для организации управления, но они же оборачивались и противоположной стороной. Если бы, обращаясь за советами к своим подданным, Елизавета имела основанное на определенных принципах собственное мнение, которое бы она хотела таким образом проверить, то это безусловно шло бы на пользу делу, но беда в том, что у императрицы, как правило, собственного мнения не было, как не было и определенных политических принципов. Декларируемая приверженность петровскому наследию была обращена в прошлое, а конкретная политическая программа царствования отсутствовала. В силу этого Елизавета часто оказывалась не в состоянии выбрать между предлагавшимися ей точками зрения и надолго откладывала решение вопроса. В первое время по вступлении на престол императрица еще интересовалась управлением и даже посещала заседания Сената, о восстановлении прав которого, наряду с ликвидацией Кабинета министров, она торжественно объявила. Но уже скоро интерес этот стал ослабевать, а привычки к систематическому труду у Елисаветы, естественно, не было, ибо, обожая развлечения, от природы она была очень ленива. Все это усиливало ее нерешительность, медлительность в рассмотрении важных вопросов. Мемуарные и другие документальные свидетельства той эпохи единодушны в своих жалобах на непринятие решений по важнейшим вопросам по многу месяцев, на недоступность императрицы, особенно в последние годы царствования, ни для ее

собственных министров, ни для иностранных послов. При этом, взяв по моде того времени внешнюю политику под свою особую опеку и самолично ведя, например, переписку с французским королем, иногда секретную даже от русских дипломатов, Елизавета могла не отвечать своему корреспонденту по нескольку лет.

С другой стороны, отвергнув систему управления во главе с первым министром, Елизавета ревниво оберегала самодержавный характер своей власти. С ликвидацией Кабинета министров был восстановлен Кабинет как личная канцелярия императрицы, где оформлялись все ее указы и распоряжения, в том числе и адресованные Сенату. Исследователи отмечают, что, хотя номинально значение Сената выросло, в реальности степень его зависимости от воли самодержицы была значительно выше, чем это замысливал ее отец. А поскольку самостоятельно императрица решения не принимала, то, следовательно, в конечном счете направление политики зависело от тех, кого она избирала себе в советчики. По мере надобности Елизавета собирала их на совещания, или «конференции», как их именовали. Однако в 1756 году эти конференции получили организационное оформление, когда в марте этого года императрица повелела созывать их постоянно и с постоянным составом участников. Новое учреждение получило название Конференции при высочайшем дворе и, по сути, приобрело многие из тех функций, которые прежде были у Верховного тайного совета и Кабинета министров, хотя официально круг его полномочий и функций определен не был. Вполне очевидно, что обойтись без подобного органа при нежелании Елизаветы брать всю полноту ответственности за принимаемые решения на себя было невозможно, но и ограничивать себя она не желала.

Еще одна черта личности Елизаветы Петровны, дружно отмечавшаяся всеми ее современниками, — глубокая религиозность. Императрица часто и много молилась, строго соблюдала посты, совершала частые паломничества по святым местам православной церкви. При этом набожность ее была лишена веротерпимости, что, впрочем, проявлялось так же, как у ее отца. Американский историк Д. Бреннан, сравнивая Елизавету с австрийской императрицей Марией-Терезией, заметил: «Обе были фанатично религиозны и видели в единой религии средство укрепления государства. Но если при Марии-Терезии страдали православные

и протестанты, то Елизавета не интересовалась ни католиками, ни протестантами, но лишь отколовшимися от Русской православной церкви и людьми совсем иных вероисповеданий»⁸. Действительно, уже в 1742 году Елизавета распорядилась выслать из пределов империи всех евреев, были приняты меры к сносу армянских церквей и мечетей. Особое удовольствие доставляли императрице случаи перехода в православие представителей других религий, и она нередко сама выступала в качестве их крестной матери. Жестоким преследованиям вновь подверглись и старообрядцы, т. е. свои же сограждане, и к тому же православные. Возникает сомнение: как подобную религиозную нетерпимость совместить с понятием «просвещенного абсолютизма», черты которого некоторые историки склонны видеть в царствовании Елизаветы?⁹ Но, как справедливо заметил Д. Бреннан, «просвещенный» Вольтер с его скептическим отношением к религии тоже был антисемитом, и надо заметить, что его взгляды были основаны на расовых, а не религиозных предрассудках, что еще хуже»¹⁰.

Однако значение религиозности Елизаветы не исчерпывалось лишь сказанным. Она наилучшим образом соответствовала той национальной окраске, какую имел переворот 1741 года и какую приобрело и все ее царствование. В формировавшемся русском национальном сознании православие занимало исключительно важное место и осознавалось как особая ценность. Но, в отличие от католичества и протестантизма, православие не сближало русский народ с другими европейскими народами, но, наоборот, отделяло от них. В результате антиномия Россия—Запад стала своего рода камнем преткновения в общественно-политическом сознании русских людей, оказавшихся не способными ни полностью отринуть Запад, ни целиком принять его. Наложение элементов европейской цивилизации на русские обычаи и традиции, наряду с невозможностью примирить их, порождало своеобразную расщепленность сознания, позднее, когда она стала объектом рефлексии, превратившуюся в питательную среду русской интеллигенции. Эта противоречивость, своего рода двойственность, сознания ярко проявилась в самой Елизавете и ее вкусах. Так, императрица преклонялась перед французской галантностью, старалась следовать французской моде в одежде, подражать Версалию в пышном устройстве своего двора. Итальянские и французские архитекторы строили по ее заказу огромные дворцы в

стиле барокко, поражавшие своей роскошью даже выдавших виды иностранных дипломатов и украшенные произведениями европейской живописи, к которой Елизавета была явно неравнодушна. «Барокко елизаветинской поры, — отмечает Е.В. Анисимов, — как нельзя кстати соответствовало вкусам императрицы и в немалой степени способствовало тому внешнему блеску, который был присущ жизни двора Елизаветы»¹¹. Ей старались подражать и богатые вельможи, именно с этого времени начавшие нанимать своим детям французских учителей и гувернеров. Примечательно при этом, что на первых порах русские дворяне были убеждены, что сама принадлежность человека к французской нации гарантирует качество воспитания. Любовь ко всему французскому поселилась в России на несколько десятилетий. Но одновременно Елизавета обожала русскую и украинскую кухню, русские народные сказки и песни, причем любовь к последним не мешала ей также любить итальянскую оперу. Именно при Елизавете начало складываться то направление русской общественной мысли, которое позже назвали «охранительным», и не случайно выразителем его идей стал Михаил Ломоносов, составивший славу елизаветинского царствования как великий ученый и поэт — человек, по праву считающийся основателем национальной науки и поэзии. Ломоносов, в частности, считал, что в исторических сочинениях следует освещать только те факты и те страницы истории России, которые служат к ее славе, а о других умалчивать. Доверять писание русской истории следует, по Ломоносову, только людям благонадежным, давшим специальную клятву, и природным русским¹².

Противоречивость натуры императрицы Елизаветы проявилась и в еще одной сфере. Вступая на престол, она, как уже упоминалось, дала обет, что в течение ее царствования никто не будет подвергнут смертной казни. И действительно, ни один смертный приговор (а их продолжали выносить) не был ею утвержден. И хотя наказания, которыми заменяли казнь (пожизненная каторга, вырывание ноздрей, клеймение) были далеки от образцов гуманности, в целом официально провозглашенная доктрина монаршего милосердия в сочетании с французскими эстетическими и поведенческими идеалами имела существенное значение для смягчения нравов, без чего было бы невозможно и укоренение культуры барокко. Однако одновременно елизаветинское

царствование знало несколько шумных политических процессов, жертвы которых понесли тяжелое наказание. Так, сразу же после переворота были арестованы и отданы под суд Остерман, Миних и ряд других вельмож, преданных Анне Леопольдовне. Конечно, в отличие от своего отца, Елизавета не участвовала в пытках, но следила за допросами, стоя за портьерой. Пять человек были приговорены к смертной казни, уже на эшафоте замененной ссылкой в Сибирь. В 1744 году гром грянул над головой французского посла Шетарди, чье письмо с нелестными отзывами об императрице было перехвачено и показано ей его недругами. Шетарди немедленно выслали из страны, предварительно отобрав пожалованный Елизаветой орден и портрет императрицы с бриллиантами. Спустя несколько лет опале подвергся и другой организатор переворота 1741 года — Лесток. Ему суждено было провести несколько лет в Петропавловской крепости, после чего он был сослан, а его имущество конфисковано. Но самую громкую и печальную известность получило так называемое «дело Лопухиной»*, названное по имени главной обвиняемой из целой группы «заговорщиков». В семье Лопухиных и близкой к ним среде, как выяснило следствие, с презрением говорили о происхождении Елизаветы и ее поведении, вспоминали свергнутого Ивана Антоновича. Дальше разговоров дело не шло, однако всех арестованных по делу, включая нескольких женщин (одна из них была беременна), жестоко пытали и приговорили к урезанию языка и смертной казни, также замененной ссылкой. Перед тем как отправить в Сибирь, женщин публично раздели, били кнутом и «укоротили» им языки.

Характеристика черт личности Елизаветы, ставших чертами ее царствования, была бы, конечно, неполной без упоминания о мужчинах, сумевших добиться благосклонности этой прелестной женщины. И прежде всего о тех из них, чья близость к трону позволила им, вольно или невольно, оставить след в истории России. В первую очередь это Алексей Разумовский. Сын украинского казака, певчий церковного хора с прекрасным голосом и красивой внешностью, он волею случая уже в начале 30-х годов оказался среди придворных цесаревны Елизаветы, завоевал ее

---

* Примечательно, что Наталья Федоровна Лопухина была родной племянницей Анны и Виллима Монсов, а ее муж — родственником первой жены Петра I.

сердце и после удаления Шубина, по выражению Е.В. Анисимова, «стал безраздельным хозяином двора Елизаветы», что отражают «многочисленные письма и челобитные, посылаемые Разумовскому просителями разного ранга»¹³. Уже тогда ходили слухи о тайном венчании цесаревны со своим возлюбленным, но, несмотря на это, Разумовскому удалось избежать участи своих предшественников, ибо, поскольку он не интересовался политикой, обладал добродушным и ленивым характером, с иронией относился к собственному «случаю», был недалек и, по всей видимости, неграмотен, его считали безобидным и не воспринимали всерьез. После переворота бывший певчий сразу же стал генерал-поручиком, затем кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-егермейстером, а спустя несколько лет и генерал-фельдмаршалом. Все эти чины и звания сопровождалось по обычаю того времени пожалованиями деревень с тысячами крестьянских душ, так что со временем Разумовский стал одним из богатейших людей России. Влияние Разумовского на Елизавету и вообще при дворе было, конечно, весьма значительным, однако формально постов в высшем руководстве он не занимал и никогда, например, не входил в состав Конференции при высочайшем дворе. Но зато его положение на некоторое время изменило политику России в отношении Украины.

Еще при Анне Иоанновне, в 1734 году, после смерти гетмана Данилы Апостола гетманское правление на Украине было *de facto* заменено коллегиальным органом, состоявшим в основном из русских и подчинявшимся Сенату. Вскоре после своего воцарения, в 1742 году, Елизавета приняла депутацию украинских казаков, которым было обещано вернуть некоторые прежде бывшие украинские привилегии. В 1744 году императрица сама приехала в Киев, где обещала восстановить гетманство. Ждать, однако, пришлось несколько лет, прежде чем в 1750 году новым гетманом был избран брат фаворита Кирилл Разумовский. В момент избрания ему был 21 год. За несколько лет до этого он, бывший пастух, был вызван в Петербург, затем отослан учиться за границу, побывал в Тюбингене и Париже, а по возвращении назначен президентом Академии наук. Для украинцев избрание Разумовского гетманом имело благоприятные последствия: Украину покинули расквартированные там русские полки, были получены некоторые налоговые льготы, восстановлено управление из Коллегии иностранных дел, что было признаком автономии.

Однако младший Разумовский, хоть и был умнее и образованнее старшего, был так же ленив и так же ничего не представлял из себя как государственный деятель. Довольно скоро ему наскучили гетманские обязанности, и большую часть времени он проводил в Петербурге. Первым помощником Разумовского и по Академии наук, и в украинских делах был Григорий Теплов, который еще в 1743 году был назначен воспитателем брата фаворита, сопровождал его за границу и пользовался полным его доверием. К сожалению, русские авторы новейшей биографии Теплова вопрос о его деятельности на Украине обходят молчанием¹⁴, а новейший американский биограф лишь отмечает, что Теплов «приобрел непосредственные знания этого важного южного региона... усердно старался изучить его обычаи и порядки... познакомился с крупными магнатами и высшими чиновниками... и собрал большую коллекцию исторических материалов»¹⁵. Между тем К. Валишевский утверждает, что Теплов «со страстным рвением принялся противодействовать либеральным стремлениям нового режима»¹⁶, что выглядит вполне правдоподобно, если учесть, что спустя несколько лет он принял самое активное участие в разработке планов окончательной ликвидации украинской автономии.

Алексей Разумовский сохранял свое место при дворе вплоть до кончины Елизаветы, однако место в ее сердце с конца 40-х годов оказалось отданным другому. Это был Иван Иванович Шувалов, в 1749 году назначенный камер-юнкером императрицы и, таким образом, получивший статус официального фаворита, каковым он и оставался до конца ее царствования. Шувалов был европейски образованный человек, любивший серьезное чтение, знавший толк в искусстве, знакомый с просветительскими идеями и переписывавшийся с Вольтером. Влияние Шувалова сказалось и в моде на все французское, особенно распространившейся в 50-е годы. Так же как и Разумовский, не занимая официальных постов и не входя в Конференцию при высочайшем дворе, он держался подчеркнуто скромно, отказывался от почестей, титулов и наград. Как верно заметил Е.В. Анисимов, «скромность Шувалова, которую... он прекрасно осознавал и даже подчеркивал, была не столько особенностью его характера, сколько позицией, довольно редким тогда типом поведения... Такая неординарная манера поведения выделяла Шувалова из ряда титулованных вельмож и подчеркивала его исключительность еще более выразительно, чем

ордена и звания». Однако реальная власть Шувалова, человека, несомненно, умного и гораздо более способного, чем Разумовский, была весьма велика, в особенности в последние годы жизни императрицы, когда он был едва ли не единственным, имевшим беспрепятственный доступ в ее покои. Но «формальная незначительность места в чиновной иерархии была удобна Шувалову еще и потому, что снимала с него ответственность за успех дел, к которым он был причастен, и даже нередко позволяла избежать их решения»¹⁷.

Взгляды и умонастроения Шувалова были весьма типичны для той эпохи. Поклонник просветительства и французской культуры, он одновременно был горячим патриотом России, считавшим своим долгом заботиться о развитии ее науки и культуры. В течение многих лет Шувалов покровительствовал Ломоносову, помогая ему и защищая его во время многочисленных конфликтов с руководством Академии наук и даже с православной церковью. По сути дела, Шувалов был первым русским меценатом, положив своей деятельностью начало традиции, существовавшей в России вплоть до революции 1917 года. С именем Шувалова связано и основание двух важнейших учреждений культуры — Московского императорского университета и Академии художеств, с открытием которых начался новый этап в истории российского образования.

Наконец, необходимо сказать и еще об одном аспекте, связанном с Иваном Шуваловым: его особая роль при дворе обеспечила доминирующее положение в системе государственного управления его двоюродным братьям Петру и Александру Шуваловым. С ними, а в особенности с Петром, связаны важнейшие внутриполитические мероприятия и реформы елизаветинского царствования, как осуществленные, так и оставшиеся на бумаге.

2

Петр и Александр Шуваловы были участниками переворота 1741 года, но своим возвышением обязаны были главным образом родственным связям, причем не только двоюродному брату, но и тому, что в 1742 году Петр Шувалов женился на ближайшей подруге императрицы Мавре Шепелевой, имевшей на Елизавету большое влияние. Это была уже немолодая и некрасивая женщина со злобным, как утверждают мемуаристы, характером, но умная и

веселая. По-видимому, супруги очень подходили друг другу, ибо и Петр Шувалов был человеком умным, способным и одновременно тщеславным, жадным и неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей. Уже к середине 40-х годов он имел генеральские чины, графский титул и ранг камергера, а к концу десятилетия практически полностью захватил дела внутреннего управления в свои руки. Современники единодушно осуждали его нравственные качества, которые к тому же создавали при дворе

11. Граф Петр Иванович Шувалов

атмосферу постоянных интриг. Но вместе с тем, хотя во всем, что он делал, Шувалов прежде всего искал собственную выгоду, деятельность его объективно носила полезный для страны характер, ибо ему было присуще «довольно редкое у его современников качество — чувство нового». «После смерти Петра Великого, — отмечает Е.В. Анисимов, — в России, пожалуй, не было другого государственного деятеля, который бы подобно Петру Шувалову так живо откликался на всякое предложение, новую идею и поощрял на этом пути своих подчиненных»¹⁸.

Однако не случайно власть П.И. Шувалова усиливается именно к концу 40-х годов. К этому времени Елизавета, как считает большинство исследователей, окончательно убедилась, что существовать лишь на основе законов и учреждений Петра I Россия не может. До этого императрица, по словам А.Е. Преснякова, «в глубоком преклонении перед делами великого отца своего представляла себе его работу над государственным строительством настолько совершенной и законченной, что одного последовательного и добросовестного проведения в жизнь его узаконений достаточно для полного благоденствия государства»¹⁹. Помимо упомянутого выше восстановления значения Сената и ликвидации Кабинета министров уже в первые месяцы нового царствования

были воссозданы Берг- и Мануфактур-коллегии, Главный магистрат и ряд других учреждений и должностей, ликвидированных преемниками Петра. В 1744—1746 годах была сделана неудачная попытка реставрации петровской системы местных учреждений, но предложенный Сенатом план не был одобрен императрицей, которая, как считал Ю.В. Готье, «к половине 40-х годов охладела в своем рвении восстановить порядки своего отца; вот почему и сенат... на этом успокоился и навсегда положил неудавшийся проект под сукно»²⁰. И все-таки причина неприятия плана реставрации петровского местного управления была, скорее всего, более серьезной: план с достаточной ясностью обнаруживал громоздкость и неэффективность петровских учреждений.

Возврат к петровским порядкам наблюдался и в более мелкой, бытовой сфере. Так, специальными указами была подтверждена обязательность ношения европейского платья и бритья бород и усов. Возрождался и сам дух мелочной регламентации повседневной жизни подданных: в декабре 1742 года Елизавета запретила носить дорогую одежду, украшенную серебряными и золотыми нитями, а также кружевами сверх определенного размера. Уже сшитые дорогие платья было разрешено донашивать, но, дабы не было обмана, на них полагалось поставить специальную сургучную печать. В столичных городах было запрещено держать в домах медведей, устраивать на улицах кулачные бои, произносить бранные слова в общественных местах.

Вместе с тем надо заметить, что некоторые отступления от петровской политики фактически имели место с самого начала елизаветинского царствования. Так, в 1742 году помещичьим крестьянам было запрещено по своей воле записываться на военную службу, а спустя пять лет помещики получили право продавать своих крестьян в рекруты. Оба эти мероприятия конечно же отвечали интересам усиливающегося дворянства, чья самостоятельность делала государя все более от него зависимым. С другой стороны, осознавалась и потребность в упорядочении системы рекрутских наборов. С этой целью страна была поделена на пять частей, с которых рекрутов брали по очереди, т. е. с интервалом не менее, чем в пять лет.

Проблема армии и ее содержания, как и прежде, была тесным образом связана с финансами государства и его налоговой политикой. По вступлении на престол Елизавета широким жестом

простила недоимки за 1719—1730 годы и даже ликвидировала Доимочную канцелярию. Спустя еще десять лет были прощены недоимки по 1747 год, и это при том, что в 1742—1743 годах, а затем в середине 50-х годов подушная подать регулярно понижалась. Одновременно с 1743 года проводилась новая ревизия податного населения. Она была выгодна и государству, и самим плательщикам. Первое учло значительно большее, чем прежде (6 643 335 душ м.п.), число налогоплательщиков, вторые — избавились от необходимости платить за умерших и беглых. В начале 60-х годов была проведена новая ревизия душ, которая показала увеличение числа налогоплательщиков более чем на 700 тысяч²¹.

Со второй половины 50-х годов началась подготовка и осуществление работ по межеванию земли с целью более точного ее учета (так называемое «елизаветинское межевание»). Однако важнее, что под влиянием П.И. Шувалова стала меняться сама налоговая политика государства, в которой предпочтение начали отдавать косвенным налогам. В частности, Шувалов предложил повысить цену на соль и вино, что уже за время с конца 40-х до начала 60-х годов увеличило доходы государства по этой статье примерно в три раза. Е.В. Анисимов справедливо отмечает, что «мысль о замене прямого обложения косвенным была, без сомнения, весьма прогрессивной для середины XVIII в. Именно в этом направлении... развивались финансы в передовых странах Европы»²².

Но еще важнее была предложенная П.И. Шуваловым реформа таможенного обложения, результатом которой была ликвидация в конце 1753 года внутренних таможен при увеличении при этом ввозных пошлин. В этом отношении Россия оказалась не только на уровне, но даже впереди большинства европейских стран. Так, во Франции попытки Кольбера осуществить аналогичную реформу успехом не увенчались, и внутренние таможи там существовали вплоть до революции 1789 года. И это при том, что Россия была страной значительно больших размеров. Таможенная реформа Шувалова, как подчеркивает Д. Бреннан, «означала создание свободного внутреннего рынка от границ Польши до северо-западного побережья Америки»²³.

Новая таможенная политика нашла отражение и в таможенном тарифе 1757 года, носившем откровенно протекционистский характер и препятствовавшем ввозу в страну импортных

промышленных товаров, способных конкурировать с отечественными. Меры в области таможенной политики были выгодны государству и также увеличили его доходы примерно в два раза. Однако при том, что постоянно росли расходы на содержание двора, что показная роскошь стала для русского дворянства этого времени знаком социального престижа, что с 1756 года Россия вступила в тяжелейшую войну, денег катастрофически не хватало. Именно при Елизавете русское правительство впервые вынуждено было обратиться за займами за границу, но получило отказ. И тогда по инициативе П.И. Шувалова «со второй половины 50-х гг. казна вступила на путь форсированной эксплуатации монетной регалии», чеканя огромное количество медной монеты облегченного веса, в результате чего «монета стала... малоценной», ее «весовое содержание не соответствовало ее номиналу». В целом «такая политика была чревата отрицательными последствиями для экономики страны, так как вела к обесцениванию медных денег, росту цен... падению вексельного курса, ухудшению структуры денежного баланса»²⁴. Но это были уже проблемы, которые пришлось решать следующим правительствам. Пока же, в елизаветинское царствование, исследователи отмечают «своеобразный промышленный бум»²⁵.

Подобный эффект был результатом двух важнейших факторов. Во-первых, приватизации промышленности, начавшейся еще в предшествующий период, и, во-вторых, повышением спроса на продукцию русских металлургических заводов как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Благоприятным обстоятельством был и продворянский характер политики Елизаветы в целом. Владельцами заводов стали в первую очередь представители правящей верхушки — братья Шуваловы, братья Воронцовы (Михаил Воронцов, женатый на двоюродной сестре императрицы, был сперва вице-канцлером, а затем канцлером), крупный вельможа граф Чернышов и др. Аристократические заводладельцы, обладая неограниченными возможностями по эксплуатации недр, водных и лесных ресурсов собственных огромных имений, получали также значительные льготы в виде государственных кредитов, в налогообложении и т.д. Это способствовало развитию производства, но одновременно привилегированное положение делало практически невозможной конкурентную борьбу с такого рода предпринимателями, что на развитии промышленности

в целом отражалось, естественно, негативно. Но еще хуже было то, что капиталы скапливались не в руках представителей среднего класса, а предпринимателей, заинтересованных только в скорейшем получении сверхприбылей, которые не вкладывались затем в производство. Как правило, такого рода заводовладельцы не заботились о его совершенствовании, и если оно росло, то исключительно экстенсивно. Получаемые же кредиты далеко не всегда расходовали по назначению. В результате большая часть подобных предпринимателей оказалась не только не с прибылью, но по уши в гигантских долгах государству и частным кредиторам.

Принципиальное значение имело и то, что на промышленных предприятиях трудились по преимуществу крепостные крестьяне, чей труд не мог быть продуктивным, а заводовладельцы вполне естественно стремились выжать из них все возможное. В 1744 году правительство Елизаветы Петровны подтвердило петровский указ, разрешавший покупку предпринимателями-недворянами крестьян к заводам. Таким образом, промышленное развитие страны направлялось по тому же, в сущности тупиковому, пути, что и при Петре I, а промышленный бум носил кратковременный характер.

Поиски средств и путей обогащения привели по инициативе П.И. Шувалова к появлению еще одного новшества в финансово-экономической сфере — заемных банков. Первым из них был созданный в 1754 году Государственный заемный банк*, фактически состоявший из двух самостоятельных банков — дворянского и купеческого. Первый выдавал ссуды под залог драгоценных камней и металлов, а также населенных имений, т. е. крепостных душ. При этом размер займа зависел от числа закладываемых душ, на которые устанавливалась определенная цена. Изначально объявленный капитал банка позволял одновременно заложить до 2% всех крепостных России. Вполне очевидно, что остро нуждающееся в деньгах дворянство поспешило воспользоваться услугами банка, и к 1860 году, когда он был закрыт, в нем и в других аналогичных учреждениях было заложено подавляющее большинство помещичьих имений.

---

* Интересно, что одновременно был установлен единый для всего государства 6-процентный размер роста на все виды ссуд. Ростовщики, взимавшие с кредиторов более высокий процент, подлежали уголовному наказанию.

В 1758 году в ходе денежной реформы, связанной главным образом с перечеканкой медной монеты, был учрежден Медный банк, выдававший ссуды медной монетой, возвращать которые полагалось серебром. Под залог также принимались крепостные души, а основными клиентами банка стали высшие сановники, которым очень быстро был роздан весь капитал банка без особых надежд на получение его назад. Так, сам основатель банка П.И. Шувалов, умерший в 1762 году, оставил своим наследникам долг Медному банку в размере около 470 тысяч рублей. И это при том, что формально объем единовременной ссуды не должен был превышать 180 тысяч. В 1763 году, уже при Екатерине II, банк был закрыт.

Еще одно мероприятие елизаветинского царствования, ярко характеризующее промышленную политику правительства, — это введение дворянской монополии на винокурение. По указу 1755 года иметь предприятия в этой доходнейшей отрасли могли только дворяне, а заводы недворян подлежали ликвидации или продаже. Причем, в отличие от металлургических заводов, привязанных в основном к районам расположения соответствующих рудных месторождений, винокуренные предприятия были сугубо вотчинными, т. е. располагались непосредственно в дворянских имениях и использовали опять же труд крепостных.

Отмена внутренних таможен, рост косвенных налогов, создание банков — все это, по крайней мере на первый взгляд, должно было способствовать подъему экономики страны и содействовать движению ее по пути модернизации. Но поскольку неизменной оставалась заложенная Петром I крепостническая основа этой экономики, то потенциал ее развития был невелик, и даже после рывка вперед она была обречена на отставание от ведущих европейских стран. Негативные процессы продолжали развиваться и в социальной сфере. Так, открывшиеся перед дворянами возможности обогащения искажали процесс формирования их сословного самосознания. С другой стороны, возможность и купцу стать душевладельцем, наряду с необходимостью использовать труд крепостных, делала его психологию и образ мыслей очень далекими от тех, что были у его западноевропейского собрата. Да и сам институт крепостничества не мог оставаться неизменным. Он продолжал развиваться, и именно при Елизавете начинает широко практиковаться продажа крестьян без земли,

отдельно от членов их семей, получившая особенное распространение в последующие десятилетия. В 1760 году появился известный указ, по которому помещики получили право ссылать нерадивых или провинившихся крестьян в Сибирь, что зачитывалось им в счет сдачи рекрутов. Правда, ссылать можно было только крестьян работоспособных, которые в Сибири становились вольными и использовались государством для освоения этого края, однако налицо был дальнейший рост степени несвободы крепостных. Да иначе и не могло быть, ведь крепостнические основы социальных отношений, несинхронность развития отдельных сословий вели к тому, что «эмансипация» дворянства могла осуществляться только за счет крестьянства, и чем свободнее становился дворянин, тем крестьянин все больше превращался в раба.

***

Новации в финансово-экономической сфере, которые удалось осуществить в царствование Елизаветы Петровны и автором которых был по преимуществу П.И. Шувалов, были лишь частью обширной программы реформирования русского общества. Сама атмосфера этого времени, идеология елизаветинского царствования способствовали тому, чтобы накопленный за несколько послепетровских десятилетий потенциал приобрел новое качество и воплотился в целый комплекс идей, большинству из которых суждено было быть реализованными в последующее время, но которые вызревали, обсуждались и стали популярными уже при Елизавете. Так создавалась почва для будущих реформ, обеспечившая их безболезненное осуществление. Это важнейшая черта данного этапа русской истории, ставшего своеобразным мостиком, по которому Российская империя должна была перейти на новую ступень своего развития.

Уже вскоре после вступления на престол императрица повелела Сенату пересмотреть законы, изданные после смерти Петра I, с целью отмены противоречащих принципам его законодательства. Дело оказалось нелегким, и за восемь лет Сенат успел рассмотреть лишь указы по 1729 год. И тогда в 1754 году Шувалову удалось убедить Елизавету в бессмысленности пересмотра старых указов и необходимости разработки нового свода законов — Уложения, для чего при Сенате была образована специальная

Уложенная комиссия, получившая широкие полномочия и развернувшая обширную деятельность. Так, параллельно с основной комиссией было создано еще 35 так называемых частных комиссий при различных ведомствах, готовивших материалы по отдельным вопросам. Подготовка необходимых материалов возлагалась и на органы власти на местах, у которых запрашивались мнения о наиболее эффективной системе местного управления и суда. Параллельно принимались меры по укреплению и упорядочению аппарата управления, для чего была осуществлена перепись всех чиновников, имевших чины в соответствии с Табелью о рангах. По сути, по словам историка С.М. Троицкого, перепись чиновников «была одновременно и их смотром, сопровождавшимся повышением в чинах одних лиц и увольнением в отставку других... Фактически это был последний общегосударственный смотр дворян-чиновников»²⁶.

Результатом деятельности комиссии стал проект Уложения из трех частей. Первые две из них были посвящены судебному и уголовному праву, а третья — «О состоянии подданных вообще» — должна была стать основой сословного строя Российского государства. Концентрация усилий комиссии именно на этой проблематике весьма примечательна: необходимость законодательного оформления сословного строя все более ощущалась как насущная потребность общества. Однако состав комиссии, состоявшей из высших должностных лиц государства, не мог не сказаться на характере этого документа, носившего сугубо продворянский характер. В концентрированном виде здесь оказались собранными практически все сословные пожелания и чаяния дворянства. Так, налицо было стремление к превращению дворянства в замкнутую корпорацию и к отмене положений петровской Табели о рангах, обеспечивавших доступ в ее ряды недворян, выслуживших определенный чин. Ликвидировался и укрепленный петровским законодательством принцип обязательности службы. Проект также предусматривал отмену для дворян пытки, телесных наказаний и ссылки на каторгу. Отменялась и практика отписывания на государя имений дворян, совершивших преступление. Таким образом, должно было произойти юридическое закрепление частной собственности на имения с проживающими там крестьянами, причем собственность эта становилась неотчуждаемой. При этом владение земельной собственностью должно было

стать монопольной привилегией дворянства. Право недворян покупать крестьян к заводам отменялось. Дворянская монополия на винокурение расширялась и на другие отрасли промышленности — металлургическую и стекольную. Наконец, специальная статья проекта прямо и недвусмысленно декларировала право дворян на владение крестьянскими душами и их всевластие по отношению к крепостным.

Нетрудно заметить, что все вышеперечисленные сословные права и привилегии дворянства, заложенные в проект Уложения, носят в первую очередь имущественный, экономический характер. Претензии же дворянства в политической сфере были много скромнее и сводились главным образом к требованию создать на местах органы дворянского самоуправления, да и вообще передать местные органы власти в руки местных же помещиков. Показательно, что никаких признаков возрождения идей 1730 года относительно ограничения самодержавия в проекте не прослеживается. Однако в целом в русском обществе эти идеи не умерли, но облачились в одежды концепции просвещенного абсолютизма.

Деятельность Уложенной комиссии послужила стимулом к созданию разнообразных проектов, что с этого времени превратилось в своеобразную моду, и вторая половина XVIII века донесла до нас множество всевозможных проектов государственного переустройства. Один из них, проанализированный Е.В. Анисимовым, принадлежал перу фаворита Елизаветы Ивана Шувалова. В своем проекте Шувалов предстает сторонником регулярного государства, основанного на принципах взаимного соблюдения монархом и подданными «фундаментальных и неперменных» законов, восходящих к идеям Монтескье. По замыслу Шувалова, императрица даже должна была принести специальную присягу, поклявшись за себя и своих наследников в соблюдении этих законов. Однако законы эти не должны были быть простым слепком с идей Монтескье, но учитывали и российскую специфику. Так, должна была быть предусмотрена определенная квота на число иностранцев на руководящих постах государства, причем ключевые должности должны были занимать только русские. Специально оговаривалось и то, что российским государем мог стать лишь человек православного вероисповедания. Проект Шувалова не содержал сколько-нибудь подробно разработанных прав сословий и лишь предусматривал введение определенных привилегий дворянства²⁷.

Замыслам прожектеров 50-х годов не суждено было сбыться. Елизавета Петровна все меньше времени уделяла государственным делам и все менее склонна была к каким-либо серьезным переменам. К тому же это время совпало с изнурительной для России Семилетней войной.

3

Внешнеполитические проблемы, которые пришлось решать Елизавете Петровне сразу по вступлении на престол, были непросты и весьма щекотливы: Россия находилась в состоянии войны со Швецией, провозгласившей своей целью восстановление на российском престоле потомства Петра Великого, а ближайшим советником императрицы стал французский посол, которому его правительство дало инструкции добиваться от России уступок в пользу Швеции. С другой стороны, провозглашение курса на защиту петровских принципов никак не предполагало каких-либо уступок шведам, что было бы прямым предательством этих принципов. Благоприятным для России обстоятельством было то, что Европу в это время раздирала война «за австрийское наследство» и обе воюющие коалиции пытались заручиться поддержкой России, которая в этой ситуации могла оказаться решающей. Главным «поджигателем» войны была Пруссия, именно тогда вступившая в долгую борьбу за создание «великой Германии» и ставшая отныне возмутителем спокойствия в Европе. Внешнеполитический выбор, перед которым было поставлено правительство Елизаветы, по существу сводился к тому, чтобы либо принять в этой борьбе сторону Пруссии, либо, наоборот, противодействовать ее усилению. Выбор этот должен был стать в полном смысле историческим, надолго определив характер русско-германских отношений и расстановку политических сил на континенте. Рассуждая чисто теоретически, можно предположить, что прочный союз России и Пруссии мог привести уже тогда к разделу Польши*, а позднее

---

* Примерно так рассуждает В.П. Наумов: «Перед страной в то время стояла альтернатива: укрепление и расширение позиций на берегах Балтийского моря в борьбе с Пруссией или решение «польского вопроса» (присоединение Правобережной Украины и Белоруссии), возможное лишь в условиях русско-пруссского союза» (Наумов В.П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. №5. С.68).

и всей Европы между двумя державами. Однако столь же очевидно, что Англия, Франция, Австрия и Турция, какие бы противоречия ни разделяли эти страны, не стали бы спокойно наблюдать, как Россия и Пруссия хозяйничают в Европе, и, объединившись, могли бы положить этому конец, что означало бы для России серьезное поражение и могло бы надолго отодвинуть ее в число второразрядных стран. Но это все рассуждения теоретические. На практике же Россия по-прежнему стояла перед необходимостью решения двух основных проблем — польской и турецкой, причем столкновение с Турцией было неизбежным, а в условиях противостояния с Австрией и чрезвычайно опасным.

Первые шаги Елизаветы на международной арене были осторожными, но твердыми. В переговорах со Швецией о мире, посредником в которых выступала Франция, Россия отказалась обсуждать какие-либо территориальные уступки, и в 1742 году несговорчивость шведов привела к возобновлению военных действий, в результате которых русская армия заняла почти всю Финляндию и в 1743 году Швеция вынуждена была подписать Абосский мир. Между тем «французская партия» при русском дворе активно интриговала в пользу Пруссии, что привело к подписанию в том же 1743 году союзного трактата, по которому стороны обязались помогать друг другу в случае нападения третьей стороны. Одновременно агенты Фридриха II делали все, чтобы поссорить Россию с Австрией, чему должно было послужить и «дело Лопухиной», в которое был замешан австрийский посланник. Но у «французской партии» был сильный противник в лице вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, талантливого дипломата и твердого сторонника петровских принципов российской внешней политики.

Бестужев полагал, что внешняя политика России должна основываться на трех важнейших союзах: с морскими державами Англией и Голландией, с Саксонией и с Австрией. Целью внешней политики должно быть противодействие усилению каких-либо держав, следовательно, и Пруссии, но в первую очередь Швеции, Польши и Турции. Таким образом, внешнеполитическая доктрина Бестужева носила ясно выраженный антипруссский характер. Фридрих II потратил немало усилий, чтобы добиться устранения Бестужева от власти, но безуспешно. Даже «дело Лопухиной», в котором была замешана жена брата Бестужева, не

повлияло на отношение к нему императрицы. А извинения, принесенные в связи с этим делом императрицей Марией-Терезией, способствовали сближению России с Австрией. Свою роль сыграло, видимо, и неприязненное отношение Елизаветы к Фридриху II, чье злословие по поводу Елизаветы было известно в Петербурге. В 1744 году Бестужеву, как уже упоминалось, удалось добиться устранения Шетарди. Это была крупная победа опытного политика, не брезговавшего для достижения своих целей самыми изощренными интригами, перлюстрацией писем иностранных дипломатов, подкупом и другими способами из арсенала тогдашней дипломатии. В том же году Россия заключила союзный договор с Саксонией, а Бестужев был назначен на должность канцлера. Когда же осенью 1744 года стало известно о начале Пруссией войны с Австрией и Саксонией за Силезию, то эти действия в Петербурге были восприняты как агрессия. Россия решила выступить на стороне Саксонии, и русским войскам в Прибалтике было дано указание готовиться к походу. Пруссия вынуждена была заключить со своими противниками мир. В 1746 году многолетние усилия Бестужева увенчались подписанием оборонительного союза с Австрией, причем договор был снабжен секретными статьями, по которым стороны договаривались совместно действовать против Пруссии и Турции.

Вскоре после этого Россия фактически вмешалась в войну «за австрийское наследство», подписав соглашение с Англией, по которому 30-тысячный русский корпус был двинут на Рейн, что существенно повлияло на переговоры в Аахене и ускорило подписание мира. Эти события, а также противодействие России попыткам восстановления абсолютистского режима в Швеции привели к разрыву отношений с Францией и Пруссией. Однако уже спустя несколько лет в Европе произошла перегруппировка сил, связанная с обострением отношений между Францией и Англией. В поисках союзников Франция сблизилась с Австрией и Россией. Последняя некоторое время еще пыталась балансировать между Англией и Францией, но подписание Лондоном в 1755 году соглашения с прусским королем окончательно склонило чашу весов в пользу союза с Австрией и Францией. Ставя своей целью всемерное противодействие усилению Пруссии, Россия стала подталкивать к новой войне. Фридрих II решил

упредить союзников и в августе 1756 года ввел свои войска в Силезию. Это стало началом Семилетней войны, в которую Россия вступила уже с 1 сентября.

Открытое столкновение с Пруссией было, без сомнения, результатом осуществлявшейся на протяжении ряда лет внешнеполитической доктрины Бестужева, но оно же обнаружило и его просчеты. Бестужев полагал, что мощный союз России с Австрией устрасит Фридриха II, а постоянное присутствие в Европе небольшого русского корпуса послужит гарантией от новой полномасштабной войны. Находясь в плену собственных иллюзий, канцлер фактически проглядел военные приготовления Пруссии, которой за несколько лет мира удалось отмобилизовать, оснастить и подготовить к войне лучшую в Европе армию. И даже когда война началась, иллюзии рассеялись далеко не сразу. Лишь в январе 1757 года был составлен план будущей кампании, и только в мае русская армия под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина выступила в поход из Риги в направлении Восточной Пруссии, поставив целью захват Кенигсберга. При этом Апраксин не торопился. В середине июля он перешел границу, а еще через месяц, 15 августа 1757 года, состоялось сражение при Гросс-Егерсдорфе, в котором имевшая значительное численное превосходство русская армия потеряла вдвое больше пруссаков, но все же одержала победу. Плодами этой победы Апраксин по не вполне ясным обстоятельствам не воспользовался. Он не преследовал противника и совершал бессмысленные маневры, изнурявшие армию и не приближавшие цели похода. Большинство историков вслед за современниками тех событий полагают, что Апраксин опасался за резко ухудшившееся здоровье императрицы, зная при этом, что наследник престола великий князь Петр Федорович был противником войны с Пруссией.

В октябре 1757 года Апраксин был смещен и на его место назначен генерал Виллим Фермор, англичанин, состоявший на русской службе еще с 1720 года. Отставка Апраксина, обвиненного в измене, привела и к падению Бестужева. В феврале 1758 года канцлер был арестован на заседании Конференции при высочайшем дворе и отдан под суд, который приговорил его к смертной казни. Елизавета заменила приговор на ссылку в имение, а канцлером стал граф М.И. Воронцов, сторонник русско-французского сближения.

Война между тем продолжалась. В январе 1758 года русская армия взяла Кенигсберг и двинулась дальше в Бранденбург. В августе она столкнулась с войсками Фридриха II у Цорндорфа. После кровопролитного и изнурительного для обеих сторон сражения Фермор дал приказ об отступлении, что было расценено как поражение русских. Опыт первых лет войны обнажил недостатки русской армии, и во второй половине 1758 — в начале 1759 года началось ее укрепление и перевооружение. Весной 1759 года вновь сменили главнокомандующего и вместо Фермора назначили П. Салтыкова. Летом, соединившись с австрийским корпусом, Салтыков одержал внушительную победу у Кунерсдорфа. Однако добиться скорейшего прекращения войны не удавалось, хотя в сентябре 1760 года русские войска даже на некоторое время вошли в Берлин. Лишь уже в 1761 году, окончательно измотав противника, Австрия и Россия вплотную приблизились к возможности окончательного разгрома Пруссии. Но 25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. Взошедший на российский престол Петр III сразу же прекратил войну.

Император Петр III, он же великий князь Петр Федорович, он же герцог Голштинский Карл Петер Ульрих, был сыном старшей сестры Елизаветы Анны Петровны от ее брака с герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом. Сама Анна умерла еще в 1728 году вскоре после родов, а ее рано осиротевший сын (в 1739 году он потерял и отца) уже в начале 1742 года был спешно привезен в Россию, объявлен наследником российского престола и крещен в православие под именем Петра Федоровича. В 1745 году его женили на Ангальт-Цербстской принцессе Софии Августе Фредерике. Брак был неудачным, характер у принца несносным и, по свидетельству современников, Елизавета Петровна нередко плакала, глядя на племянника и представляя его воцарение как величайшее несчастье для России. Однако лишить Петра прав на престол императрица так и не решилась.

25 декабря 1761 года, когда во всех храмах России шли торжественные рождественские службы и еще ничего не знавшие о случившемся священники произносили здравицы Елизавете Петровне, страна вступала в новый период своей истории. Середина века закончилась. Начиналась его вторая половина...

ГЛАВА 6

Век Екатерины Великой

Смерть императрицы Елизаветы Петровны стала началом самого короткого в русской истории — всего шесть месяцев — царствования Петра III. Современники и историки почти единодушны в своих оценках этого императора. Нервный, впечатлительный, нетерпеливый, упрямый, своенравный, трусливый — таким предстает внук Петра Великого со страниц мемуаров и исторических сочинений. За годы жизни в России, куда он попал тринадцатилетним мальчиком, Петр не сумел ни полюбить родину своих предков, ни даже привязаться к ней. Русские традиции и обычаи, интересы страны и ее народа остались для него чужими. Трудно сказать, что было виной этому — природные склонности, дурное воспитание, «золотая клетка», в которой его держала Елизавета, или, быть может, все вместе. Возможно, прав историк В.П. Наумов, полагающий, что если бы волею судьбы Петру досталась не русская, а шведская корона, на которую он также имел право, то, вероятно, он мог бы «жить долго и счастливо, удачно жениться и прославиться великими делами»¹. Но ему суждено было стать русским наследным принцем. В петербургском обществе были широко известны пропрусские симпатии Петра, его вызывающее поведение во время церковных служб, пристрастие к пиву и табаку, военным забавам. Отсутствие у императора качеств, необходимых государственному деятелю, его непостоянство и непредсказуемость делали его опасным и для его придворного окружения, и в целом для судеб страны. На протяжении многих лет не складывались и взаимоотношения Петра с женой, которая была интеллектуально и духовно более развита и, умело играя на контрастах, пользовалась и при дворе и в народе значительно большими симпатиями, чем муж. Все это

привело к тому, что уже с первых дней пребывания Петра на престоле стало расти недовольство и стал созревать заговор, направленный на его свержение.

Между тем сам Петр, казалось, ничего не понимал и не замечал. Как вырвавшийся из-под присмотра взрослых ребенок, он бурно радовался возможности делать, что ему вздумается, и жить, как ему нравится. Он по-прежнему эпатировал публику во время церковных церемоний, устраивал бесконечные вахт-парады, шумные пирушки с друзьями по вечерам и всюду появлялся в обществе своей любовницы Елизаветы Воронцовой. И тем не менее за шесть месяцев пребывания на троне он успел осуществить несколько важных внутривластных преобразований и изменений во внешней политике страны. В феврале 1762 года император подписал сразу три важнейших указа — о ликвидации Тайной канцелярии, о вольности дворянства и о секуляризации церковных земель.

12. Император Петр III

Тайная канцелярия продолжала исправно служить режиму на протяжении всего елизаветинского царствования, вселяя холодящий ужас в подданных, понимавших, что уж если власть без колебаний расправляется с вельможами и аристократами, то жизнь простого человека и вовсе не стоит и гроша. В условиях же всеобщего доноительства любое сказанное сгоряча слово могло превратить говорившего в изменника и бунтовщика. Указ Петра III запретил произносить магическую фразу «слово и дело», а само название Тайной канцелярии, внушавшее страх и ужас, велел предать забвению. Конечно, политический сыск не уничтожился вовсе, но теперь он становился более гласным, распределялся между несколькими учреждениями, а роль доноительства в русской жизни, по крайней мере отчасти, ослабла.

Манифест о вольности дворянства, подписанный Петром III 18 февраля 1762 года, стал новой вехой в становлении российского дворянства как сословия. Важнейшее его положение было связано с освобождением дворян от обязательной службы государству. Отныне дворяне сами могли выбирать, служить им или не служить, и даже могли свободно выезжать за границу и наниматься на службу другим государям, что прежде считалось изменой. Это означало перемену в самих основах организации взаимоотношений дворянства и государства. Дворянство окончательно освободилось от пут крепостничества и стало лично свободным. Пожалуй, только с этого времени к российскому дворянству можно с полным правом применять понятие «правящий класс». Конкретным проявлением последствий манифеста стал отток дворян со службы, отмечаемый исследователями в течение первых лет его действия. Это явление имело важнейшие социальные, культурные и нравственные последствия. Тысячи дворян отправились жить в свои поместья, что немало способствовало развитию русских провинциальных городов как культурных центров, усадебной архитектуры второй половины XVIII века. Тогда же стал складываться и тип провинциального помещика, хорошо знакомый по русской классической литературе XIX века. Как пишет И. де Мадариага, «манифест действительно открыл двери для создания в России совершенно нового слоя, состоящего из людей, которых можно назвать «частным человеком» в отличие от «служилого человека», — общества, отличного и противопоставленного государству... Русский дворянин наконец оказался на равных с дворянством других стран»².

Еще один аспект действия манифеста 1762 года, на который обращают внимание исследователи, связан с его влиянием на развитие русской бюрократии. Концентрация в провинции большого числа дворян привела к усилению их стремления взять местные органы власти под свой контроль. С другой стороны, высказывалось мнение, что массовый выход дворян в отставку способствовал притоку в ряды чиновничества представителей других социальных групп³. Новейшие исследования И.В. Фаизовой показывают, однако, что массовость отставок первых лет действия манифеста достигалась главным образом за счет военных, причем многие из них после этого переходили на статскую службу. В результате уже через три года образовался избыток кадров чиновников и государство вынуждено было ограничить свободу подобных переводов⁴. Эти выводы исследовательницы свидетельствуют о значительных изменениях в сознании и системе ценностей русских дворян, еще несколько десятилетий назад считавших, что статская служба «умалывает» их честь и достоинство. Это, без сомнения, было результатом европеизации страны, проникновения в русское общество идей рационализма и просвещения. Но, с другой стороны, так же несомненно, что гражданская служба, непременно сопряженная в России с получением не контролируемых государством доходов, была гораздо выгоднее военной в экономическом отношении.

Таким образом, Манифест о вольности дворянства — важная веха русской истории, начало нового ее этапа. Но был у него еще один, менее заметный, но не менее существенный аспект. С опубликованием манифеста разорвалась издавна существовавшая связь между обязательной службой дворянина государству и служением ему его крепостного крестьянина. Отныне владение крепостными душами уже не было сопряжено ни с какими обязательствами перед государством. Иначе говоря, появление манифеста означало дальнейшее развитие института крепостничества и, по существу, возникновение новой политической реальности.

Манифест о вольности дворянства воплотил в жизнь важнейшие чаяния этого сословия, сформулированные в проекте елизаветинской Уложенной комиссии, оставив, впрочем, в стороне требования экономического характера. Столь же давно ожидаемым был и указ о секуляризации церковных земель, т. е. о передаче земельных владений монастырей вместе с жившими на них

монастырскими крестьянами в ведение государства. Эта мера также давно готовилась елизаветинскими министрами, и лишь нерешительность императрицы препятствовала ее реализации. Секуляризация означала еще один шаг в сторону подрыва могущества русской православной церкви, в превращении ее в один из государственных институтов, ибо отныне церковь лишалась основного источника доходов, позволявшего ей сохранять определенную независимость от государства. В свою очередь государство, нуждавшееся в средствах, получало новые и весьма значительные источники дохода.

Все три внутривластные реформы Петра III, безусловно, соответствовали основным тенденциям развития страны в русле модернизации и, казалось бы, должны были обеспечить императору популярность и поддержку. Но этого не случилось. Во-первых, было хорошо известно, что истинным автором реформ был не сам Петр, а его министры, готовившие эти реформы еще при Елизавете Петровне. Во-вторых, в проведении реформ Петр проявил большую поспешность, подписав три указа в течение трех дней, и было ясно, что никакой определенной политической программы у императора нет. Если в феврале 1762 года он внял разумным советам своих приближенных, то каковы будут его дальнейшие действия, предугадать было невозможно. Большое недовольство и раздражение вызывало отношение Петра к православию. Ходили слухи, что он намеревался вовсе отменить православные обряды, убрать из церквей иконы, заставить русских священников брить бороды и носить сюртуки вместо рясы.

Масла в огонь подлили и действия императора в военной и внешнеполитической сферах. Справедливо опасаясь расквартированных в Петербурге гвардейских полков, Петр первым делом ликвидировал лейб-компанию — привилегированную роту Преображенского полка, возведшую на престол Елизавету Петровну в 1741 году. Не откладывая дела в долгий ящик, новый император заключил сначала мир, а затем и союзный договор с Пруссией, возвратил ей все захваченные во время Семилетней войны земли и, облачившись в прусский военный мундир, принялся восхвалять достоинства прусской армии. Главной внешнеполитической целью Петра было отвоевать у Дании герцогство Шлезвиг, принадлежавшее его предкам по отцу. Почитая себя великим полководцем, он объявил Дании войну и собрался выступить в поход во главе

гвардейских полков, что вовсе не вызывало энтузиазма у гвардейцев, не желавших покидать петербургские квартиры ради бессмысленной и ненужной России войны, никак не связанной с ее национальными интересами. В этих обстоятельствах свержение Петра III было предрешено. 28 июня 1762 года произошел государственный переворот, возведший на российский престол жену Петра Екатерину Алексеевну, провозглашенную императрицей Екатериной II, а несколько дней спустя Петр погиб при загадочных обстоятельствах в Ропшинском дворце недалеко от Петербурга. По одной версии, его смерть была результатом несчастного случая, по другой — он стал жертвой охранявших его гвардейцев⁶.

Как и все предыдущие, переворот 1762 года, явившийся результатом тщательно подготовленного заговора и осуществленный Екатериной вновь при поддержке гвардейских полков, имел свои отличительные особенности. Как ни парадоксально, этот нелегитимный акт свидетельствовал о достижении русским обществом еще одной ступени в своем духовном развитии. Петр III был, по существу, политиком без обратной связи, нереалистичным и не опиравшимся на поддержку какой-то конкретной политической или социальной силы. По существу, это был самодур, деспот. В этом у него было немало сходства с дедом, Петром I, но лишь на первый взгляд, ибо у того поступки все же основывались на определенных идеях, а следовательно, были гораздо более мотивированны. Между тем он же, Петр Великий, создал и некую систему представлений об обязанностях государя (см. главу 3) перед подданными, о неких правилах поведения монарха на троне. Если в допетровское время для русского человека был важен сам факт царской власти, вне зависимости от того, кто занимал престол, лишь бы он был законным государем, то теперь одной законности власти становится недостаточно. На первый план выходит именно личность государя, его персональные качества. Самодур с немотивированными поступками в эту систему не вписывается. Иначе говоря, русское общество (естественно, его политически активная часть) «доросло» до неприятия самодурства.

Необходимо упомянуть и еще об одном. В последнее время появились работы, авторы которых усердно доказывают, что сложившийся в историографии образ Петра III искажен стараниями его жены и тенденциозными мемуаристами. Наиболее

серьезные работы по этому вопросу принадлежат российскому историку А.С. Мыльникову и американской исследовательнице Кэрол Леонард⁷. Однако, на мой взгляд, собранных ими данных все же недостаточно, чтобы пересмотреть сложившееся отношение к этой исторической личности. Нельзя вполне понятную симпатию к Петру-человеку переносить на Петра-императора. Россия XVIII века, к сожалению, не обладала правовыми механизмами, способными защитить страну и ее народ в случае, если у власти оказывался человек, не способный править. И единственным механизмом саморегуляции, срабатывавшим в такой ситуации, оказывался механизм государственного переворота.

2

Ни у кого из тех, кто когда-либо занимал российский престол, не было так мало законных прав на царский венец, как у Екатерины II. Сравниться с ней может разве что самозванец Лжедмитрий I, обманом занявший трон в начале XVII века, но он удержал его менее года и, проклятый людьми и церковью, погиб от руки убийцы. Царствование же Екатерины продолжалось почти 34 года и было одним из самых благополучных в истории России. Философ П.Я. Чаадаев, в 30-е годы XIX века объявленный императором Николаем I сумасшедшим за то, что посмел подвергнуть беспощадной критике историческое прошлое России и усомниться в ее будущем, полагал, что «излишне говорить о царствовании Екатерины II, носившем столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия»⁸. Подданные называли ее, немку, «матушкой» и присвоили ей титул «великой», а когда она умерла, то, по свидетельству П.А. Вяземского, «англинской министр при дворе Екатерины, присутствовавший ее похоронам, сказал: "On enterre la Russie"»⁹. Феномен Екатерины II — явление уникальное и одновременно характерное для России XVIII столетия. Именно ей суждено было завершить многие дела Петра I и одновременно явить образец новых принципов управления государством, во многом изменивших облик страны, взаимоотношения общества и власти.

13. Великая княгиня
Екатерина Алексеевна.
Сер. 1740-х гг.
Портрет Г. Гроота.

Она родилась 21 апреля 1729 года в Штеттине в семье принца Христиана Августа Ангальт-Цербстского и его супруги княгини Иоганны Елизаветы. При рождении девочка была наречена Софией Августой Фредерикой, а имя «Екатерина» получила в России в 1744 году при крещении в православие. Характер Екатерины, ее стремления, духовные запросы и потребности с самого начала были иными, чем у ее мужа. Она была умна, хитра, честолюбива, прекрасно понимала, что в лице Петра ей улыбнулось счастье, и готова была бороться за него всеми доступными способами. За 18 лет, прошедшие с ее приезда в Россию до восшествия на престол, она постаралась получше узнать страну, ее историю, традиции и обычаи. Впоследствии она сама признавалась, что использовала любой шанс, чтобы завоевать симпатии будущих подданных: была демонстративно набожна, не скупилась на подарки, не останавливалась перед откровенной лестью и в результате весьма преуспела в достижении своей цели.

Конечно, жизнь с нелюбимым мужем для молодой и привлекательной женщины была делом нелегким и стоит ли удивляться,

что уже в начале 50-х годов у нее появился сперва один, потом другой, а потом и третий любовник. За последующие десятилетия их сменилось еще несколько, что породило множество легенд, слухов и стало благодатной почвой для авторов исторических романов и киносценариев¹⁰. Однако в реальности Екатерина не была ни нимфоманкой, ни Мессалиной. Ее интимная жизнь в основном была скрыта от посторонних глаз, и если ее фавориты получали чины и награды, то лишь потому, что это была естественная для императрицы форма проявления к ним своей благосклонности. Реальная же власть оставалась в ее руках. Довольно рано Екатерина пристрастилась к чтению и вскоре от французских романов перешла к серьезным трудам по истории, юриспруденции, философии. Уже в середине 50-х годов на ее столе оказались сочинения Вольтера и других просветителей — тех, кто были в то время властителями дум образованных людей Европы. Впоследствии, уже заняв трон, она и сама занялась сочинительством. Ее перу принадлежат пьесы, статьи, сказки, мемуары, работы по истории и лингвистике. И это помимо разнообразной переписки, которую на протяжении многих лет она вела с многочисленными русскими и иностранными корреспондентами, а также работы над обширными законопроектами, лишь часть которых ей удалось реализовать. Среди русских царей и цариц Екатерина II выделяется своей образованностью, умом и духовными запросами, делавшими ее настоящим интеллектуалом на троне.

Увлекаясь «возвышенными» идеями, Екатерина не была чужда и вполне земным интересам. Одним из важнейших ее человеческих качеств, во многом определявших ее поведение, было властолюбие. Ради сохранения власти она готова была жертвовать любыми принципами и философскими идеями. При этом она была опытным царедворцем, хорошо разбиралась в людях, знала их психологию, умело использовала их достоинства и недостатки, умела угождать, нравиться. Многие мемуаристы отмечали, что Екатерина была прекрасной собеседницей, умела выслушивать и воспринимать чужие идеи, приспособлявая их для своих нужд. Императрица не была безразлична к лести, но важные посты при ней получали прежде всего те, кто обладал необходимыми знаниями и способностями, причем человека, по ее мнению полезного, она готова была терпеть рядом с собой сколь

угодно долго. С историей царствования Екатерины II связаны имена целой плеяды блестящих государственных деятелей, таких, как А.Г. Орлов, А.А. Вяземский, Н.И. Панин, А.Р. Воронцов, Г.А. Потемкин, А.А. Безбородко, И.И. Бецкой и др. В это время прославились своим военным искусством А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Ф.А. Ушаков, Г.А. Спиридов. Но и они все были прежде всего послушными слугами императрицы, никогда и ни с кем не делившей власти. Принципы подбора высших должностных лиц, которыми пользовалась Екатерина, вовсе не исключали придворных интриг, борьбы придворных группировок и прочих непеременимых атрибутов власти, и тем более власти самодержавной. Но роль их при дворе Екатерины была меньше, чем при ее предшественниках.

Постоянно занимаясь государственными делами, каждодневно решая множество мелких и крупных вопросов, увлекаясь сочинительством, чтением, перепиской, Екатерина была настоящей труженицей. Вот как она сама описывает свой рабочий день в письме к одному из корреспондентов в 1774 году: «Здоровье мое меня нисколько не тревожит, я встаю самое позднее в 6 часов и сижу до 11 в моем кабинете, куда ко мне приходит не тот, кто у меня в милости, но кому по его званию есть до меня дело, и часто приходят лица, которых я еле знаю по имени. Кто у меня в милости, тех я приучила уходить, если дело до их не касается. После обеда нет ничего, а вечером я вижу <с теми>, кому охота придти, и отправляюсь спать самое позднее в половине одиннадцатого»¹¹.

Итак, ко времени вступления на российский престол Екатерина была хорошо знакома с новейшими достижениями европейской философской, политической и экономической мысли, на основе которых у нее сложилось определенное представление о том, что необходимо делать для процветания государства. В соединении со знанием российской действительности эти представления сложились в ряд положений политической программы императрицы. Некоторые частные положения этой программы, а также тактика ее реализации со временем корректировались, но основные цели и положения оставались неизменными. Поскольку идейную основу этой программы, а следовательно, и внутренней политики этого времени составляли принципы Просвещения, то и сам этот период русской истории получил в литературе название «просвещенного абсолютизма».

Необходимо сразу же заметить, что сказанное в предыдущем абзаце не бесспорно. В своих оценках внутренней политики Екатерины историки делятся на несколько непримиримых лагерей. Так, многие полагают, что попытки либеральных реформ императрица предпринимала лишь в первые годы своего правления, перейдя затем к открыто продворянскому курсу. Другие отказываются признавать наличие двух периодов ее царствования и утверждают, что продворянской политики Екатерина последовательно придерживалась с самого начала и до конца. В советской исторической литературе широко распространено убеждение, что провозглашенные Екатериной идеалы невозможно совместить с крепостнической действительностью России второй половины XVIII века. Историки этого направления утверждают, что разговоры о просвещении и либеральная фразеология, которой пользовалась императрица, были лишь своего рода дымовой завесой, за которой лицемерная Екатерина скрывала свое тщеславие, властолюбие и на самом деле реакционные взгляды. Расхожим стало выражение А.С. Пушкина, назвавшего Екатерину «Тартюфом в юбке и короне». Со всем этим связан и вопрос о правомерности применения к ее царствованию понятия «просвещенный абсолютизм». Не случайно ряд западных авторов заменяют его «просвещенным деспотизмом». Поистине классическим стал вопрос: «Была ли Екатерина II просвещенным деспотом?»¹²

Последняя по времени попытка разобраться в этой проблеме принадлежит русскому историку О.А. Омельченко, который, подробнейшим образом изучив как осуществленные, так и нереализованные реформаторские замыслы Екатерины, пришел к выводу, что все стремления и упования «просвещенного абсолютизма» никоим образом не нарушали... общественных позиций дворянства, монархической государственности и феодальной бюрократии. Одновременно с этим цель политики «просвещенного абсолютизма», по Омельченко, была в том, чтобы «сформировать путем исключительно законодательной политики обновленный государственный и правовой строй, воплощавший бы идеал «законной монархии», где общественная стабильность основывалась бы на социальном консенсусе и политике государственного либерализма»¹³. Нетрудно заметить, что в приведенных словах немало противоречий, ведь «социальный консенсус» мог быть достигнут лишь путем взаимных уступок, в том числе со

стороны дворянства. Да и стоит ли укорять «просвещенный абсолютизм» за то, что он не боролся с абсолютизмом? Но еще важнее то, что в конечном счете термин «просвещенный абсолютизм» — это всего лишь один из многочисленных ярлычков, которые историки любят приклеивать к различным явлениям прошлого и которые, будучи однажды приклеенными, нередко заслоняют истинное содержание явления. А потому попробуем просто разобраться в фактах, проследив, какие именно идеи лежали в основе политики Екатерины и как она претворяла их в жизнь, а также что наиболее существенное произошло в России за 34 года ее царствования.

Основу теоретических воззрений императрицы составили идеи философов-рационалистов и просветителей (в первую очередь Монтескье) о регулярном государстве с сословным строем, основанном на фундаментальных законах, равно обязательных для подданных и для монарха. Эти воззрения наложились на представления императрицы о национальных интересах и нуждах России. Прежде всего Екатерина считала себя наследницей и продолжательницей дела Петра Великого, с которым всю жизнь как бы соревновалась в славе. Его главную заслугу Екатерина видела в европеизации России, в превращении ее в мощную империю с ведущей ролью в международных делах. Екатерина была убеждена, что сам успех петровских реформ — лучшее доказательство принадлежности России к европейской цивилизации. Вместе с тем к современной ей Европе императрица относилась достаточно критично и вовсе не считала необходимым заимствовать там все подряд. Более того, став с годами истинной патриоткой России, она была убеждена, что Европе следует во многом брать пример с России. Критично относилась Екатерина и к тем жестокости и поспешности, с которыми Петр I осуществлял свои преобразования. Для нее же одним из важнейших принципов был принцип постепенности. Вот что пишет об отношении Екатерины к наследию Петра Великого Н.В. Рязановский: «Пристальное внимание Екатерины к первому императору настроило ее на критический лад, который очевидно усиливался с годами... большая часть наблюдений были, без сомнения, ее собственными, основанными на постоянном обдумывании роли реформатора... Особенно озабоченная идеалом справедливого законодателя... Екатерина II с огорчением обна-

14. Императрица
Екатерина Великая

руживала недостатки Петра Великого. Его законы... восходили в основном к устаревшему и жестокому Уложению 1649, и ему не удалось сделать их более современными и гуманными. Фактически он стремился сделать акцент на наказании и править скорее при помощи страха, чем любви и согласия с подданными. Хотя просвещенная немецкая принцесса одобряла направление реформ реформатора России, его желание заменить старый мир новым, сам он, с ее точки зрения... слишком уж принадлежал к этому старому миру»¹⁴. Свои собственные «правила управления» Екатерина II сформулировала следующим образом:

«Пять предметов:

1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.
2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы.
3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.
4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.
5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни»¹⁵.

***

Вступив на престол, Екатерина с первых же месяцев пребывания у власти обозначила новые подходы к решению проблем. Она не бросилась сразу исполнять свои замыслы, а постаралась сперва поближе познакомиться с состоянием государственных дел. Для решения ряда насущных вопросов она создала ряд комиссий из высших сановников, которым было поручено, изучив соответствующие проблемы, представить императрице свои предложения. Тем самым Екатерина как бы давала возможность подданным решить эти проблемы по своему усмотрению. Однако решение некоторых из них откладывать было нельзя, и уже в первые годы царствования Екатерины II, которые в целом прошли в подготовке реформ, было осуществлено несколько важных преобразований. Первое из них коснулось центральных органов управления страной. Это была сенатская реформа 1763 года.

Как можно было заметить из содержания предшествующих глав, в течение всего послепетровского времени функции Сената постоянно менялись в связи с возникновением органов, ставившихся выше него по своей роли в принятии важнейших решений. В значительной мере это происходило из-за недостатков самого Сената в том виде, как он был создан Петром I. Его внук Петр III уничтожил елизаветинскую Конференцию при высочайшем дворе и создал свой Императорский совет, в свою очередь распущенный Екатериной. Правда, план подобного органа был предложен и ей, и она даже готова была подписать соответствующий указ. Причем на сей раз по предложению Н.И. Панина — одного из самых талантливых государственных деятелей екатерининской поры — речь шла о создании органа, чьи права были бы законодательно оформлены, и хотя они были бы меньше, чем у Верховного тайного совета по подписанным Анной Иоанновной «кондициям», однако и в этом случае должно было быть определенное ограничение абсолютной власти. Но Екатерина, увидев, что замысел Панина не пользуется широкой под-

держкой, отвергла его проект и лишь уже позже, в 1769 году, образовала совет, не имевший властных, а лишь совещательные функции. Необходимость же реорганизации Сената, по-видимому, была очевидной. Его указы исполнялись плохо, дела в нем самом решались месяцами, а то и годами, а сами сенаторы были малокомпетентны и даже, как выяснила Екатерина, посетившая несколько его заседаний, не знали, сколько городов существует в Российской империи. Утвержденный императрицей план реорганизации Сената, также подготовленный Паниным, предусматривал разделение Сената на шесть департаментов со строго определенными функциями каждого в определенной сфере государственного управления. Сенат лишился своей законодательной функции, но по-прежнему сохранял функции контроля и высшего судебного органа. Сочетание этих функций в одном учреждении было главным недостатком реформы, но на некоторое время центральный аппарат управления заработал четче и эффективнее.

Другая важная реформа первых лет царствования Екатерины II была также связана с наследием, доставшимся ей от Петра III. Взойдя на престол, она объявила об отмене секуляризации церковных земель, вызывавшей серьезное недовольство духовенства, однако сама проблема осталась, и уже в 1762 году императрица учредила специальную комиссию для ее решения. В течение полутора лет комиссия готовила новый вариант секуляризационной реформы, постепенно готовя к ней общество, и в феврале 1764 года Екатерина подписала соответствующий указ. Все монастырские земли с жившими на них крестьянами передавались в ведение специально учрежденной Коллегии экономии. Бывшие монастырские крестьяне стали теперь называться экономическими, а их правовое положение стало примерно таким же, как у государственных крестьян. Все подати они отныне должны были платить непосредственно государству, что было для них значительным облегчением. Около двух миллионов крестьян избавились от монастырской барщины, увеличились их земельные наделы, им стало легче заниматься ремеслом и торговлей. Значение этой реформы еще и в том, что в стране сократилось число собственников крепостных душ, сузилось само пространство крепостничества. Следует отметить, что, раздавая на протяжении всего царствования своим приближенным в качестве

награды земли с десятками тысяч крепостных душ, Екатерина не трогала экономических крестьян, а использовала новоприобретенные или выморочные земли.

Другое следствие секуляризационной реформы связано с положением Русской православной церкви. С этого времени государство само определяло необходимое стране число монастырей и монахов в них, ибо содержало их на средства из государственной казны. Духовенство окончательно превращалось в одну из групп чиновничества, а правительство получило еще большую возможность вмешиваться в духовную жизнь подданных. Показательно, что, осуществляя свои замыслы по созданию в России сословного общества, Екатерина никогда не пыталась сделать полноценным сословием и духовенство.

Третье преобразование первых лет царствования Екатерины II, имевшее столь же долговременное значение для судеб страны и ее народов, также касалось системы управления. Екатерина полагала нетерпимым положение, при котором различные регионы страны традиционно сохраняли особенности управления, восходившие к временам, когда эти территории еще не входили в состав империи. Она была убеждена, что вся страна должна управляться по единым законам и принципам. В особенности нетерпимым, с ее точки зрения, было положение на Украине, сохранение статуса автономии которой мешало в полной мере использовать ее колониальную зависимость от России. Так, в частности, украинские крестьяне сохраняли право на свободный переход от одного помещика к другому, что затрудняло для России получение с них податей в полном объеме. В начале 1764 года в инструкции князю А.А. Вяземскому при назначении его генерал-прокурором Сената Екатерина II писала: «Малая Россия (т. е. Украина. — А. К.), Лифляндия и Финляндия — суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями, нарушить оные все вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на том же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостью. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу... когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб навек и имя гетманов исчезло»¹⁶.

Осенью 1764 года Екатерина приняла отставку последнего украинского гетмана графа К.Г. Разумовского и назначила на Украину генерал-губернатора графа П.А. Румянцева. В течение последующих десятилетий были постепенно ликвидированы остатки былой казачьей «вольницы», особенности административно-территориального деления, городские свободы. В мае 1783 года последовал указ об окончательном запрете крестьянских переходов, что означало утверждение на Украине крепостнических порядков. Политика, направленная на унификацию управления страной, последовательно проводилась и в последующие годы, способствовала формированию Российской империи как унитарного государства, что, по-видимому, послужило одной из причин ее долголетия.

Для характеристики национальной политики Екатерины II необходимо упомянуть еще об одном ее нововведении. Речь идет о приглашении в Россию немецких колонистов. В отличие от предшествующих десятилетий, это была не просто еще одна группа иностранных специалистов. Во-первых, Екатерина была хорошо знакома с широко распространенными идеями о государственной пользе увеличения населения, и, как отмечает английский историк Р. Бартлетт, «ее царствование было фактически первым в истории России, когда проявилась систематическая забота о народонаселении»¹⁷. Во-вторых, она пригласила приехать в Россию простых крестьян, причем не на время, а навсегда. Основной целью при этом было освоение территорий Нижнего Поволжья и Приуралья, а впоследствии Крыма и Северного Кавказа. Характерно, что Екатерина не опасалась, будто пример свободных немецких крестьян может оказаться вредным для русских крепостных. Уже в середине 60-х годов XVIII века в Россию прибыло более 30 тысяч переселенцев, которым были предоставлены кредиты на обзаведение, большие земельные наделы и налоговые льготы, свобода вероисповедания.

Что касается вероисповедания, то надо заметить, что, хотя сама Екатерина всегда была подчеркнута набожна и всячески демонстрировала свою приверженность православию, в отношении других религий она, в отличие от Елизаветы Петровны, проявляла веротерпимость, которая распространялась не только на христиан — русских старообрядцев, католиков, протестантов, но и на мусульман. По-видимому, у нее не было и предубеждения

против евреев. Когда во второй половине ее царствования в составе империи оказалось довольно значительное еврейское население, на первых порах оно пользовалось такими же правами, как и другие народы. Однако давление со стороны православного духовенства и русского купечества, опасавшегося конкуренции с еврейскими торговцами, заставило Екатерину в 1791 году установить печально знаменитую черту оседлости, ограничивавшую право евреев селиться на определенных территориях страны, жить в столицах, учиться в высших учебных заведениях и пр.

Результаты деятельности образованных Екатериной в начале 60-х годов комиссий, по всей видимости, не удовлетворили императрицу, поскольку она убедилась, что их члены заботятся в основном о своих узкословных интересах, хотя она и изучила подробно материалы этих комиссий и впоследствии использовала их в своей законотворческой работе. Но на этом этапе ей пришла мысль расширить состав тех, кому была поручена судьба реформ, путем создания законодательной комиссии из представителей различных социальных групп и регионов страны. Это новое учреждение получило старое название Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, или Уложенной комиссии. Она должна была состоять из выборных депутатов, которые к тому же должны были привезти с собой указы своих избирателей. Сама Екатерина также не собиралась отказываться от роли просвещенной законодательницы. Для депутатов комиссии она написала собственный Наказ, в котором изложила свои представления о содержании и характере законов, которые необходимо было разработать.

К работе над Наказом императрица приступила в самом начале 1765 года, постаравшись соединить в нем основные идеи Монтескье и других ведущих философов-просветителей и правоведов того времени. Закончив работу над Наказом, Екатерина должна была показать его лицам из своего ближайшего окружения, от которых во многом зависело равновесие ее трона. В результате Наказ подвергся цензуре и из него были выхолощены некоторые наиболее смелые суждения. Сохранившиеся документы позволяют утверждать, что камнем преткновения был вопрос о крепостном праве, которое императрица считала экономически вредным и противоречащим принципам гуманности и справедливости. По существу, Екатерина была первой из русских монархов,

кто стал задумываться над возможностями избавления от этого величайшего порока российского социального устройства.

Опубликованный в июле 1767 года Наказ начинался рассуждениями о необходимом характере законов, который должен соответствовать историческим особенностям того народа, для которого они создаются. Особенностью русского народа, утверждала Екатерина, является то, что это народ европейский. При этом для такой большой страны, как Россия, необходим самодержавный образ правления, ибо всякий другой был бы для нее губителен. Цель самодержавия — благо всех подданных. Самодержавный государь правит в соответствии с законами, за соблюдением которых следит Сенат. Все граждане равны перед законом, и свобода граждан состоит в том, что они могут делать все, что разрешено законом. Законы должны охватывать все сферы жизни государства, и поэтому специальные главы Наказа посвящены торговле, народонаселению, воспитанию детей. Торговля и производство, основанные на частной собственности, являются непременным условием благополучия государства. Зависит оно и от правильного воспитания граждан — воспитания в духе законов и нравственных идеалов христианства.

В качестве одной из важнейших задач Уложенной комиссии выдвигалась разработка законов об отдельных сословиях. Поэтому специальные главы Наказа посвящены дворянству и «среднему роду людей» (так Екатерина называла третье сословие). При этом императрица сознавала, что дворянство в России уже существует и ему лишь остается дать необходимые законы, в то время как третье сословие этими законами и нужно создавать. Главы о крестьянстве в Наказе не было, и неизвестно, была ли она изначально.

Большой раздел документа, основанный на идеях итальянского юриста Ч. Беккариа, был посвящен преступлению, следствию, суду и наказанию. Законы, утверждала Екатерина, создаются не для устрашения, а для воспитания граждан. И наказание, каким бы оно ни было, не должно быть направлено на то, чтобы мучить преступника, но должно вызывать у него стыд и раскаяние, ибо наказание — это прежде всего бесчестье. Тем более наказание должно быть строго соразмерно преступлению, ибо иначе теряется его смысл. Прежде чем судить человека, необходимо тщательно расследовать преступление, причем обвиняемый обязательно должен иметь право на защиту. Только суд может признать

15. Вырезание ноздрей и клеймение преступников в XVIII в.

человека виновным, и только с момента приговора его можно считать преступником. Во время следствия недопустима пытка, нет нужды и в смертной казни. Такого наказания заслуживают лишь преступники, угрожающие самим основам существования государства, его спокойствию и благополучию. Государство же, живущее в условиях внутренней и внешней стабильности, может защитить себя, и не лишая своих граждан жизни*.

Таково основное содержание Наказа — одного из важнейших документов екатерининского царствования. Многие авторы, писавшие о нем, сетовали на то, что его положения, как им казалось, остались лишь декларацией, не воплощенной в жизнь. Надо, однако, принять во внимание, что Наказ был всего лишь инструкцией для депутатов Уложенной комиссии, и это им поручалось выработать законы, основанные на сформулированных императрицей принципах, и воплотить их в жизнь. Но немаловажное значение имело и само распространение Наказа, да еще от имени самой императрицы. Напечатанный на русском и ряде европейских языков Наказ свободно продавался и был досту-

* Обратим внимание на эту оговорку. В отличие от Елизаветы Екатерина не считала необходимым вовсе отменять смертную казнь, и уже в 1764 году состоялась первая публичная казнь, когда поручик В.Я. Мирович попытался освободить из Шлиссельбургской крепости несчастного Ивана Антоновича. Принц был убит своими стражами, действовавшими согласно полученной ими инструкции, а Мирович схвачен, предан суду и казнен.

пен каждому. Показательно, что он стал популярен в ряде европейских стран, а во Франции времен Людовика XV был даже запрещен к распространению, как сочинение слишком революционное.

Наказ был написан простым, доступным языком, а изложенные в нем истины довольно банальны. Однако большинство из них были совершенно новыми для русских людей XVIII века. Чрезвычайно важна была сформулированная в Наказе и не известная русскому праву презумпция невиновности, упоминание о частной собственности как основе для развития эффективной экономики. Весьма показательно и то значение, какое уделяется в Наказе проблеме формирования сословий, которое выдвигается как одна из основных целей намечаемых реформ. По-видимому, императрица еще в полной мере не осознавала, что решение этой проблемы тесно связано с другой — с крепостничеством, а если и осознавала, то обольщалась относительно степени «просвещенности» своих подданных. Важно, однако, подчеркнуть, что Екатерина верно угадала самую болезненную проблему русской политической системы, без решения которой дальнейшая модернизация страны пробуксовывала. При этом очевидно, что ее не удовлетворял ни проект «О состоянии подданных вообще» елизаветинской комиссии, ни проект дворянских прав, созданный специальной комиссией о правах дворянства в 1763 году. Возвышение одного сословия за счет других явно не входило в ее задачу.

В литературе можно встретить утверждение, что вся затея с Уложенной комиссией была для Екатерины не больше чем фарс и она никогда не надеялась на результаты ее работы. Документы свидетельствуют об обратном. Императрица действительно верила, что комиссия сумеет разработать систему законов, которые она собиралась увенчать новым законом о престолонаследии, устанавливавшимся по нисходящей мужской линии. В проекте закона она отмечала, что «первой, начальной закон сего самодержавного владычества должен по существу своему быть дан и начертан императорской нашей рукой — то есть неколебленность престола и твердость в наследстве онаго»¹⁸. Но надеждам императрицы не суждено было сбыться, и ей предстояло написать собственноручно еще не один закон.

Комиссия начала свои заседания в Москве в июле 1767 года. По сути дела, это был первый опыт учреждения парламентского

типа в России, состоявшего из 572 депутатов, избранных от дворян, горожан, казаков, черносошных крестьян и нерусских народов Поволжья и Сибири. Им предстояло выработать новые законы, и этим ограничивались их функции, значительно более узкие, чем у европейских парламентариев. Но поскольку законы должны были касаться практически всех сфер жизни, то депутаты получили возможность открыто высказаться по самым актуальным вопросам. В результате на заседаниях комиссии развернулись острые дискуссии о правах дворянства и купечества и их взаимоотношениях, о положении крестьянства, о торговле и заведении фабрик, о судопроизводстве. Для непосредственной разработки законопроектов по отдельным проблемам были образованы так называемые частные комиссии.

Уже вскоре после начала заседаний Уложенной комиссии выяснилось, что ее депутаты плохо подготовлены к законодательной деятельности. Сказывался низкий уровень образования большинства из них, отсутствие политической культуры, парламентского опыта, юридических знаний. Но главное, депутаты в своей массе оказались весьма консервативны. Их волновали прежде всего узкосословные и групповые интересы. Дворяне больше всего опасались проникновения в свои ряды представителей других социальных групп и не желали слышать не только об отмене, но даже об ослаблении крепостного права. Горожане, наоборот, стремились получить некоторые из дворянских привилегий, и прежде всего возможность покупать крепостных крестьян, чтобы использовать их труд на своих фабриках*. Дворяне Прибалтики требовали сохранения особого статуса, а украинские шляхтичи, напротив, хотели сравняться в правах с русскими дворянами. Сложившаяся в комиссии ситуация была весьма своеобразна. Истины екатерининского Наказа были даны депутатам сверху, подкреплены авторитетом императорской власти и уже потому не подлежали обсуждению. В тех же вопросах, которые дебатировались, влияние Наказа практически не ощущалось, хотя депутатам и предписывалось ежемесячно его перечитывать. Казалось, отвлеченные истины Наказа совсем не соприкасались с реальностями российской жизни. Немаловажно было, конечно, и то,

---

* Еще Петром III в 1762 году покупка крестьян к заводам без земли недворянами была запрещена.

что депутаты были, по сути, лишены права принимать решения. Они могли лишь одобрить или отвергнуть тот или иной предложенный им законопроект, но их разработка затягивалась, и единственный проект, представленный депутатам, был проект закона о дворянстве, но и тот оказался сырым и был отправлен на доработку в частную комиссию. Время шло, месяц проходил за месяцем, а дискуссии в Уложенной комиссии так и не приносили никаких плодов. В декабре 1768 года, сославшись на начало русско-турецкой войны, разочарованная императрица подписала указ о приостановке деятельности комиссии. Частные комиссии продолжали работать еще в течение ряда лет, превратившись, по сути, в обычные государственные учреждения, и их материалами, как и в целом итогами деятельности комиссии, Екатерина пользовалась впоследствии при создании новых законов*.

Так закончился первый этап екатерининских реформ, характерной особенностью которого было стремление императрицы осуществить преобразования совместно с представителями различных социальных групп. Важнейшим выводом, сделанным Екатериной, был вывод о глубоком консерватизме широких слоев ее подданных, а следовательно, и о невозможности слишком радикальных реформ. Одновременно императрица познакомилась с их сокровенными чаяниями и отныне должна была согласовывать с ними свои действия. Эти выводы решающим образом сказались на тактике и темпах дальнейших преобразований. На выработку новой тактики ушло несколько лет, наполненных серьезными внешне- и внутривнутриполитическими потрясениями.

[Первая половина 70-х годов была самой тревожной за все время царствования Екатерины II. Сперва страну потрясло известие о чумном бунте в Москве в 1771 году, а затем восстание под предводительством Е.И. Пугачева 1773 — 1774 годов. Эпидемия чумы, вспыхнувшая в Москве, была, по-видимому, занесена с фронта военных действий русско-турецкой войны.] Во время

* В литературе имеются различные суждения о причинах роспуска комиссии. Так, большинство советских историков полагали, что Екатерина распустила комиссию, убоявшись слишком смелых речей депутатов. Оригинальную точку зрения высказал недавно О.А. Омельченко, считающий, что комиссия попросту выполнила свои задачи. Со всем этим трудно согласиться. Взгляды самой императрицы были значительно более радикальными, чем у большинства депутатов, а свою задачу — разработку законодательства — комиссия не выполнила.

пика эпидемии в городе умирало до девятисот человек в день. Закрылись лавки, фабрики, государственные учреждения, сотни людей оказались без средств к существованию и заполняли городские улицы. Лечить чуму в то время еще не умели, и карантинные меры, принимавшиеся врачами, были направлены в основном на борьбу с распространением болезни. При этом в карантинные дома нередко попадали здоровые люди, которые там заражались и умирали. Все это вызывало раздражение населения, недоверие к властям и подозрительное отношение к врачам. Центром притяжения москвичей стала в эти дни укрепленная на Варварских воротах в Китай-городе икона Богородицы, которая, по поверью, обладала целительной силой. Около иконы постоянно стояла толпа молящихся, и, прикладываясь к иконе, люди заражали друг друга. Московский градоначальник П.И. Еропкин и архиепископ московский Амвросий Зертис-Каменский решили убрать икону, чтобы не распространять заразу. Это и послужило поводом к бунту. Избыв посланцев митрополита, вооруженная чем попало толпа бросилась в Кремль, где в Чудовом монастыре находилась его резиденция. Самого Амвросия не нашли, но монастырь разграбили. На следующий день толпа ворвалась в другой московский монастырь — Донской, где скрывался архиепископ, и растерзала его. Бунт продолжался в общей сложности три дня, пока Еропкин, собрав небольшую команду солдат и офицеров, не разогнал бунтовщиков картечью. После недолгого следствия четверо самых активных участников событий были повешены, а еще около двухсот человек наказаны кнутом, розгами и плетью. Следствие показало, что бунт начался в целом без какой-либо подготовки, а цели его участников носили сиюминутный характер: восставшие требовали закрытия карантинных домов, погребения умерших, прекращения работы врачей. Однако сам факт восстания явился свидетельством глубокого недоверия масс к представителям власти, проявившегося с особой остротой из-за экстремальности ситуации.

Гораздо более серьезным и масштабным было восстание под предводительством Пугачева — самое крупное социальное потрясение XVIII века. От подобных восстаний предшествующего времени его отличает массовость, большая организованность, более четко выраженные цели. Вместе с тем, так же как и во время подобных событий начала и середины XVII века, зачинщиками

и главными действующими лицами восстания были казаки. Их основной целью было уничтожить дворянство, с тем чтобы занять его место в государстве. В истории русского казачества это была последняя попытка подобного рода. Наряду с казаками в восстании приняли участие и другие группы населения, каждая из которых преследовала собственные цели. В первую очередь это, конечно, крестьяне, боровшиеся против крепостного ига, затем представители нерусских народов Поволжья, борьба которых носила национально-освободительный характер, и, наконец, часть заводских рабочих Урала, чьи чаяния практически не отличались от крестьянских. Участниками восстания были и сосланные на Урал поляки. При столь разноплановых целях можно не сомневаться, что в случае победы восставших конфликт в их собственном лагере был бы неминуем. Провозгласив себя чудом спасшимся от руки убийц императором Петром III, донской казак Емельян Пугачев подписывал указы, составленные на манер царских, жаловал своих приближенных дворянскими титулами и создавал органы управления, подобные существовавшим в России того времени. Для привлечения на свою сторону масс крестьянства

16. Пугачев. С картины В. Перова

он не задумываясь жаловал их волей и землями, но вполне очевидно, что, придя к власти, мог бы воссоздать только существующую систему, ибо никакой иной просто не знал. Однако два мотива в документах Пугачева заставляют думать, что государственное устройство, как он его представлял, могло быть еще более архаичным, чем в екатерининской России. Во-первых, в документах прослеживается влияние старообрядцев: Пугачев обещает держаться старой веры, запретить брить бороды и заставить носить русское платье. Во-вторых, он обещает «черни» казачьи «вольности», т. е. военизированную форму организации населения с архаичными формами демократии. Таким образом, в целом представления и устремления восставших были весьма консервативны. Вместе с тем очевидно, что призывы Пугачева, его лозунги попадали на благодатную почву — они содержали как раз то, чего ждали крестьяне от доброго «царя-батюшки». Но при этом бросается в глаза и очевидное противоречие между обещаниями вольности и свободы, с одной стороны, и содержащимися в манифестах призывами оставаться верноподданными рабами — с другой. Следует отметить, что вплоть до екатерининского времени, согласно упоминавшемуся указу Петра I, в обращениях на царское имя все подданные, независимо от социального положения, именовали себя рабами. Воспитанной на сочинениях просветителей Екатерине слово «раб» было противно, и она запретила его употребление.

В соответствии с массовостью и масштабами восстания оно сопровождалось обильным кровопролитием и проявлениями варварства и вандализма. Жертвами восставших стали тысячи дворян, чиновников, священников, горожан, простых солдат, не пожелавших подчиниться самозванцу. В сражениях восставших с регулярными армейскими частями погибло не менее 10 тысяч человек, а по другим данным — даже вдвое больше. Примерно вчетверо большее число людей было ранено и искалечено. Занимая города и селения, восставшие грабили и разоряли церкви и монастыри, уничтожали иконы и церковную утварь, убивали монахов и священников. После поражения восстания его участники подверглись массовым репрессиям. Многие пугачевцы были биты кнутом, прогнаны сквозь строй, у иных вырвали ноздри, многих клеймили каленым железом, сослали на каторгу. Наиболее видные лидеры восстания были казнены.

Даже краткий обзор событий Пугачевщины поражает воображение масштабами восстания, вовлеченностью в него всех социальных слоев населения, а также той легкостью, с какой восставшим удавалось захватывать значительные территории страны и привлекать на свою сторону массы населения. Восстание началось на реке Яик в сентябре 1773 года, а уже в октябре трехтысячное войско Пугачева осаждало Оренбург. Посланный на выручку городу отряд был разбит, и часть его перешла на сторону восставших. Оставив у Оренбурга часть своей армии, Пугачев отправился на завоевание Яицкого городка, однако и тут довести дело до конца не сумел: город был взят, но крепость продолжала сопротивляться. Одновременно в январе 1774 года пугачевские полковники Зарубин-Чика и Грязнов осаждали Уфу и Челябинск, а предводитель башкир Салават Юлаев пытался взять Кунгур. В марте к району боевых действий подошли регулярные войска, и 22 марта под Татищевой крепостью восставшие были разбиты. В последующие дни другие отряды восставших потерпели поражение под Чесноковой и Екатеринбургом. С отрядом в 500 человек Пугачев ушел на Урал, где вновь собрал армию в несколько тысяч человек. 8 мая 1774 года он двинулся в новый поход и за десять дней сумел захватить несколько крепостей, но уже 21 мая его главные силы были разбиты под Троицкой крепостью. Сжигая все на своем пути, Пугачев двинулся на север, к Красноуфимску, а затем на Осу. 21 июня крепость сдалась, открыв восставшим дорогу к Казани. Взяв по пути Воткинский и Ижевский заводы, Елабугу, Сарапул, Мензелинск и другие города и крепости, в первых числах июля Пугачев подошел к Казани. 12—13 июля город был захвачен, но крепость продолжала обороняться. На помощь осажденным подошли регулярные войска под командованием полковника И.И. Михельсона, и 15 июля армия Пугачева была вновь разбита.

Остатки главной армии восставших переправились через Волгу. И вновь отряд из 300—400 человек за несколько недель превратился в многотысячную армию. Фактически Пугачеву была открыта дорога на Москву, причем перед ним лежали крестьянские районы, на поддержку которых он мог, несомненно, рассчитывать. Однако тут сказались отношение казацкого вождя к крестьянству: идти с ним на Москву он не решился и повернул на юг, на Дон, надеясь на поддержку донских казаков. 23 июля

Пугачев захватил Алатырь и двинулся к Саранску. 27 июля под колокольный звон он въехал в город, но уже 30 июля вынужден был покинуть его, узнав о приближении регулярных войск. 2 августа пугачевцы овладели Пензой, а 6-го подошли к Саратову, где уже на следующий день жители присягали «императору Петру III». Три дня спустя Пугачев покинул Саратов и, одержав несколько мелких побед над армейскими частями, калмыками и казаками, 21 августа подошел к Царицыну. Переговоры с охранявшими город донскими казаками успеха не принесли, и началось сражение, во время которого стало известно о приближении Михельсона. Пугачев отступил, но 25 августа у Сальникова завода был настигнут и окончательно разбит. Вскоре он был схвачен собственными сторонниками и выдан правительственным войскам.

3

Восстание Пугачева, наведшее ужас на дворянскую Россию, имело важные последствия для определения дальнейшей внутренней политики Екатерины II. Прежде всего императрица убедилась в глубоком консерватизме и низших слоев населения империи. Во-вторых, стало ясно, что при всех издержках лишь дворянство могло быть истинной опорой трона. Наконец, в-третьих, восстание наглядно продемонстрировало глубокий кризис общества и, следовательно, невозможность и далее откладывать реформы, которые следовало проводить постепенно, шаг за шагом, путем медленной каждодневной работы. Уже в 1775 году появились первые ее плоды в виде одного из наиболее значительных законодательных актов екатерининского царствования. Это были «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи».

Опубликование и введение «Учреждений» в действие ознаменовало начало губернской реформы, основное содержание которой было связано с реорганизацией системы местного управления. Необходимость подобной реформы диктовалась самой логикой развития Российского государства. Эта логика требовала создания строго централизованной и унифицированной системы, при которой каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель находились бы под неусыпным контролем правительства. Эти требования нужно было увязать с сослов-

ными интересами, выраженными в Уложенной комиссии. При этом Екатерина не забывала и о своих планах создания третьего сословия.

В ходе губернской реформы было введено новое административно-территориальное деление, по которому страна делилась на 25 губерний, которые позднее были вновь разукрупнены, и к концу царствования Екатерины их стало 41. Иными словами, взяв за основу петровскую систему, законодательница уточнила и усовершенствовала ее, идя по пути дальнейшей централизации власти при видимости ее рассредоточения. Новые губернии представляли собой территории с населением в 300—400 тысяч человек, которые делились на уезды с населением в 20—30 тысяч человек. Никакие национально-исторические или экономические особенности регионов при этом не учитывались. Исполнительную власть в губернии возглавлял губернатор или генерал-губернатор, при котором создавалось специальное учреждение — губернское правление. В уезде главой исполнительной власти был городничий, при котором была воеводская канцелярия. Для управления городами создавались губернские магистраты, а в самих городах — городовые магистраты во главе с бургомистрами.

Губернская реформа отделила судебные органы от органов исполнительной власти, сделав шаг вперед в реализации принципа разделения властей. Более того, впервые в русской судебной практике уголовное судопроизводство было отделено от гражданского. Вместе с тем в организации суда сохранялся и сословный принцип, т. е. лица, принадлежавшие к разным сословиям, судились в разных судах, где судьями были представители тех же сословий. Разделение властей также было неполным, ибо губернатору было оставлено право вмешиваться в деятельность суда. Ему вменялось в обязанность бороться с судебной волокитой и даже разрешалось приостанавливать судебные решения. Совершенно новым для России был так называемый совестный суд — всесословный орган, сочетавший функции суда по мало-значительным гражданским делам и прокуратуры. Совестьный суд, заимствованный Екатериной из английской судебной системы, должен был примирять спорящих и прекращать споры и распри. Недостатки судебной реформы 1775 года в значительной мере объяснялись отсутствием в России этого времени профессиональных юристов, неразвитостью права и правовой мысли.

«Учреждениями» 1775 года на местах создавались приказы общественного призрения — первые в России учреждения со специально социальными функциями. Они должны были следить за созданием народных школ, сиротских домов, больниц, приютов для бедных и т.д. При этом с характерной для законодательства XVIII века дотошностью законом предписывалось, чему и как учить детей, как содержать больничные и школьные помещения, как кормить и содержать больных.

Ряд должностей в новых органах управления «Учреждения» передавали в руки выборных представителей местного дворянства. Таким образом, с одной стороны, государству удавалось заместить должности, которые в ином случае могли бы остаться вакантными, а с другой — выполнялись пожелания дворянства о передаче им власти на местах. Однако на практике самостоятельность местных органов была мнимой, а дворянин, избранный на должность в местном учреждении, вновь превращался в простого государственного чиновника, получающего жалование от государства. Уже эта небольшая деталь опровергает утверждение некоторых историков о сугубо продворянском характере губернской реформы 1775 года. Понятно, что в реальных условиях России того времени нельзя было ожидать появления законодательного акта, который бы шел вразрез с интересами дворянства, но очевидно, что Екатерина менее всего заботилась об удовлетворении интересов того или иного сословия, но радела об интересах государства в целом, как она их понимала.

«Учреждения» 1775 года были сложным, многоаспектным и противоречивым документом, ибо разнообразны и противоречивы были затронутые им стороны жизни общества и государственного управления, но в целом они оставались в рамках той политической программы, которую Екатерина II наметила в самом начале своего царствования. В русле этой программы находились и ее мероприятия в экономической области. Императрица отлично сознала, что мощная индустрия и процветающая торговля — неперемное условие успешного осуществления любого замысла и внутри страны, и вне ее. В основе развития промышленности и торговли, считала она, должен лежать принцип свободного предпринимательства, основанного на частной собственности. Развитие и внедрение этого принципа в российскую жизнь проводилось постепенно. Уже в 1760-е годы были ликви-

дированы монополии в некоторых отраслях, а крупные заводы, в последние годы елизаветинского царствования попавшие в результате щедрости Медного банка в частные руки, вновь перешли к государству. Это была ошибка, ибо достаточных средств для развития тяжелой промышленности у государства не было, и результатом этой меры было еще большее отставание России от ведущих европейских стран. Вместе с тем упростился порядок организации новых предприятий, их регистрации и т.д. В 1775 году были введены льготы для купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдий, а одновременно увеличен имущественный ценз для записи в них, т. е. право на запись в купеческую гильдию получали лишь наиболее богатые, те, кто был в состоянии «объявить» определенный капитал. По мысли законодательницы, это должно было стимулировать предпринимателей к более активной деятельности. В том же году было введено право открывать промышленные предприятия без какого-либо специального разрешения правительственных органов. В 1780 году специальным указом была закреплена частная собственность на владение фабриками и заводами. Все эти меры в целом благотворно сказались на развитии промышленности, в особенности легкой — шелкоткацкой, суконной, кожаной, галантерейной и др. Несколько иначе обстояло дело

17. Вид Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге при Екатерине II

в тяжелой промышленности. Хотя на Урале и строились новые металлургические заводы, запускались новые домны, темпы развития этой отрасли были слишком низкими, оборот капиталов слишком медленным. Помимо отмеченного выше, важнейшая причина отставания была связана с тем, что на металлургических заводах Урала использовался главным образом труд крепостных или так называемых приписных крестьян, который был малопродуктивен.

Ряд мероприятий правительства Екатерины II способствовал развитию российской внешней торговли. Были отменены монополии отдельных торговых компаний, с зарубежными странами заключались конвенции об охране торгового мореходства, в их морских портах открывались российские консульства. В числе экспортируемых Россией товаров все большее место стали занимать продукты промышленного производства — чугун, сукна, парусное полотно. В 1763 году был отменен запрет на продажу за границу хлеба, что впоследствии сделало Россию одним из основных поставщиков зерна на мировые рынки. Наряду с этим экспортировались и традиционные для России лес, меха, пенька. Все это было или просто сырьем, или полуфабрикатами, в то время как в Россию ввозились предметы непосредственно используемые человеком — вина, мебель, ювелирные изделия, посуда, ткани, предметы искусства и пр. Именно в это время, как считают некоторые историки, Россия становится европейским поставщиком сырья.

Существенные изменения произошли в екатерининское время в финансовой политике страны. Государство по-прежнему постоянно нуждалось в деньгах и придумывало различные способы добыть их. Сперва правительство пошло по уже испытанному пути, переплавляя серебряные и медные деньги, чеканя из них монеты с более низким содержанием драгоценных металлов. Но в 1769 году в России впервые стали печатать бумажные деньги — ассигнации. Их распространение на первых порах было нелегким: население с трудом соглашалось принимать бумажные деньги вместо «настоящих», а государство печатало так много ассигнаций, что их стоимость падала и излишние деньги приходилось сжигать. Продолжало развиваться и банковское дело, хотя оно по-прежнему находилось полностью в руках государства. В 1769 году были открыты дворянский и коммерчес-

кий банки. Последний выдавал ссуды купечеству. С 1770 года банки стали принимать деньги на хранение. В 1772 году в стране открылись и первые ссудные и сохранные кассы краткосрочного кредита. Наконец, в 1786 году на базе ранее существовавших банков был создан единый Государственный заемный банк. Возможность получения кредитов благотворно сказывалась на развитии торговли и предпринимательской деятельности. Первые кредиты получило в царствование Екатерины II и само государство. В 1769 году правительство взяло заем в Амстердаме, а на следующий год еще один в Генуе. На погашение внешних займов шло до 5% государственного бюджета, что было в то время обычным явлением. Таким же обычным явлением был и дефицит бюджета, причем, несмотря на все нововведения, дефицит был постоянным и все время увеличивался.

Гораздо меньше изменений произошло в это время в сельском хозяйстве. Развитие здесь носило в основном экстенсивный характер, т. е., как и раньше, шло за счет освоения новых территорий, но сельскохозяйственная техника, методы хозяйствования, а следовательно, и производительность труда оставались практически неизменными. Правда, в это время появляются и первые энтузиасты научного земледелия. Правительство способствовало развитию подобных идей. В 1765 году было создано Вольное экономическое общество, задачей которого было распространение научных знаний в области хозяйствования, и прежде всего агрономии. Издававшиеся обществом «Труды» были не менее популярны у читающей публики, чем сочинения французских просветителей. Все это, однако, к серьезным сдвигам в сельском хозяйстве не вело, да и не могло привести, пока в основе сельскохозяйственного производства лежал труд крепостных.

В целом, несмотря на все сложности и недостатки, российская экономика второй половины XVIII века развивалась вполне успешно. Правительственные указы, направленные на стимулирование производства и торговли на принципах свободного предпринимательства, как бы открыли последние шлюзы, дав возможность до конца использовать потенциал крепостнического государства. Однако этого потенциала могло хватить лишь ненадолго, на пути нормального развития страны непреодолимой преградой стояло крепостничество. Каково же

было отношение императрицы к крепостному праву и что происходило в этой сфере во время ее царствования?

В своих мемуарах Екатерина высказалась по этому поводу вполне однозначно: «Предрасположение к деспотизму... прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какой жестокостью их родители обращаются со своими слугами, ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления. Едва посмеешь сказать, что они такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями; чего я только не выстрадала от такого безрассудного и жестокого общества, когда в комиссии для составления нового Уложения стали обсуждать некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету, и когда невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать, ибо слишком высоко оценивала тех, которые меня ежедневно окружали, стали догадываться, что эти вопросы могут привести к некоторому улучшению в настоящем положении земледельцев...»¹⁹ В другом документе, написанном рукой императрицы, читаем: «Великий двигатель земледелия — свобода и собственность. Когда каждый крестьянин будет уверен, что то, что принадлежит ему, не принадлежит другому, он будет улучшать это. Государственные налоги ему не тяжелы, ввиду того, что они очень умеренны, и если государство вовсе не нуждается в увеличении доходов, земледельцы могут располагаться, как им удобно, лишь бы они имели свободу и собственность»²⁰.

Екатерина была недалеко от истины, когда говорила, что ее могут побить камнями при малейшей попытке поднять вопрос об отмене крепостного права. В защите своей главной привилегии, составлявшей основу его экономического благосостояния, дворянство было готово идти до конца, и императрица могла легко лишиться короны. Однако не следует думать, что взгляды Екатерины II носили однозначно антикрепостнический характер. Отрицание крепостничества, как явления антигуманного, противоречащего основным принципам Просвещения и вредного с экономической точки зрения, соединялось у нее с убеждением, с одной стороны, о духовной неразвитости народа и не-

обходимости его просвещать, а с другой — о довольно в целом благостных взаимоотношениях крестьян и их хозяев. Подобный взгляд был характерен не только для императрицы, но и для многих просвещенных людей этого времени.

Как уже сказано, бороться с крепостниками открыто Екатерина не могла, хотя определенные планы в отношении крестьянства, как мы увидим, у нее были. Между тем само крепостничество, как и в предшествующее царствование, не могло, естественно, оставаться неизменным и продолжало развиваться. Образ жизни дворянства, как провинциального, так и столичного, ориентированный на западноевропейские образцы, требовал все больше денег, получить которые можно было только от крестьян, и их повинности по отношению к помещикам в течение XVIII века выросли в 12 раз. В этом же направлении развивалось и законодательство о крепостном праве. В царствование Екатерины II появилось два поистине одиозных указа, знаменовавших собой как бы пик его развития. В первую очередь это указ 17 января 1765 года, по которому помещикам разрешалось отдавать провинившихся крестьян в каторжные работы. У указа была довольно длинная предыстория, восходящая еще ко временам Петра I, когда было велено отправлять на каторгу злостных неплательщиков налогов. Между тем помещики выражали желание отдавать и крестьян, повинных в других проступках. Адмиралтейство предложило пойти им навстречу и запросило разрешение Сената, предлагая даже платить помещикам за каждого крестьянина по рублю в месяц. Сенат решил удовлетворить просьбу Адмиралтейства, но лишь отчасти, здраво рассудив, что если платить помещикам за их крестьян-каторжников, то те станут посылать на каторгу и ни в чем не повинных. Использование каторжников для работы на галерах было чрезвычайно выгодно государству, и, таким образом, основные причины принятия указа были чисто экономическими.

Второй указ, о котором идет речь, появился на свет 22 августа 1767 года и содержал запрещение крестьянам подавать жалобы на помещиков непосредственно в руки государя. Этот указ не был особой новацией Екатерины и лишь повторял норму, существовавшую еще с XVII века. Его появление было реакцией императрицы на 600 крестьянских челобитных, поданных ей во время ее путешествия по Волге весной 1767 года. Действительно, даже Екатерина при всей ее необычайной трудоспособности

не была в состоянии самолично разобрать все эти жалобы. Указ предписывал подавать жалобы в те учреждения, которым полагалось заниматься их разбором, однако, как правило, добиться правды в этих учреждениях было сложно. Характерно в этом отношении дело знаменитой Салтычихи — московской барыни-садистки, в течение ряда лет издевавшейся над своими дворовыми людьми и убившей несколько человек. Все жалобы на нее не имели результата, поскольку богатая помещица легко подкупала чиновников. Когда же наконец делу был дан ход, Екатерина повелела лишить Салтыкову дворянского достоинства, имущества и посадить в яму в одном из московских монастырей. Впрочем, Салтычиха была, очевидно, психически больным человеком. Нормальный и разумный помещик конечно же не стал бы просто так убивать своих слуг, хотя бы потому, что они составляли основу его благосостояния.

Характеристика экономического положения страны и проблемы крепостного права дает возможность лучше понять существо законодательной деятельности Екатерины II, которая столь активно продолжалась во второй половине 70-х — в 80-е годы XVIII века, что историки назвали этот период жизни императрицы временем законотворения. Через семь лет после начала губернской реформы, в 1782 году, императрица издала «Устав благочиния, или полицейский», развивавший идею петровского регулярного государства. Основное содержание документа связано с внутригородским управлением, которое организовывалось по типу губернского. Город делился на части из 200—700 дворов, а части на кварталы из 50—100 дворов. В каждой городской части имелся частный пристав, а в квартале — кварталный надзиратель. Над всеми ними — городская управа благочиния, осуществлявшая контроль за торговлей, поимку беглых, починку дорог, улиц, мостов, борьбу с азартными играми, строительство в городе бань, разгон не разрешенных законом обществ и сборищ и другие административные и полицейские функции. Особое внимание Устав уделял вопросам вероисповедания. С одной стороны, провозглашалась религиозная веротерпимость, с другой — новый закон твердо стоял на защите православия, запрещая православным переход в другое вероисповедание, а также какую-либо пропаганду против православия. Специально оговаривались правила поведения в церкви. В состав Устава благочиния было вклю-

чено «зерцало управы благочиния» — своего рода моральный кодекс и рядового гражданина, и следящего за соблюдением закона полицейского. Сами по себе истины Устава мало чем отличались от тех, что русские люди XVIII столетия привыкли слышать с церковного амвона, однако, попав в закон, они обретали юридическую силу. При этом «зерцало» носило подчеркнуто внеклассовый характер, заповеди имели всеобщую направленность. Причем каждое запрещение Устава предусматривало и определенное наказание в случае его нарушения*.

Покончив с организацией системы управления, Екатерина приступила к реализации главного своего замысла — создания законодательства о сословиях. 21 апреля 1785 года в день своего рождения она издала в свет сразу два обширных документа, которые в исторической литературе принято именовать Жалованными грамотами дворянству и городам. Первый из этих документов вобрал в себя фактически все, чего на протяжении столетия добивалось дворянство, завершив длительный процесс законодательного оформления его прав и привилегий. Отныне «на вечные времена и непоколебимо» устанавливалось, что дворянин может быть лишен дворянского достоинства только по решению суда и за такие преступления, как измена, разбой, воровство, нарушение клятвы и т.д. При этом судить дворянина могут лишь его собратья-дворяне. Дворянина нельзя подвергнуть телесному наказанию, не лишив его предварительно дворянского достоинства. Грамота подтверждала дарованное Манифестом о вольности дворянства 1762 года право дворян служить или не служить по своему выбору и наниматься на службу в иностранных государствах. Впрочем, в случае необходимости по первому зову государя дворянин должен был служить отечеству, не жалея ни сил, ни самой жизни. Подтверждались и все права дворян на наследственные и приобретаемые имения, причем первые из них не подлежали конфискации даже у самых закоренелых преступников, а должны были передаваться их наследникам. То есть имения окончательно становились частной, неотчуждаемой собственностью дворян. Специальная статья грамоты разрешала им

---

* Как показал историк В. Григорьев, текст «Зерцала управы благочиния» восходит к французскому сочинению «Traite de la police» Де Ла Мара (Григорьев В. Зерцало управы благочиния // Русский исторический журнал. 1917. №3—4).

заводить в своих имениях фабрики и заводы. Помещичьи дома освобождались от постоя войск, а сами дворяне — от всех видов податей. В губерниях создавались губернские дворянские собрания, в обязанность которым вменялось ведение дворянской губернской родословной книги, в которую были бы записаны все местные помещики.

Оговоренные грамотой 1785 года сословные привилегии дворянства окончательно отделили его от всех прочих слоев общества, поддерживая его господствующее положение. Ускорился процесс складывания самосознания дворян, представления о дворянской чести. В памяти российских дворян Екатерина осталась истинной благодетельницей и защитницей. Все это создало представление о екатерининской эпохе как о «золотом веке» русского дворянства. Однако было бы неверным думать, что, работая над грамотой, Екатерина II забыла об интересах государства и своих просветительских принципах. Во-первых, само название грамоты, с одной стороны, подчеркивало вечный характер документа, но, с другой, — и зависимость дворянства от монаршей воли. Дворянин, вовсе никогда не состоявший на государственной службе, лишался права голоса в дворянском собрании и не мог быть избран на выборную должность. В целом грамота не вводила для дворянства каких-то новых привилегий, а лишь суммировала и закрепляла те, что уже существовали прежде. Более того, в грамоте ничего не говорилось о праве дворян владеть крепостными душами. Тем самым вопрос о крепостном праве как бы оставлялся императрицей открытым.

Совершенно иной характер носила Жалованная грамота городам. Прежде всего характерно, что адресована она была не сословию, а именно городам и рассматривала не только личные и сословные права городского населения, но и вопросы организации и деятельности купеческих гильдий, ремесленных цехов и органов городского самоуправления. Столь многоаспектный характер документа был связан прежде всего опять же с неразвитостью третьего сословия. Первая глава Жалованной грамоты городам посвящена застройке города, его населению, школам и пр. Вторая посвящена непосредственно жителям — «городовым обывателям» или мещанам. Структура прав и привилегий, которыми они наделялись, близка к дворянской. Так же как дворяне губернии образуют губернское дворянское собрание, мещане создают град-

ское общество, также ведущее городскую обывательскую книгу, подобную родословной дворянской. Мещане — это особое сословие, и звание их наследственное, как и дворянское. Лишают своего звания мещане за те же преступления, что дворяне дворянского, причем решение об этом также выносится сословным мещанским судом. Купцы 1-й и 2-й гильдии освобождаются от телесных наказаний. Грамота подтверждает право каждого свободно заниматься предпринимательской деятельностью и создает особые привилегии для гильдейского купечества. Все оно освобождалось от подушной подати и рекрутской повинности. Однако объем прав зависел от принадлежности к той или иной гильдии, а следовательно, от материального достатка купца. Так, например, купцы 1-й гильдии могли ездить в карете, запряженной парой лошадей, купцы 2-й гильдии — только в коляске, а 3-й — лишь на телеге с одной лошастью. Особую категорию городских жителей составляли «именитые граждане», имевшие право запрягать в свои кареты даже четверку лошадей. Именитые граждане в третьем поколении имели право претендовать на получение дворянства. Все жители города формировали новые органы городского самоуправления — городскую думу, возглавляемую городским головой. Городская дума должна была следить за порядком в городе, соблюдением правил торговли и ее состоянием и пр. Помимо купеческих гильдий грамота предусматривала создание ремесленных цехов, наподобие средневековых западноевропейских. При этом досконально расписывался порядок их работы, взаимоотношения их членов и т. д. Екатерина сознавала, что в Европе этого времени цехи давно устарели и лишь тормозили развитие экономики, однако Россия, по ее мнению, еще не достигла аналогичной стадии развития, и здесь цехи должны были, наоборот, стимулировать развитие.

Таково основное содержание двух жалованных грамот 1785 года, но понятно, что завершить реализацию своей программы по созданию в России сословий Екатерина не могла, не затронув самое многочисленное сословие — крестьян. Документы свидетельствуют, что Жалованная грамота была приготовлена и для них, однако она не увидела свет. Адресована грамота была не всем крестьянам, а лишь государственным, которые именовались в ней «свободными сельскими жителями» и наделялись правами, сходными с правами крестьян и горожан. Согласно проекту грамоты

в деревнях должны были появиться новые органы управления — сельский старшина, староста и «управительских дел горница», сходная по функциям с губернским дворянским собранием и градским обществом. Как и другие сословия, крестьяне делились на шесть категорий, причем первые две освобождались от телесных наказаний.

Рассматривая все три грамоты вместе, американский историк Дэвид Гриффитс пришел к выводу, что в совокупности они образуют «конституцию в том значении, как это понятие понималось в предреволюционное время» и которое «объединяет принципы, постоянно действующие законы и институты, обеспечивающие структуру упорядоченного управления, вне зависимости от формы правления, будь то монархия, аристократия, республика или их соединение». Гриффитс отмечает, что «при целостном рассмотрении грамот, как только их и следует рассматривать, обнаруживается целостная политическая программа, отражающая ясное и системное видение императрицей формы, которую должно было обрести общество»²¹.

Однако, как уже сказано, третья грамота так и не была издана. Причины этому ясны: сопротивление дворянства, которое Екатерина была не в состоянии преодолеть. В этих условиях императрица реализовала поставленную ею цель в той мере, в какой это вообще было возможно без опасения вызвать серьезные социальные потрясения, и с этой точки зрения ее реформы нужно признать удавшимися. Именно с екатерининского времени, по мнению историков, можно говорить о появлении в России полноценных сословий. Но сама императрица и после 1785 года продолжала работать над законодательством и, как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, не оставила идеи создания сословного строя в полном объеме. Так, она намеревалась учредить особый орган с функциями верховного суда, состоящий из выборных представителей трех сословий — дворянства, мещан и крестьянства. Сохранились также ее разработки в области семейного, имущественного, уголовного права. На 1797 год была намечена новая реформа Сената. Среди проектов можно встретить и размышления о путях ликвидации крепостного права. Так, в одной из записок читаем: «...вот удобный способ: поставить, что как только отныне кто-нибудь будет продавать землю, все крепостные будут объявлены свободными с момента покупки ее

новым владельцем, а в течение сотни лет все и по крайней мере большая часть земель меняют хозяев, и вот народ свободен»²².

Как видим, Екатерина не надеялась на скорое освобождение крестьян, да и вообще считала «резкий переворот» вредным. По другим сведениям, она готовила указ, по которому все дети крепостных, родившиеся после 1785 года, объявлялись свободными. Так или иначе очевидно, что реализация задуманной Екатериной полномасштабной программы реформ, которая могла бы создать в России основу для гражданского общества, столкнулась с тем важнейшим противоречием итогов петровских преобразований, преодолеть которое в тех условиях без социальных потрясений было невозможно. Императрица верно угадала предел, до которого можно было продвигаться без опасения вызвать такие потрясения, и остановилась, сделав тем самым свои реформы едва ли не самыми удачными в русской истории.

Реформы Екатерины II касались не только сферы внутреннего управления, сословной организации и экономики. Одним из важнейших их направлений было образование. Будучи прилежной ученицей философов-просветителей, Екатерина понимала, что успех любых социальных преобразований зависит от уровня просвещенности народа, от его способности воспринимать новое. Было очевидно, что недостаточно лишь дать человеку определенный набор знаний, но необходимо изменить его психологию, ценностные ориентиры, нравственные основы личности. Среди комиссий, созданных Екатериной уже в 1763 году, была и комиссия о народном образовании, однако судьба разработанного ею проекта была такой же, как и большинства других комиссий этого времени. Главным проводником политики Екатерины в области образования стал И.И. Бецкой, сам получивший неплохое образование за границей. Уже в 1763 году он был назначен директором Сухопутного шляхетного корпуса и президентом Академии художеств, а в 1764-м императрица утвердила разработанное им «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества», в основе которого лежала популярная тогда идея «воспитания новой породы людей». По замыслу автора, следовало создать сеть училищ, где бы, изолированные от дурного влияния общества, воспитывались бы дети в возрасте от 5—6 до 18—20 лет. Училища должны были быть сословными, причем особо оговаривалось образование разночинцев, т. е. выходцев из низших сословий.

В соответствии с замыслом Бецкого уже в 1764 году было открыто училище при Академии художеств и создано Общество двухсот благородных девиц в Петербурге. На следующий год при обществе было открыто отделение для мещанских девиц. Позднее была осуществлена реформа шляхетских корпусов, открыты воспитательные дома для сирот в Москве и Петербурге, коммерческое училище. Для всех новых учебных заведений Бецкой разработал специальные уставы, в которых просветительские идеи в области педагогики воплотились в обязательные нормы. Запрещалось бить и бранить детей, и предлагалось способствовать развитию их природных качеств и склонностей, вызывать у них интерес к учебе лаской и уговорами. Уставы периодически переиздавались, чтобы способствовать широкому распространению заложенных в них идей.

Общество двухсот благородных девиц в Петербурге — Смольный институт — было первым в России женским учебным заведением и пользовалось особым покровительством Бецкого и самой императрицы. Екатерина часто бывала в институте и даже переписывалась с некоторыми из воспитанниц. Особый статус имели воспитательные дома, содержавшиеся на пожертвования. Само поощрение подобных денежных вкладов и пример, поданный в этом отношении императрицей, должны были способствовать созданию в обществе новой атмосферы, иных принципов во взаимоотношениях людей. В это время зарождается российская благотворительность, позднее внесшая существенный вклад в развитие русской культуры и образования.

К концу 70-х годов стало, однако, ясно, что система Бецкого не дает ожидаемых результатов. Изолировать воспитанников от окружающей жизни было невозможно, хотя бы потому, что учили их люди, выросшие в иных условиях. К тому же созданные училища еще не образовывали системы народного образования. В 1782 году Екатерина создала Комиссию об учреждении училищ, в составе которой работал специально выписанный из Австрии известный педагог Ф.И. Янкович де Мириево. Комиссия разработала план создания двухклассных училищ в уездах и четырехклассных в губернских городах. В них должны были преподавать математику, историю, географию, физику, архитектуру, русский и иностранный языки. Специально для этих училищ Бецкой и Екатерина написали книгу «О должностях человека и гражданина». В ней содержались понятия о душе и добродетели, об обязанностях по отношению к

Богу и обществу, государству и ближним, сведения по гигиене, советы по домоводству. Фактически книга представляла собой популярное изложение идей просветителей. В последующие годы были изданы ряд пособий для учителей, уставы, инструкции, учебники. В результате в России впервые возникла единообразная система учебных заведений, с единой методикой преподавания и организации учебного процесса, основанного на классно-урочной системе. Народные училища были бессловными, но то, что существовали они лишь в городах, практически закрывало доступ в них крестьянских детей. В этом основной недостаток реформы, но справедливости ради надо заметить, что создать в это время сеть школ и в деревне правительству было просто не под силу, хотя бы потому, что в стране не было достаточного количества учителей. Но и то, что удалось сделать, и по масштабу, и по своему долговременному значению было поистине грандиозно.

Пример императрицы, увлекавшейся чтением и сочинительством, благотворно сказался на развитии русской культуры этого времени. Это был тот короткий период, когда еще существовал своего рода союз государства и культуры, когда культура остро нуждалась в поддержке государства. Проникновение государства в жизнь общества еще не стало всеобъемлющим, а культура еще не окрепла, не завоевала в обществе самостоятельного места, не ощутила своей самоценности. Идеология «просвещенного абсолютизма» признавала свободу слова, мысли, самовыражения, и самодержавие еще не видело в них опасности для себя. В екатерининское время шло формирование той культурной среды, которая существовала затем в России вплоть до революции 1917 года, и немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что императрица возвела эту задачу в ранг государственной политики.

Эпоха Екатерины II — это время расцвета русской архитектуры, живописи, музыки, литературы, театра. В это время жили и творили архитекторы Р. Никитин, Ю. Фельтен, Ж. Валлен-Деламот, И. Старов, В. Баженов, художники А. Антропов, И. Аргунов, Ф. Рокотов, Д. Левицкий, В. Боровиковский, А. Лосенко, композиторы Д. Бортнянский, Е. Фомин, В. Пашкевич, писатели, поэты и драматурги А. Сумароков, М. Херасков, Д. Фонвизин, Г. Державин, Я. Княжнин и др. Екатерина внимательно следила за всеми литературными новинками, поощряла их авторов, участвовала в создании проектов застройки новых и перестройки старых городов,

коллекционировала живопись и своим собранием положила начало петербургскому Эрмитажу. Особая заслуга принадлежит императрице в развитии русской журналистики, расцвет которой пришелся на 60—70-е годы XVIII века.

В 1769 году императрица основала сатирический журнал «Всякая всячина», официальным редактором которого был ее статс-секретарь Г.В. Козицкий. Екатерине журнал был необходим, чтобы высказать свою точку зрения на общественно значимые проблемы. В журнале она опубликовала несколько статей, в которых в иносказательной форме объяснила причины неудачи Уложенной комиссии. Другая тема журнала — обличение и осмеяние разнообразных пороков. Это породило оживленную полемику о том, какой должна быть сатира — должна ли она бороться с абстрактными пороками или конкретными их носителями. Основным оппонентом императрицы стал литератор Н.И. Новиков, также издававший в эти годы ряд сатирических журналов. В литературе, посвященной полемике Екатерины с Новиковым, можно встретить утверждения о том, что она носила идеологический характер и повлекла за собой цензурные преследования Новикова. Документы не подтверждают этих утверждений, и на самом деле разница в их взглядах была в то время еще незначительной. При этом сама по себе открытая полемика в печати государыни с одним из ее подданных была беспрецедентна и не имеет аналогов в русской истории. Печать, литература еще не были достаточно сильны, чтобы у государства возникла нужда защищаться от них, да и авторы были еще не так смелы. Цензурные запреты касались лишь произведений печати, считавшихся еретическими, безбожными или безнравственными. Вместе с тем развитие культуры и науки находилось в русле формирования русского национального самосознания, сопровождавшегося ростом интереса к историческому прошлому России, размышлениями о месте русского народа в мировой истории. Показательно, что уже в сатирических журналах Новикова печатались едкие сатиры на слепое подражание французской моде.

В это время продолжалось складывание и основных течений русской общественной и политической мысли. Откровенно оптимистический взгляд на русскую историю, проповедовавшийся Екатериной, неминуемо должен был вступить в конфликт с иными взглядами. Одна из таких точек зрения была

18. Н. И. Новиков.

С портрета В. Л. Боровиковского

выражена князем М.М. Щербатовым, государственным деятелем и историком, автором многотомной «Истории Российской» и ряда публицистических произведений. Будучи депутатом Уложенной комиссии, Щербатов фактически возглавил там аристократическую оппозицию и наиболее последовательно отстаивал интересы дворянства. Свое отношение к окружавшей его действительности наиболее откровенно он выразил в памфлете «О повреждении нравов в России», который впервые был опубликован лишь в середине XIX века в русской эмигрантской печати. Для Щербатова XVIII век — это время всеобщего падения нравов, которому он противопоставляет идеалы доретровской Руси. По сути, Щербатов был предтечей славянофилов (одного из основных течений русской общественной мысли XIX века), так же, как они, широко и европейски образован, так же лишен национальной гордыни, презрения к другим народам, и так же, как они, он сокрушался по утрате морально-нравственных ценностей Московской Руси, выражая, по сути, консервативную точку зрения.

Другое направление русской общественной мысли этого времени связано с масонством. Проникновение масонских идей в

Россию относится к рубежу XVII — XVIII веков, однако его расцвет пришелся на середину века, когда масонами стали виднейшие государственные деятели — братья Чернышovy, братья Панины, Р.И. Воронцов и др. По некоторым данным, масонские собрания проходили у Петра III в Ораниенбауме в бытность его великим князем, а позднее одним из главных масонов стал любимец Екатерины, ее статс-секретарь, литератор и историк И.П. Елагин. Масонами были также поэты Сумароков, Херасков, Майков, Попов и Державин, архитектор В.И. Баженов, актер И. Дмитриевский и др. Через увлечение масонством прошли в молодости М.М. Щербатов и А.Н. Радищев. Масоны провозглашали освобождение от всех сословных и национальных рамок, построение общества свободных людей путем самоочищения и самосовершенствования. Для думающего русского человека XVIII века масонство представлялось альтернативой между идеологией официальной государственности и столь же неприемлемым слепым копированием французской или прусской культуры. Казалось, что в масонстве русский человек, уже оторвавшийся от национальной почвы, сознающий эту оторванность и страдающий от нее, нашел некий «третий путь». Практическая деятельность масонов в России этого времени неотделима от чисто просветительской.

В 70-е годы XVIII века и в русском, и в европейском масонстве наступает новый этап, связанный с разочарованием в идеях просветителей. Основу духовных поисков масонов начинает составлять мистическое познание. Появляется вера в некую мистическую тайну мироздания, которая поможет совершить то, что не удалось при помощи разума. В таком обличье, да еще с таинственными обрядами масонство выглядело привлекательным и манящим. Но теперь оно стало опасным с точки зрения властей, ведь речь шла чуть ли не о новой идеологии с религиозным оттенком. Екатерина II сперва относилась к масонству с презрением, как к дурачеству и легкомыслию. Однако позднее она стала ощущать в нем опасную попытку создать альтернативу, в которой ей самой, а иначе говоря, самодержавной власти, не было места. В одном из писем императрицы 80-х годов читаем: «...за долг почитаю вернолюбезного народа остерегать от прельщения выдуманного в не наших пределах под наказанием <от> разного рода масонских лож и... других мистических ересей, точно клонящихся к разрушению христианского православия и всякого благостного правления и на

месте оного вводящего неустройство под видом незбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства»²³.

Своего рода примером для острастки остальных стала судьба Новикова, который в течение многих лет в арендованной им с конца 70-х годов типографии Московского университета помимо книг просветительского характера напечатал и немало чисто масонских изданий, распространение которых в России было запрещено. Масонская деятельность Новикова давно тревожила императрицу, и в 1792 году, когда на его складах были обнаружены сотни экземпляров запрещенных масонских сочинений, издатель был арестован и предан суду. Вряд ли наказание было бы особенно суровым, если бы во время следствия не выяснилось, что масоны и сам Новиков, имевшие тесные связи с зарубежными масонами, в частности в Пруссии, пытались установить контакт с наследником престола великим князем Павлом Петровичем. Все, что касалось постороннего влияния на ее сына, Екатерина воспринимала крайне болезненно и очень серьезно. В результате Новиков на долгие годы был заключен в Шлиссельбургскую крепость.

Еще одно направление русской общественной мысли этого времени представлено именем А.Н. Радищева. Как принято считать, с него началось формирование в России революционной идеологии. Получив образование за границей, Радищев был поклонником идей просветителей, но в его преломлении эти идеи приобрели радикальный, нигилистический характер, приведя его к решительному неприятию существовавших в стране порядков, и прежде всего крепостничества. Подобное критическое отношение к действительности, основанное на идеях Просвещения, развивалось и в Европе, но там носителем революционной идеологии стала буржуазия, боровшаяся за свои права. Различия в историческом развитии и положении России и Европы еще не были осознаны Радищевым и его сторонниками, не проявил еще себя в достаточной мере и негативный опыт Французской революции. Казалось, что революционный переворот в состоянии решить все проблемы общества и принести народу истинную свободу. Эти идеи и были выражены Радищевым в его «Путешествии из Петербурга в Москву», вышедшем в 1790 году.

На полях книги Радищева Екатерина написала: «Бунтовщик, хуже Пугачева». Что же так возмутило императрицу? По-видимому,

все же не критика крепостного права, а именно бунт против начальства, против ее власти. Автор «Путешествия» доказывал, что дела в государстве обстоят плохо, что народ ее живет много хуже, чем она полагала. Но Екатерина была убеждена, что это ложь, клевета и, как бы ни было плохо крепостное право само по себе, ее подданные просто не могут быть несчастливы. Реакция императрицы, приведшая к конфискации тиража книги и ссылке автора, как кажется, понятна и естественна. Спустя несколько десятилетий А.С. Пушкин писал по этому поводу: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидерота и Реняля, но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко всему...»²⁴.

Однако, как бы ни относиться к сочинениям и деятельности Новикова и Радищева, следует иметь в виду, что, по сути, они стали первыми жертвами борьбы с инакомыслием. Их судьбы означали, что союзу государства и культуры пришел конец и наступило противостояние.

Завершая обзор важнейших событий и явлений внутренней жизни России при Екатерине II, надо отметить, что в целом это была эпоха внутриполитической стабильности, не означавшей при этом застоя. Это было время осуществления важной государственной реформы, активного законотворчества, затронувшего едва ли не все стороны жизни государства и общества и имевшего по большей части долговременное значение. Осуществить намеченную программу в полной мере Екатерине не удалось в силу и объективных причин, и многих субъективных факторов, связанных и с личностью самой законодательницы, и многих ее сподвижников. Однако в целом она была, несомненно, одним из самых удачливых русских реформаторов, а ее реформы носили созидательный, а не разрушительный характер: государство становилось богаче, а жизнь подданных зажиточнее. История екатерининских реформ преподносит своего рода урок постепенного реформирования общества без резких потрясений. Вполне очевидно и то, что основное содержание реформ Екатерины свя-

зано с продолжением модернизации, причем на сей раз речь шла не только о внешней европеизации политических институтов, но и о создании иной социальной структуры общества — той, которая при определенных условиях могла развиваться в гражданское общество. Одновременно укреплялось и Российское государство, империя, росло политическое значение бюрократии и полицейского аппарата. Конфликт общества и государства был, по существу, неизбежен, но в центре него оказывалось крепостничество, которое делало неизбежной победу государственного начала над общественным.

Эпоха Екатерины была и временем духовного расцвета, формирования национального самосознания, складывания в обществе понятий чести и достоинства. Это было время развития свободной мысли, поощрения литературы и искусств. Но при этом было бы неверно думать, что время Екатерины — это некий «золотой век» русской истории. За фасадом благополучия скрывались и ужасы крепостничества, и фаворитизм, и процветавшее взяточничество. Негативные тенденции в особенности усилились в последние годы царствования Екатерины, когда самообольщение от успехов, как кажется, взяло у нее верх над трезвым взглядом на положение дел в стране. Как писал В. Ключевский, «империя последних лет царствования представляла по закону, по общему впечатлению стройное и величественное здание, а вблизи — хаос, неурядицу, картину с размашистыми и небрежными мазками, рассчитанными на дальнего зрителя», но «общее настроение сглаживало эти неровности»²⁵.

Весьма примечателен, как уже сказано, екатерининский опыт осуществления внутривластных преобразований, доказывающий принципиальную возможность успешных реформ в России. Приведу в заключение отрывок из письма бывшего статс-секретаря Екатерины В.С. Попова императору Александру I, в котором он рассказывает о своем разговоре с императрицей и в котором сама Екатерина как бы делится с потомками своим опытом: «Я говорил с удивлением о том слепом повиновении, с которым воля ее повсюду была исполняема, и о том усердии и ревности, с которым все старались ей угождать. «Это не так легко, как ты думаешь, — изволила она сказать. — Во-первых, повеления мои, конечно, не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению. Ты сам знаешь, с какой осмотрительностью,

с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведываю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперед я уверена о общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не приноровлено к обычаям, ко мнению народному и когда в оном последовала бы я одной моей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты обманываешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне угодное. Напротив того, это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому сообразно с заслугами, с достоинствами, с склонностями и с привычками и, поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели, чтоб все тебе угодили. Напрасно будешь сего ожидать и будешь огорчаться, но я себе сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы всё без изъятия по-моему делалось. Может быть, сначала и трудно было себя к тому приучать, но теперь с удовольствием я чувствую, что не имея прихотей, капризов и вспыльчивости, не могу я быть в тягость и беседа моя всем нравится²⁶.

ГЛАВА 7

Империя наступает

Посмотрим теперь, как воплотила Екатерина в жизнь заветы Петра Великого во внешней политике, что прежде всего означало продолжать линию на укрепление и расширение империи за счет новых завоеваний. И с этой точки зрения Екатерина была достойной продолжательницей дела великого преобразователя.

Как мы видели, в частности на примере Украины, имперский взгляд изменил отношение ко вновь присоединенным народам и территориям. С созданием империи они теряли статус автономий и становились ее провинциями. Начавшись при Петре I, этот процесс вновь возродился и получил развитие при Екатерине II. Именно в это время имперская идея и сопутствующее ей имперское сознание, в основе которого лежала убежденность в праве России — наследницы Византии — распоряжаться судьбами других народов, расцвели как никогда ранее. Проявления национализма, наметившиеся в царствование Анны Иоанновны и получившие толчок при Елизавете, теперь складываются во вполне законченную идеологию, впрочем, не приобретающую еще черт ксенофобии и не мешавшую распространению западноевропейского культурного влияния, будь то немецкая мистическая философия или французская мода. Национализм с имперской идеей в основе, порожденный спецификой исторического развития России в XVIII столетии, не был, однако, уникальным явлением и совпал по времени появления с зарождением национализма, почвенничества как течений общественной мысли и в Западной Европе. Сама императрица, как уже говорилось, стала со временем отчаянной русской патриоткой. Она не без основания гордилась тем, что ей, иностранке, удалось стать русской императрицей, и

писала, что для иностранцев Россия является «пробным камнем их достоинств»: «Тот, кто успевал в России, мог быть уверен в успехе во всей Европе... Нигде, как в России, нет таких мастеров подмечать слабости, смешные стороны или недостатки иностранца; можно быть уверенным, что ему ничего не спустят, потому что, естественно, всякий русский в глубине души не любит ни одного иностранца»¹. В конце жизни Екатерина высказывалась еще более резко: «Было время, в которой приказано было все заимствовать у датчан, потом у голанцов, потом у шведов, потом у немцов, но узкие кафтаны таковых тел малых не были впору колосу нашему и долженствовали исчезнуть, что и збылось»².

Екатерина по праву гордилась экономическим потенциалом, численностью населения и размерами территории оказавшейся под ее скипетром страны, импонировала ей и роль наследницы византийских императоров. Веря в особую историческую миссию русского народа, она полагала необходимым реализовывать эту миссию на внешнеполитической арене. Немалую роль играло и тщеславие императрицы, мечтавшей видеть себя не только в роли великой законодательницы и реформатора, но и в блеске лучей военной славы. К тому же успех во внешней политике был в то время чрезвычайно престижен для царствующей особы, укреплял авторитет среди подданных, а следовательно, и сам трон.

Из сказанного ясно, что мотивов активной внешней политики, которая в практике международных отношений XVIII века могла осуществляться лишь за счет других народов, было немало. Подобные мотивы в значительной степени определяли внешнюю политику и других европейских государств. Однако политические, экономические и географические условия России сделали эту ее политику во второй половине XVIII века наиболее успешной. Немаловажно, что к этому времени такие крупнейшие европейские державы, как Англия, Франция, Голландия, Испания, уже в значительной степени израсходовали свой завоевательный пыл на приобретение заморских колоний, а некоторые, как Англия, именно в царствование Екатерины II даже уже начали их терять. Но Россия развернула свою активность не где-то за океаном, а в непосредственной близости к границам и сферам интересов других европейских стран. Появление в Европе такого мощного конкурента не могло не волновать соседей по континенту.

К сказанному следует добавить, что в отношении к внешней политике в мире в целом появились в это время некоторые новые черты. Распространение идей Просвещения и принятие рядом европейских монархов на вооружение теории просвещенного абсолютизма означало, что, по крайней мере на словах, они должны были заявить о своей приверженности миру как условию процветания государства. В систему общепризнанных ценностей наряду с военным искусством попадает в это время и искусство дипломатии, умение добиваться поставленных целей мирными средствами. Развиваются и усложняются понятия и нормы международного права. Начинают задумываться над общественным мнением, которое судит поступки государей и государств с точки зрения «естественной справедливости».

***

Международное положение Российской империи в момент вступления на престол Екатерины II было далеко не простым. Дипломатические успехи предшествующего царствования, подкрепленные отвагой русских солдат на полях сражений Семилетней войны, были фактически сведены на нет импульсивным Петром III. Старая внешнеполитическая доктрина была разрушена, а новая никуда не годилась. Нелегким было и финансовое положение: уставшая армия восемь месяцев не получала жалованья. Однако и другие страны в результате войны были ослаблены не меньше и им также предстояло заново определять направления своей внешней политики. Иными словами, у Екатерины была редкая возможность почти без оглядки на прошлое заново выработать свой собственный внешнеполитический курс. При этом у России по сравнению с другими странами были определенные преимущества, поскольку она была победительницей в войне и ее армия все еще находилась в Европе. Не случайно весть о перевороте в Петербурге 28 июня 1762 года повергла европейские дворы, а в особенности прусский, в состояние шока. Слабость других придавала силы Екатерине, и иностранные дипломаты заметили, что с первых дней царствования она стала обращаться с ними гордо и заносчиво. Этот независимый тон в обращении с иностранцами импонировал ее ближайшему окружению, составляя резкий контраст с Петром III, заискивавшим перед Пруссией.

Основными проблемами русской внешней политики этого времени, унаследованными Екатериной II с петровских времен, оставались турецкая и польская. Польша стала уже, по сути, игрушкой в руках России, что отлично сознавала Екатерина. Еще будучи великой княгиней, она писала: «Неужели деспотический сосед выгоднее для России, чем счастливая польская анархия, которую мы распоряжаемся?»³

Свою внешнеполитическую деятельность Екатерина II начала с того, что вернула из-за границы русские войска, подтвердила мир с Пруссией, но отвергла заключенный с нею Петром III военный союз. После этого внимание русского правительства было привлечено к Курляндии, формально находившейся под властью польской короны. Екатерина видела свою цель в присоединении Курляндии к России и потому считала необходимым посадить на герцогский престол своего ставленника, не связанного какими-либо отношениями с польским королем. Ее кандидатом стал Бирон, освобожденный из ссылки Петром III. В достижении своей цели Екатерина проявила жесткость и решительность, как бы демонстрируя всему миру, что такой будет ее внешняя политика и в дальнейшем. Для обеспечения Бирону короны в Курляндию были введены русские войска, и ситуация была столь благоприятна для России, что, если бы войска остались там, Курляндия уже в 1762 году могла бы стать частью империи, но Екатерина хотела показать себя еще и справедливой правительницей и удовлетворилась достигнутым, сделав Бирона своим вассалом и обеспечив вхождение Курляндии в состав России в будущем (окончательно в 1795 году).

В том же 1762 году Екатерина задумала посадить своего ставленника и на польский престол. Дождавшись в октябре 1763 года смерти короля Августа III, Россия сразу же приступила к решительным действиям. Новая задача, однако, была более сложной, и для ее достижения необходимо было невмешательство других европейских держав. Для этого в марте 1764 года был подписан новый союзный договор с Пруссией, по которому стороны договорились о совместных действиях по сохранению в Польше существующего политического строя, дававшего возможность регулировать польскую политику по своему вкусу. Союз с Пруссией обеспечил невмешательство Австрии и Франции, у которых были свои кандидаты на польский трон. Желание России было

вновь подкреплено введением в Польшу русских войск, и в результате в августе 1764 года королем Польши был избран давний знакомый Екатерины и ее крестур Станислав Понятовский. На первый взгляд, это была большая победа, но на деле с этого времени Россия надолго увязла в польских проблемах.

Могущественная партия князей Чарторыйских, племянником которых был вновь избранный король, добивалась изменения в Польше государственного строя путем введения наследственной монархии и за поддержку России обещала улучшить положение польских православных, так называемых диссидентов. В результате Россия оказалась в весьма сложном положении: общественное мнение в самой России давно настаивало на помощи диссидентам, но согласиться с планами Чарторыйских значило изменить основным принципам своей политики в Польше. В итоге Россия потеряла в Польше поддержку серьезной политической силы, а в 1768 году против нее выступила так называемая Барская конфедерация польских магнатов, для борьбы с которой в Польшу вновь были введены русские войска под командованием А.В. Суворова. И хотя действия Суворова были в целом успешными, решение польской проблемы лишь отсрочено.

Между тем активные действия России в Польше стали все больше беспокоить Австрию и Францию. Их тревогу усиливала и задуманная Н.И. Паниным — руководителем русской внешней политики этого времени — «северная система» договоров России с протестантскими государствами Европы, в результате которой ведущая роль России в мировой политике должна была усилиться. Необходимо было отвлечь Россию и направить ее энергию в ином направлении. В результате сложной интриги осенью 1768 года Франции и Австрии удалось побудить Турцию объявить России войну.

Хотя с момента воцарения Екатерины II прошло уже более пяти лет, Россия не была достаточно подготовлена к войне и вступала в нее без особого энтузиазма, тем более что военные конфликты с Турцией вызывали неприятные воспоминания. Вместе с тем императрица была полна оптимизма и с головой ушла в новый для себя род деятельности. В одном из ее писем этого времени читаем: «...итак нашла я за необходимое приказать нашему войску собраться в назначенные места, команды же я поручила двум старшим генералам, т. е. главной армии князю

Голицыну, а другой — графу Румянцеву, дай боже первому счастье отцовское, а другому также всякое благополучие! Если б я турок боялась, так мой выбор пал неизменно на лаврами покрытого фельдмаршала Салтыкова, но в рассуждении великих беспокойств сей войны я рассудила от обременения побережь лета сего именитого воина, без того довольно имеющего славы. Я совершенно уверена, что на кого из моих генералов не пал бы мой выбор, всякий бы лучше был соперника визиря, которого неприятель нарядил. На начинающего Бог! Бог же видит, что не я зачала, не первый раз России побеждать врагов, опасных побеждала и не в таких обстоятельствах, как ныне находится, так и ныне от божеского милосердия и храбрости его народа сего добра ожидать»⁴.

Вступая в войну с Турцией, русское правительство определило, что основной целью в войне должно быть получение права на свободу мореплавания на Черном море, приобретение на Черноморском побережье удобного порта, а также установление безопасных границ с Польшей. Начало войны сложилось для России достаточно благополучно. Уже весной 1769 года русские войска заняли города Азов и Таганрог, а в конце апреля разбили два крупных соединения турецких войск под Хотинном, хотя сама крепость была захвачена лишь в сентябре. Тогда же в сентябре — октябре 1769 года от турок была освобождена Молдавия, и Екатерина стала именовать себя молдавской княгиней. В ноябре русские войска взяли Бухарест. Успешно сражался и русский корпус, посланный в Грузию. Наконец, 24—26 июня 1770 года русский флот под командованием А.Г. Орлова одержал блестящую победу над превосходящим его почти вдвое турецким флотом в Чесменской бухте. Турки потеряли 15 кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов — практически весь свой флот.

Спустя короткое время столь же блестящие победы были одержаны и сухопутными войсками. В первых числах июля русская армия под началом П.А. Румянцева разбила соединенные силы турок и крымских татар у впадения реки Ларги в Прут. Турки оставили на поле сражения более 1000 человек, русские потеряли убитыми лишь 29 человек. 21 июля состоялось знаменитое сражение при реке Кагул, где 27-тысячному отряду Румянцева удалось разбить 150-тысячное войско противника, из которого в битве принимали участие около 100 тысяч.

В июле — октябре 1770 года русским сдались крепости Измаил, Килия, Аккерман. В сентябре генерал П.И. Панин взял Бендеры. В 1771 году русские войска под командованием князя В.М. Долгорукого вступили в Крым и в течение нескольких месяцев захватили основные его пункты.

Казалось, все складывалось удачно, но реальное положение дел было непростым. Во-первых, война одновременно в Польше (с Барской конфедерацией), Молдавии, Крыму, на Кавказе и в Средней Азии требовала напряжения всех сил и была для России почти непереносимым бременем. Во-вторых, было ясно, что европейские державы не допустят значительного усиления России за счет Турции, и потому рассчитывать на удержание и присоединение всех захваченных в ходе войны земель не приходилось. Уже с 1770 года Россия нащупывала почву для заключения мира, но Турция, активно поддерживаемая Австрией, не желала идти ни на какие соглашения. Отказаться от поддержки Турции Австрию побудило лишь участие в первом разделе Польши в 1772 году.

Идея поживиться за счет Польши возникла при петербургском дворе еще в первые годы царствования Екатерины II. С подобными предложениями в 60-е годы неоднократно выступала и Пруссия. Но до поры до времени Россия надеялась заполучить территории Литвы и Белоруссии, которые считались исконно русскими, сохраняя номинально самостоятельную Польшу как буфер между Россией и Пруссией. Однако война с конфедератами, которых поддерживала Австрия, приняла затяжной характер, и необходимо было договориться с Австрией, чтобы сразу развязаться и с польской, и с турецкой войной.

В этих условиях и родился договор о разделе Польши, подписанный 25 июля 1772 года. Согласно этому договору Россия получила польскую часть Ливонии (территория нынешней Литвы и южной Латвии), а также Полоцкое, Витебское, Мстиславское воеводства и часть Минского. К Австрии отошла Галиция (ныне Западная Украина), к Пруссии — Поморское, Хельмское и Мальборгское воеводства, часть Великой Польши и Базмия. На первый взгляд, доля России была самой значительной. Ей досталась территория в 92 тысячи кв.км с населением 1 млн 300 тысяч человек. Но реально в стратегическом и экономическом отношении добыча России была достаточно скромной, ибо в руках Австрии оказался такой важнейший экономический и торговый центр,

как Львов, а в руках Пруссии — районы с наиболее развитым сельским хозяйством. Правда, Россия сохраняла то, что осталось от Речи Посполитой, в сфере своего влияния, и вплоть до 1788 года польский король практически ничего не мог сделать без разрешения русского посла в Варшаве. В 1776 году король Станислав-Август Понятовский с согласия России провел некоторые реформы, направленные на укрепление польской государственности, что даже позволило в 1780 году вывести из Польши русские войска.

В 1774 году после долгих переговоров России удалось заключить мир с Турцией. Согласно Кючук-Кайнарджийскому договору (по названию селения, где был заключен мирный договор) Россия получила наконец право на свободный проход своих судов через проливы Босфор и Дарданеллы, крепости Керчь и Еникале и значительную контрибуцию. Турция обязалась восстановить автономию Молдавии и Валахии, не притеснять православных в Закавказье, а также признала независимость Крыма, что, по мысли руководителей русского правительства, должно было обеспечить в дальнейшем его вхождение в состав Российской империи. Кючук-Кайнарджийским миром закончился первый период внешнеполитической деятельности Екатерины II. Следующий — 70—90-е годы — также ознаменовался серьезными успехами в дипломатической и военной сферах. Расстановка сил на внешнеполитической арене в это время несколько изменилась.

Земли, приобретенные Россией по договору с Турцией, вклинивались между владениями Оттоманской империи, Польши и Крымского ханства, что уже само по себе служило залогом новых столкновений. Было ясно, что Россия и далее будет стремиться закрепиться в Северном Причерноморье, а Турция этому всячески противиться. Действительно, приободренные внутренними неурядицами в России, турки значительно укрепили гарнизоны своих крепостей на северном побережье Черного моря, наводнили Крым и Кубань своими агентами, а турецкий флот демонстрировал свою мощь вблизи крымских берегов. При этом Турция рассчитывала на поддержку европейских держав — в первую очередь, Англии. Однако в 1775 году внимание Англии было надолго отвлечено войной с ее северо-американскими колониями и она даже вынуждена была обратиться к России с просьбой предоставить ей 20 тысяч русских солдат для борьбы с повстанцами. Екатерина, поколебавшись, отказала, но

внимательно следила за развитием конфликта, стремясь использовать его в своих целях.

Между тем в декабре 1774 года в Крыму произошел государственный переворот, в результате которого на ханском престоле оказался Девлет-Гирей, пытавшийся заигрывать одновременно и с Турцией, и с Россией. Однако русское правительство желало иметь в Крыму такого хана, который был бы верен лишь ему. Кандидатом России был Шагин-Гирей, и для возведения его на ханский престол весной 1776 года русские войска стали готовиться к вторжению в Крым.

Поддержка действий России в Крыму была обеспечена укреплением союза с Пруссией. Новое соглашение с ней было подписано в августе 1776 года, а уже в ноябре русские войска вошли в Крым. В марте следующего года был продлен старый договор о дружбе с Пруссией, а в апреле Шагин-Гирей был возведен на ханский престол. Когда спустя менее года против него вспыхнул мятеж, он был подавлен опять же при помощи русских войск.

Одновременно с этими событиями в центре Европы вспыхнул новый конфликт между Австрией и Пруссией, на этот раз из-за Баварии, которую австрийский император Иосиф II попытался присоединить к своим владениям. Пруссия сразу же запросила помощь России, на которую могла рассчитывать по только что заключенному договору, а Австрия обратилась к Франции. Последняя находилась на пороге войны с Англией и потому не была заинтересована в раздувании военного пожара на континенте. Когда же летом 1778 года война между Австрией и Пруссией все же началась, а турки в то же время предприняли неудачную попытку высадиться в Крыму, Франция предложила свое посредничество в урегулировании обоих конфликтов. Пруссия согласилась на это предложение с условием, что вторым посредником будет Россия. У русского правительства появилась уникальная возможность значительно укрепить свое положение на международной арене.

В марте 1779 года в г.Тешене открылся мирный конгресс, проходивший фактически под председательством русского посланника князя Н.В. Репнина. В мае конгресс закончился подписанием Тешенского мира, ставшего серьезным успехом русской дипломатии. По договору Россия становилась не только посредником, но и гарантом мира, что давало возможность беспрепятственно

вмешиваться в германские дела. Немаловажно было и достигнутое взаимопонимание с Францией, отношения с которой в течение долгого времени, еще с царствования Елизаветы Петровны, оставались прохладными. При ее посредничестве было подписано русско-турецкое соглашение — «изъяснительная конвенция», подтверждавшая независимость Крыма и права Шагин-Гирея на ханский престол.

1780 год ознаменовался новыми успехами русской дипломатии, когда Россия выступила с важной международной инициативой. Это была знаменитая Декларация о вооруженном нейтралитете, согласно которой суда нейтральных стран, не участвующих в военном конфликте, имели право на свободную торговлю со всеми странами, включая и воюющие между собой, без опасения нападения. Декларация была направлена против Англии, пытавшейся воспрепятствовать русской морской торговле со своими противниками. В ней было выдвинуто довольно узкое определение контрабанды, исключавшее важные для России экспортные товары. Вскоре к декларации присоединились Швеция, Дания, Голландия и Пруссия. Создалась фактически антианглийская коалиция, которая, не вмешиваясь в войну, объективно оказала серьезную поддержку Соединенным Штатам. В это же время в русских правительственных кругах родилась идея так называемого «греческого проекта».

Суть «греческого проекта» состояла в восстановлении Греческой империи со столицей в Константинополе и со вторым внуком Екатерины Константином Павловичем в качестве императора. Собственно, само имя Константин великий князь, родившийся в апреле 1779 года, получил именно в соответствии с «греческим проектом». На празднестве в честь его рождения читались греческие стихи и была отчеканена медаль с изображением храма Святой Софии в Константинополе. Подобное развитие российской внешнеполитической доктрины диктовалось самой логикой событий, ибо, как отмечал биограф Екатерины историк А.Г. Брикнер, «каждое приобретение России в ущерб туркам и татарам заставляло русское правительство распространять свои наступательные действия все далее и далее»⁵.

Уверенность в возможности осуществления проекта придавало новое положение России на международной арене, обретенное в результате успехов на Тешенском конгрессе. Но для того, чтобы

претворить замыслы в жизнь, необходимо было вернуться к союзу с Австрией. Сделать это было нетрудно, ибо все возможные выгоды от союза с Пруссией уже были извлечены. Первый шаг к сближению с Австрией был сделан весной 1780 года, когда во время поездки Екатерины по западным губерниям состоялось ее свидание с императором Иосифом II. Именно тогда к удовлетворению обоих монархов и было достигнуто соглашение об анти-турецком союзе, включая, по крайней мере в общих чертах, и «греческий проект». Спустя год Екатерина II и Иосиф II обменялись посланиями со взаимными обязательствами на случай войны с Турцией, а также о сохранении в неизменности политического режима в Польше. Подобный обмен письмами был новинкой в международных отношениях, изобретенной Екатериной и дававшей возможность сохранить соглашения в секрете. Тогда же состоялся и обмен письмами непосредственно по проекту восстановления Греческой империи. Следует отметить, что никакого официального соглашения по «греческому проекту» так и не было заключено. План был слишком смелым, чтобы его можно было сделать общеизвестным. По сути, «греческий проект» был дальней целью России этого времени, мечтой императрицы и основой ее внешнеполитической доктрины*. События не заставили себя долго ждать.

Уже в начале 1780-х годов вновь обострилась обстановка в Крыму, зашатался ханский трон Шагин-Гирея, и весной 1782 года он вынужден был бежать в Керчь под защиту русских войск. Турция уже готовилась посадить на ханский трон своего ставленника, когда Екатерина отдала Г.А. Потемкину приказ о введении в Крым русских войск. Восстановив Шагин-Гирея на престоле, они, однако, на сей раз не ушли, и после нескольких месяцев колебаний, получив полную поддержку Австрии 8 апреля 1783 года, Екатерина подписала манифест о «принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу».

Аннексия Крыма стала возможна, конечно, благодаря помощи Австрии и невмешательству других европейских держав, которые, не будучи заинтересованы в это время в русско-турецком

---

* Как отмечает И. де Мадариага, греческий проект «был целью, направлением, мечтой» (*Madariaga I.de Russia in the Age of Catherine the Great New Haven & London, 1981. P. 384*).

конфликте, всячески уговаривали Турцию смириться. Между тем и сама аннексия проходила не без трудностей. Летом 1783 года произошло восстание населявших Прикубанье ногайцев. В августе русский отряд из тысячи человек нанес в несколько раз превосходившим его численно ногайцам тяжелое поражение. Русскими войсками командовал А.В. Суворов. Осуществленный им скрытый маневр застал противника врасплох, и 1 октября 1783 года в устье р. Лабы ногайцы были окончательно разгромлены, и присоединение Кубани к России завершилось окончательно.

К этому времени границы Российской империи вплотную приблизились к Кавказу. Проживавшие здесь народы оказывались зажатыми с трех сторон Россией, Турцией и Ираном, что делало существование здесь небольших самостоятельных государств практически невозможным. Было ясно, что в грядущем военном столкновении России и Турции Кавказ может стать театром военных действий, и прежде, чем война началась, горцам необходимо было выбрать ту или иную сторону. События последних лет показывали, что сила за Россией и потому выгоднее было примкнуть к ней. Немаловажным было и то, что народы Грузии и Армении исповедовали православие и присоединение к России гарантировало их, по крайней мере, от религиозного гнета. В результате переговоров русского правительства с представителями картлино-кахетинского царя Ираклия II 24 июля 1783 года был подписан Георгиевский трактат, по которому Картлино-Кახетинское царство поступало под протекторат России, гарантировавшей его неприкосновенность и территориальную целостность. Согласно секретным статьям договора в Тифлис были отправлены два батальона русских войск.

Последующие несколько лет русской внешней политики отмечены дипломатической активностью, направленной на укрепление своего положения, дальнейшим сближением с Австрией и отчасти с Францией и, как следствие этого, напряжением в отношениях с Пруссией и Англией. В январе 1787 года Екатерина, сопровождаемая двором и иностранными дипломатами, отправилась в свое известное путешествие в Крым. Поездка имела прежде всего международное значение. В Крыму Екатерина должна была встретиться с австрийским императором и польским королем и продемонстрировать им русскую военную мощь. Основной целью этого грандиозного мероприятия было устраше-

19. Князь
Г. А. Потемкин-
Таврический

ние Турции, а главным его организатором стал Г.А. Потемкин. Именно с путешествием Екатерины II в Крым связано известное выражение «потемкинские деревни». Считается, что Потемкин якобы построил вдоль дороги грандиозные декорации, изображавшие несуществующие селения. На самом деле сами по себе декорации были обычными для любых придворных празднеств того времени, и Потемкин декорировал реальные селения, но сделал это настолько пышно, что зрители стали сомневаться в подлинности даже того, что существовало на самом деле.

Все это пышное убранство в сочетании с демонстрацией полков русской армии, татарской и калмыцкой конницы, черноморского флота произвели неизгладимое впечатление на иностранцев. Французский посланник в России граф Сегюр вспоминал свой разговор с императором Иосифом II, который сказал ему: «Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериною II, французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница истории!» «Мне скорее кажется, — отвечал Сегюр, — что эта страница из «Тысячи и одной ночи», что меня зовут Джафаром и что я прогуливаюсь с Халифом Гаруном аль-Рашидом, по обыкновению своему переодетым»⁶.

Еще одна идея, постоянно присутствовавшая во всей организации путешествия Екатерины в Крым, — имперская. Во всей грандиозной инсценировке Потемкина неизменно присутствовала и даже доминировала греческая тема. Так, ворота, установленные при въезде в Херсон, были обозначены как дорога в Византию, а вновь строившимся в Новороссии городам давали греческие названия. Присутствие Иосифа II подчеркивало единство замыслов Вены и Петербурга.

Приступить к их реализации оказалось возможным раньше, чем предполагалось. Уже в середине июля 1787 года русскому послу в Стамбуле был предъявлен ультиматум с заведомо невыполнимыми требованиями, а затем объявлено о разрыве всех ранее заключенных договоров и требование возврата Крыма. Это было началом новой русско-турецкой войны.

Россия вступала в войну, не успев завершить подготовку к ней: армейские соединения не были укомплектованы, строительство черноморского флота не завершено, а склады продовольствия и снаряжения почти пусты. Однако 7 сентября Екатерина подписала манифест о войне. Главнокомандующим русской армией был назначен Потемкин. Он же осуществлял непосредственное руководство главной, Екатеринославской армией, насчитывавшей до 82 тысяч человек. Вторую армию, численно вдвое меньше, возглавил Румянцев. 12-тысячный отряд должен был действовать на Кавказе, а донские казаки прикрывали Кубань.

Турки предполагали уже в начале войны высадить крупный десант в Крыму и устье Днепра, а основное наступление вести в Молдавии. В октябре 1787 года турецкий флот блокировал устье

Днепра и высадил 6-тысячный отряд на Кинбурнской косе. Здесь его поджидал отряд русских войск под командованием Суворова, одержавший над турками блестящую победу. Эта победа на Кинбурнской косе в самом начале войны была чрезвычайно важна для русской армии, однако не все складывалось так же удачно. Еще в сентябре русский Севастопольский флот был разбит бурей. В результате надолго затянулась осада русской армией крепости Очаков, и она была взята лишь в декабре 1788 года. Действия вступившей в войну Австрии были малоэффективны, и рассчитывать на особую ее помощь не приходилось. Между тем медлительность и нерешительность союзников были приняты за слабость, и летом 1788 года, подталкиваемая Англией и Пруссией, в войну с Россией ввязалась Швеция, мечтавшая о реванше еще со времен Ништадтского мира 1721 года. Решающее морское сражение у острова Гогланд состоялось уже 6 июля. Оба флота были изрядно потрепаны. Русские моряки под командованием адмирала С. Грейга захватили шведский 70-пушечный корабль «Принц Густав», а шведы — такой же русский корабль «Владислав». Однако шведы отступили первыми, и победа осталась за русскими. Лишенные поддержки с моря, шведские сухопутные части в 1789 году действовали неудачно, и на следующий год Швеция вынуждена была заключить мир.

1789 год оказался решающим и в русско-турецкой войне. Он ознаменовался новыми победами Суворова. 21 июля соединенные под его командой 5-тысячный отряд русских и 12-тысячный австрийцев взяли штурмом укрепленный лагерь турок у Фокшан, разгромив 30-тысячный турецкий корпус Мустафы-паши. Спустя полтора месяца, совершив за двое с половиной суток стремительный марш-бросок в сто верст, Суворов нанес туркам сокрушительное поражение у реки Рымник.

В последующие несколько месяцев 1789 года русские войска взяли Аккерман и Бендеры, а австрийские — Белград и Бухарест. Однако международная ситуация в целом складывалась для Австрии и России неудачно. России в Европе противостояла Швеция, а Австрии Пруссия. Рассчитывать на поддержку Франции, где в июле 1789 года произошла революция, не приходилось. Пруссия между тем активизировала свою дипломатическую активность и заключила договоры с Польшей и Турцией. В марте 1790 года умер император Иосиф II, и его преемник Леопольд II, опасаясь

войны с Пруссией, вынужден был пойти на заключение с Турцией соглашения о прекращении огня. Россия фактически осталась со своими противниками один на один.

При русском дворе существовали в это время различные точки зрения о перспективах продолжения войны, однако Екатерина верно рассчитала, что Пруссия в конечном счете не решится на открытое столкновение с Россией, а внимание Англии будет отвлечено событиями во Франции. К концу 1790 года русская армия одержала над турками ряд новых убедительных побед, самой блестящей из которых было взятие Измаила — крепости, которую турки считали неприступной.

Турецкие войска потерпели поражение и на Северном Кавказе. Наконец, 31 июля 1791 года русский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова разбил турецкий у мыса Калиакрия. В тот же день с запросившей пощады Турцией было подписано перемирие, а в конце декабря — долгожданный Ясский мир. Турция окончательно признала аннексию Россией Крыма, а новая граница между двумя странами была определена по Днестру.

Между тем на протяжении всей русско-турецкой войны постоянно обострялась польская проблема. Еще в 1787 году король Станислав-Август предпринял новую попытку укрепления польской государственности путем проведения внутривосточных реформ. В обмен на поддержку их он предлагал России помощь в борьбе с Турцией. Однако заключению готовившегося соглашения воспротивилась Пруссия. Тем временем собрался сейм, позже получивший название Четырехлетнего, который, по замыслу Станислава-Августа, должен был одобрить усиление королевской власти. Однако сильная антикоролевская оппозиция в сейме добилась переориентации польской политики с России на Пруссию, результатом чего и был вышеупомянутый польско-пруссский договор 1790 года. Сейм принял ряд важных решений, самым значительным из которых была конституция 3 мая 1791 года.

Известие о польской конституции встревожило и рассердило Екатерину, поскольку она нарушала установившийся мировой порядок, а сильная самостоятельная Польша никак не устраивала Россию. Дождавшись урегулирования австро-пруссских и русско-турецких отношений, Екатерина вновь двинула в Польшу войска.

Русско-польская кампания была недолгой, и уже к лету 1792 года русская армия контролировала всю территорию Речи Посполитой. В декабре Петербург дал положительный ответ на предложение Пруссии о новом разделе Польши, официально провозглашенном в апреле следующего года. Итогом раздела было получение Пруссией территории в 58 тысяч кв.км с городами Гданьском, Торунем, Познанем. Российская империя увеличила свои владения на 250 тысяч кв.км, включив в свой состав Восточную Белоруссию и Правобережную Украину.

В результате раздела в Польше возникло широкомасштабное патриотическое движение во главе с Т. Костюшко. Поначалу восставшим удалось добиться некоторых успехов, но дело их было обречено, когда командование русскими войсками принял Суворов. Разгромив восстание Костюшко, европейские державы в октябре 1795 года осуществили третий раздел Польши. Австрия получила еще 47 тысяч кв.км польских земель с г. Люблином, Пруссия — 48 тысяч кв.км с Варшавой, а Россия — 120 тысяч кв.км, включая Западную Волынь, Литву и Курляндию. Третий раздел Польши положил окончательный конец польской государственности, возродившейся вновь лишь в 1918 году.

Деятельность Екатерины II последних лет ее царствования во внешнеполитической сфере была в значительной мере обусловлена революционными событиями во Франции. Поначалу эти события вызывали у императрицы нечто вроде злорадства, поскольку она всегда относилась к политическому режиму во Франции весьма критично. Сведения о событиях во Франции регулярно печатались в русских газетах, включая и «Декларацию прав человека и гражданина», основные идеи которой совпадали с идеями Наказа. Однако к 1792 году императрица все больше стала воспринимать французские события как бунт против власти как таковой и опасность для всех монархов Европы. Екатерина активно помогала французским эмигрантам и участвовала в создании антифранцузской коалиции, в особенности после того, как в начале 1793 года в России было получено известие о казни короля и королевы. Однако вплоть до смерти Екатерины непосредственного участия в военных действиях против Франции русская армия не принимала. Императрица рассчитывала втянуть Австрию и Пруссию во французские дела, чтобы освободить себе руки для осуществления собственных замыслов.

Оценивая в целом внешнюю политику Екатерины II, следует признать, что в полном соответствии с самим духом эпохи, представлениями, а также конкретными обстоятельствами международного положения того времени эта политика носила выраженный имперский характер и отличалась экспансионизмом, небрежением интересами других народов, а в определенной мере и агрессивностью. Екатерина II успешно продолжила и с триумфом завершила начатое Петром I создание Российской империи как великой мировой державы. Внушительные внешнеполитические результаты 34-летнего пребывания Екатерины на троне, выразившиеся в значительных территориальных приобретениях и окончательном закреплении за Россией одной из ведущих ролей в мировой политике, позволявшей воздействовать в своих интересах на решение практически любых международных вопросов, — все это дало возможность ее преемникам в XIX столетии еще больше раздвинуть границы империи. Именно в екатерининскую эпоху была, по существу, создана «единая и неделимая» империя с неисчерпаемыми людскими и экономическими ресурсами и бескрайними просторами, поглощавшими любого завоевателя. Это было многонациональное государство с неповторимым этническим, экономическим, культурным, природным и социальным своеобразием. Блестящие победы екатерининских полководцев на суше и на море наполняли гордостью сердца русских людей, но они же способствовали формированию и имперской идеологии. Екатерининский вице-канцлер А.А. Безбородко хвастался, что при жизни императрицы ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без ее разрешения.

Внешнеполитические успехи екатерининского царствования были, конечно, внушительны и именно так оценивались и современниками, и несколькими поколениями ее потомков, однако в исторической перспективе многие из этих успехов обернулись для России и ее народов серьезными проблемами. Во-первых, империя складывалась как унитарное государство с сильной центральной властью, что, по существу, и обеспечило ей долголетие, ибо только сильная центральная власть была в состоянии удерживать эту огромную страну в повиновении. Одновременно сама империя постепенно стала рассматриваться как наивысшая ценность, а забота о ее сохранении как важнейший патриотический долг. Очевидно, что при такой трактовке интересы и личности,

и отдельных народов в лучшем случае отходили на второй план, а как правило, просто игнорировались. При этом ущемлялись национальные интересы всех населявших империю народов, включая и русский народ — народ метрополии, который не только не получал никаких выгод от этого своего положения, но и нес на своих плечах основные тяготы по обеспечению жизнеспособности страны. При этом колонизаторская политика правительства ассоциировалась для народов империи с русским народом и способствовала разжиганию национальной розни.

Во-вторых, активное участие России в разделах Польши на два последующих столетия определило развитие русско-польских отношений и превратило их в важнейший фактор внешней политики России, ибо международная стабильность стала в значительной степени зависеть от взаимоотношений держав — участниц разделов. Польский народ не мог смириться с уничтожением польской государственности, и на протяжении всего XIX века правительство России неоднократно вынуждено было применять военную силу для подавления польских восстаний. Делалось это опять же руками русских солдат, что, естественно, порождало в Польше сильные антирусские настроения.

«Призрак Речи Посполитой, — заметил В.О. Ключевский, — вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избежать вражды с народом, следовало сохранить его государство»⁷.

Следует также упомянуть, что с разделами Польши связано и появление в России еврейского вопроса (о том, как он был «решен», говорилось в предыдущей главе).

2

Одно из самых продолжительных в русской истории, царствование Екатерины II завершилось со смертью императрицы в ноябре 1796 года. Умерла она неожиданно, не завершив задуманных преобразований и не успев реализовать даже уже готовые законопроекты. Среди них был и проект манифеста о порядке престолонаследия, составленный в 1785 году. Он должен был быть частью целой системы законов и введен в действие вместе с ними. То обстоятельство, что императрица так и не успела это сделать, и сложные отношения Екатерины с ее сыном Павлом

породили проникшие и в историческую литературу слухи о ее намерении лишить сына престола, передав его внуку Александру. Однако документальных подтверждений этому нет. Завещать трон внуку в обход сына значило бы для Екатерины отказаться от тех принципов справедливости и законности, которые она декларировала всю жизнь. Решиться на это она не могла, хотя, безусловно, сознавала, что после ее смерти многие ее начинания могут быть преданы забвению. В одной из записок она писала: «...не вемь ради кого тружусь, и мои труды и попечение, и горячее к пользе империи радение не будет ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположение не могу учинить наследственное»⁸.

Со смертью Екатерины II завершилась целая эпоха русской истории, как бы вобравшая в себя все важнейшее, что происходило со страной в XVIII столетии, чему было положено начало петровскими преобразованиями. Россия стала мощным полицейско-бюрократическим государством с крепкой армией и флотом, с ведущей ролью в международных отношениях. Завершился важный этап в формировании новой русской культуры, национальной науки, искусства. За три с лишним десятилетия на российском престоле сама Екатерина превратилась в своего рода символ России, ее богатства и могущества. За это время выросло два поколения людей, не знавших иного государя, не изведавших массовых репрессий, привыкших к внешнеполитическим победам и стабильности политической жизни. Это были те самые, по удачному выражению историка Н.Я. Эйдельмана, «непоротые поколения» дворян, детям которых предстояло сыграть определяющую роль в судьбах страны в следующем столетии.

Действительно, с Екатериной ушла в прошлое Россия XVIII века. Но по календарю ей оставалось жить еще четыре года.

ГЛАВА 8

«Он хотел быть Иоанном IV»

В ноябре 1796 года после смерти Екатерины II на российский престол взошел ее сын император Павел I. Началось короткое, но чрезвычайно важное и насыщенное событиями царствование одной из самых загадочных и противоречивых фигур русской истории. Для того чтобы понять и правильно оценить происходившее в четыре с половиной года павловского царствования, необходимо иметь в виду, что к моменту восшествия на престол императору было уже 42 года, т. е. он был зрелым человеком со сложившимся характером, политическими убеждениями и представлениями о нуждах России и наилучших способах управления ею. Характер же и политические взгляды императора складывались в весьма непростых и необычных условиях.

Рождение Павла в 1754 году было встречено при дворе Елизаветы Петровны как долгожданное событие, поскольку императрица была крайне обеспокоена продолжением династии. Сразу после рождения ребенок был унесен в покои Елизаветы, куда его родителей допускали лишь по ее специальному разрешению. Фактически вплоть до переворота 1762 года Павел воспитывался без родительской ласки, не зная толком ни матери, ни отца. Последний и вовсе был к нему равнодушен: в манифесте о восшествии Петра III на престол ни Павел, ни Екатерина даже не упоминались. С 1761 года главным воспитателем Павла был назначен Н.И. Панин, который искренне привязался к своему воспитаннику. Сам сторонник Просвещения, он мечтал воспитать из Павла идеального государя для России. И действительно, по воспоминаниям современников, молодой Павел был хорошо образованным романтическим юношей, верившим в идеалы просвещенного абсолютизма. Его готовили к государственному поприщу, и он рос с сознанием, что ему предстоит управлять Россией.

20. Великий князь Павел Петрович в 1765 г.

Зная, как должно быть, он сравнивал усвоенную теорию с реальностью, находил несоответствия и постепенно начинал критически относиться к политике матери. Между тем Екатерина не только не собиралась уступить сыну престол, но даже поделиться с ним властью. При этом она знала, что и при дворе, да и в целом в стране было немало людей, которые предпочли бы сына матери. Быть может, если бы тщеславие Павла не подогревалось различными интриганями, постоянно напоминавшими ему о его правах на престол, отношения матери с сыном сложились иначе. Но на протяжении нескольких десятилетий имя великого князя постоянно всплывало в различных политических процессах, по стране распространялись слухи о его восшествии на престол, к нему, как к «сыну», взывал Пугачев. Все это заставляло Екатерину относиться к Павлу с настороженностью и подозрительностью, и она делала все, чтобы не допускать его к политике. В свою очередь в Павле росло раздражение и неудовлетворенность. Годами он, неглупый и энергичный человек, мучился бездеятельностью, вынужден был издали наблюдать за делом, которое по праву считал своим. Уже тот факт, что в руках фаворитов императрицы оказывалось больше власти, чем у него, законного наследника престола, воспринимался им как обида и унижение. К этому добавлялись насмешки и язвительность матери, считавшей юного Павла слишком наивным и чувствительным и тем самым ожесточавшей его. Постепенно характер Павла изменился: он стал нервным, вспыльчивым, подозрительным, желчным, деспотичным.

В 1773 году Павел женился на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, которую при крещении в православие назвали Натальей Алексеевной. Только что вышедший из-под опеки учителей и воспитателей юноша без памяти влюбился в молодую жену, но счастье было недолгим: в 1776 году Наталья Алексеевна

умерла родами, а мать сообщила убитому горем сыну, что жена была ему неверна. Спустя несколько месяцев Павел женился вновь — на принцессе Софии Доротее Вюртембергской, получившей в православии имя Марии Федоровны. В 1777 году родился их первенец — будущий император Александр I, а в 1779 году — второй сын, Константин. Обоих внуков забрали у родителей и воспитывали под присмотром бабки. В 1781—1782 годах Павел и Мария Федоровна совершили путешествие по Европе, где произвели благоприятное впечатление на европейские дворы. Но Павел вел себя неосторожно, открыто критикуя политику Екатерины и ее фаворитов. По-видимому, это стало известно императрице, которая по возвращении сына постаралась удалить его от двора, подарив мызу Гатчина, где Павел проводил отныне большую часть времени. Как когда-то Петр I в Преображенском и Петр III в Ораниенбауме, Павел создал в Гатчине собственную небольшую армию и с увлечением занялся муштрой, взяв за образец прусскую военную систему. Дисциплина, порядок, определенный аскетизм как бы противопоставлялись им роскоши и беспорядочной жизни петербургского двора. Он наслаждался беспрекословным подчинением своих солдат, мечтая о времени, когда так же ему будет подчиняться вся Россия. Екатерина, как ему казалось, была слишком мягка и либеральна — качества, не подходящие для истинного самодержца и связанные с особенностями женского правления. Все это, считал он, пагубно сказывалось на положении в стране, которой, в особенности после событий во Франции, грозила серьезная революционная опасность. Избежать ее можно было только при помощи сильной власти. Биограф Павла историк Н.К. Шильдер приводит такой эпизод, относящийся ко времени Французской революции: «Однажды Павел Петрович читал газеты в кабинете императрицы и выходил из себя. «Что они все там толкуют! — воскликнул он. — Я тотчас бы все прекратил пушками». Екатерина ответила сыну: «*Vous êtes une Bête féroce*» или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование»¹.

Решимость Павла расправиться с восставшими при помощи пушек не была, однако, просто проявлением беспощадности или

---

¹ Ты жестокая тварь (фр.).

политической близорукости. За этим стояла и определенная система взглядов, согласно которой, дабы избежать революции, следовало при помощи военной дисциплины и полицейских мер как бы законсервировать существующий режим, удалив из него все разлагающие его элементы, воплощавшиеся, по мнению Павла, в различных проявлениях личностной и общественной свободы. Эти проявления Павел видел и в образе жизни и поведения дворян, в пренебрежении государственной службой, в элементах самоуправления, в излишней роскоши двора, в относительной свободе мысли и самовыражения, считая все это следствиями ошибок политики Екатерины. Как отмечает автор новейшей биографии Павла Р. МакГрю, «ко времени смерти Екатерины он был совершенно слеп к ее достижениям и не испытывал никакой симпатии к целям, которые она перед собой ставила... Павел намеревался осуществить революцию, чтобы предотвратить еще худшую»².

Просвещенческим идеалам гражданской вольности Павел противопоставлял идеалы средневекового рыцарства с его представлениями о благородстве, верности, чести, храбрости, служении государю. Это была, писал Н.Я. Эйдельман, «рыцарская консервативная идея наперекор “свободе, равенству, братству”... Рыцарство против якобинства... т.е. облагороженное неравенство против “злого равенства”»³.

Мечта Павла исполнилась 6 ноября 1796 года, когда Екатерина умерла. Очевидцы событий единодушны в их описании. «Тотчас во дворце приняло все другой вид, — вспоминал Г.Р. Державин, — загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом»⁴. Дух военщины изменил облик двора и столицы. Другой мемуарист вспоминал: «В эпоху кончины Екатерины и вступления на престол Павла Петербург был, несомненно, одной из красивейших столиц в Европе... Так как полицейские мероприятия должны были исполняться со всевозможной пышностью, то метаморфоза совершалась чрезвычайно быстро, и Петербург перестал быть похожим на современную столицу, приняв скучный вид маленького немецкого города XVIII столетия»⁵.

Уже первые шаги Павла-императора продемонстрировали его намерение действовать во всем наперекор политике матери. Этим стремлением окрашено, по сути, все его царствование, в результате чего, по словам В.О. Ключевского, «самые лучшие по идее

предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды»⁶. Так, конечно же совсем не либеральными симпатиями объясняется освобождение Павлом Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Т. Костюшко и других поляков, обвинения в коррупции и смена многих высших должностных лиц. Новый император пытался как бы зачеркнуть предшествующие 34 года русской истории, объявить их сплошной ошибкой.

Во внутренней политике Павла выделяется несколько взаимосвязанных направлений — реформа государственного управления, сословная политика и военная реформа. На первый взгляд, осуществленная Павлом реформа государственного управления имела ту же направленность, что и политика Екатерины, — дальнейшая централизация власти, однако решалась эта задача иначе, хотя некоторые из его мероприятий и продолжали задуманное императрицей. Так, если при Екатерине особенно усилилось значение генерал-прокурора Сената, в ведении которого оказались многие государственные дела, в том числе вся финансовая политика, то при Павле генерал-прокурор превратился как бы в премьер-министра, сосредоточившего в своих руках функции министра внутренних дел, юстиции и частично финансов. Не случайно своему генерал-прокурору А.А. Беклешову Павел однажды заявил: «Ты да я, я да ты — мы одни будем дела делать»⁷. Дальнейшее изменение функций Сената в целом, которому Екатерина в своих позднейших проектах готовила, по существу, роль органа высшего правового надзора, связано с реорганизацией центрального и местного управления.

Еще в 80-е годы был ликвидирован ряд коллегий и оставлены лишь три — Военная, Адмиралтейская и Иностранных дел. Связано это было с тем, что, декларируя свободу предпринимательства, Екатерина полагала возможным передать минимально необходимый контроль за развитием экономики в руки местных властей⁸. Павел восстановил некоторые коллегии, считая, однако, необходимым преобразовать их в министерства, т. е. заменяя принцип коллегиального правления единоличным. Так, в 1797 году было создано совершенно новое Министерство уделов, ведавшее землями, принадлежавшими непосредственно царской фамилии, а в 1800 году — Министерство коммерции. Еще более решительно разломал Павел всю систему местного управления, созданную «Учреждениями» 1775 года.

Во-первых, были ликвидированы должности наместников, пользовавшихся, по мнению нового императора, слишком большой самостоятельностью. Во-вторых, были закрыты приказы общественного призрения, управы благочиния; городское сословное управление было слито с органами полиции, городские думы ликвидированы. Реформе подверглась и созданная Екатериной судебная система: ряд судебных инстанций ликвидирован вовсе, палаты гражданского и уголовного суда слиты в одну. В связи с этим вновь усилилась роль Сената как судебного органа. Изменил Павел и административно-территориальное деление страны, принципы управления окраинами империи. Так, 50 екатерининских губерний были преобразованы в 41 губернию и Область Войска Донского. Прибалтийским губерниям, Украине и некоторым другим окраинным территориям были возвращены некоторые традиционные органы управления. Во всех этих преобразованиях очевидна противоречивость: с одной стороны, централизация*, сосредоточение всех нитей управления в руках царя, ликвидация элементов самоуправления, с другой — возврат к разнообразию форм управления на национальных окраинах. За этим противоречием — прежде всего слабость нового режима, боязнь не удержать в руках всю страну и стремление завоевать популярность в районах, чреватых национально-освободительным движением. Ну и, конечно, желание переделать все по-новому. Обратим внимание на то, что содержание судебной реформы Павла и ликвидация органов сословного самоуправления означали для России, по сути, шаг назад. Последняя коснулась не только городского населения, но и дворянства.

Наступление на дворянские привилегии, оформленные Жалованной грамотой 1785 года, началось практически с первых дней павловского царствования. Уже в 1797 году был объявлен смотр

---

* Впрочем, трактовать екатерининскую реформу, связанную с ликвидацией некоторых коллегий, как децентрализацию было бы неверно. Как заметил О.А. Омельченко, «смысл и задача централизма оставались неизменными»: «Различие состояло лишь в том, что в первом варианте — прошлой коллегийской системы — проводником централизма была система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху, а во втором — внешне независимые, но регламентированные почти абсолютно во всей своей административной деятельности чиновники ведомств и учреждений, действующие строго по предписаниям государственного закона» (Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. С. 264).

всем числящимся в списках полков офицерам и неявившиеся уволены в отставку. Считается, что эта мера была связана с тем, что при Екатерине существовал обычай записывать в полк малолетних детей, чтобы к совершеннолетию они уже имели офицерские чины. На самом деле число таких «офицеров» было ничтожно мало, но гораздо больше было числившихся больными, в отпуску и пр. Многие высшие сановники государства наряду с должностями в государственном аппарате имели генеральские чины и числились в различных, как правило гвардейских, полках. На первый взгляд, эта предпринятая Павлом мера была вполне разумна и справедлива, но за нею последовало ограничение привилегий для неслужащих дворян. Запросив в августе 1800 года списки таких дворян, Павел распорядился большую их часть определить в военную службу. С октября 1799 года был установлен порядок, по которому для перехода с военной службы на гражданскую требовалось специальное разрешение Сената. Другим указом неслужившим дворянам было запрещено участвовать в дворянских выборах и занимать выборные должности. В 1799 году были упразднены губернские дворянские собрания, ограничены права уездных и, наоборот, усилено право губернаторов вмешиваться в дворянские выборы. В 1797 году дворян обяжали платить специальный налог на содержание губернской администрации, причем в 1799-м взимаемая сумма была увеличена. Историкам известны и случаи применения в павловское время отмененных Екатериной для дворянства (как и для некоторых других категорий населения) телесных наказаний. Но было бы ошибкой считать политику Павла антидворянской. Скорее в ней прослеживается явное стремление превратить дворянство в рыцарское сословие, дисциплинированное, организованное, поголовно служащее и преданное своему государю. Не случайно Павел сделал попытку ограничить и приток в ряды дворянства недворянских элементов, запретив производить недворян в унтер-офицеры. С этой позиции яснее становится и политика императора в отношении крестьянства.

Павловское царствование, как и предыдущее, отмечено массовыми раздачами крестьян в качестве награды за службу. Причем за четыре года Павел умудрился раздать крестьян почти столько же, сколько его мать за 34 (всего около 600 тысяч). Однако разница была не только в количестве. Если Екатерина дарила своим

любимцам имения, или оставшиеся без хозяина, или на вновь завоеванных территориях, то Павел раздавал прежде всего государственных крестьян, тем самым значительно ухудшая их положение. Объявив в начале царствования, что каждый подданный имеет право подать жалобу лично ему, Павел жестоко пресекал подобные попытки со стороны крестьян. В декабре 1796 года был издан указ о закреплении крестьян за частными владельцами в Области Войска Донского и в Новороссии, в марте 1798-го — о разрешении заводчикам из купцов покупать крестьян к своим предприятиям с землей и без земли. С другой стороны, появился и ряд законодательных актов, объективно способствовавших ослаблению крепостного гнета. Так, в феврале 1797 года была запрещена продажа дворовых и безземельных крестьян с молотка, в октябре 1798-го — продажа украинских крестьян без земли. Впервые за многие годы при вступлении Павла на престол крепостные крестьяне должны были принести присягу новому императору наравне с вольными; в декабре 1797 года с крестьян и мещан была снята недоимка в подушном сборе, отменен назначенный еще Екатериной рекрутский набор. Наиболее известен так называемый «Манифест о трехдневной барщине», изданный Павлом вместе с рядом других важных документов в день его коронации 5 апреля 1797 года. Основной смысл манифеста связан с запретом работы в воскресные дни — юридической нормой, существовавшей еще в Соборном уложении 1649 года. Об ограничении же барщины тремя днями в манифесте говорится скорее как о желательном, более рациональном распределении рабочего времени земледельцев. Однако неясность манифеста повлекла за собой и неоднозначную его трактовку как современниками, так и историками. Крестьяне восприняли манифест как облегчение своего положения и пыгались жаловаться на помещиков, не желавших его исполнять. Известны случаи, когда помещики действительно подвергались за это взысканиям и наказаниям. Историк В. Семевский писал по этому поводу: «Манифест 1797 г. имел большое значение: это была первая попытка ограничения повинностей крепостных крестьян, и наше правительство смотрело на него как на положительный закон, несмотря на то, что он не исполнялся»⁹.

Однако факт неисполнения манифеста сбрасывать со счетов все же не следует. Более того, в некоторых районах страны, как,

например, на Украине, где барщина ограничивалась двумя днями в неделю, манифест, наоборот, ухудшил положение крестьян. Неясность манифеста, скорее всего, была нарочитой. Во-первых, Павел, опасаясь крестьянских восстаний, пытался предотвратить их популистскими мерами, во-вторых, приобретал еще один инструмент давления на дворян. С другой стороны, открыто ослабить крепостной гнет он тоже не мог, поскольку и зависимость трона от дворянства была велика, да и намерения такие у него вряд ли были. Более очевидны были намерения Павла в отношении армии, на которую он решил перенести прусские военные порядки, столь успешно применявшиеся им в Гатчине. Реформа началась с введения новой формы, полностью копировавшей прусскую: длинный мундир, чулки и черные лаковые башмаки на ногах, напудренная голова с косою определенной длины. Офицерам были вручены палки с костяными набалдашниками для наказания провинившихся солдат. В декабре 1796 года был издан новый устав, в котором основное внимание уделялось обучению солдат шагистике. Поскольку в основу его был положен прусский устав 1760 года, то никакие новые достижения русской военной мысли, проверенные на полях сражений во время екатерининского царствования, в нем не учитывались. Вскоре было издано еще несколько уставов для отдельных родов войск. Основная их мысль та, что главное в армии — механическая слаженность войск, исполнительность. Инициатива же и самостоятельность вредны и недопустимы. Вот как оценивает эти нововведения современный историк: «Павел I, приступив к искоренению пороков русской армии, не смог отделить дельное от ложного. Боевая практика была несовместима с опереточным обмундированием, которое не выдерживало дождя и ночлега под открытым небом. Военно-балетные па, разучиваемые на плацу, не годились при отражении атак визжащих от ярости янычар, при штурме крепостных стен, в столкновениях с решительной французской пехотой. Павел вместе с водой выплеснул и ребенка, — вместе с распушенностью, злоупотреблениями под топор царских приказов пошли и старательно выращиваемые Суворовым и Румянцевым лучшие военные качества русской армии екатерининской поры»¹⁰.

Меры Павла, наряду с бесконечными парадами, увольнением, ссылкой, а то и арестом многих офицеров, вызывали в армии большое недовольство, причем не только в столице, но и в

провинции. Так, уже в 1796—1798 годах в Смоленской губернии существовал антиправительственный кружок, в который входили офицеры нескольких расквартированных там полков, чиновники местных учреждений, а также ряд отставных военных.

Говоря о внутренней политике Павла I, следует упомянуть также о некоторых его нововведениях, связанных со статусом государя и царской семьи. В день своей коронации Павел опубликовал указ о престолонаследии, устанавливавший передачу престола по наследству строго по мужской линии. Указ продолжал действовать в России вплоть до 1917 года. Новым было и создание уже упоминавшегося Министерства уделов, что означало фактически включение личного хозяйства царской семьи в сферу государственного ведения. Будучи убежден в божественном происхождении царской власти, Павел немало сделал для организации внешних проявлений обожествления самодержавия. Он был большим любителем различных церемоний и ритуалов, которые проводились скрупулезно, с соблюдением мельчайших деталей, отличались необыкновенной пышностью и длились по многу часов. Всей жизни двора была придана строго регламентированная обрядность, еще более усилившаяся с провозглашением Павла в 1798 году великим магистром Мальтийского ордена. Надо, однако, заметить, что эта европеизированная обрядность не была традиционной для России, да и в самой Европе уже воспринималась как архаичная, а потому у большинства современников вызывала лишь усмешки, никак не способствуя целям, которые ставил перед собой император, и лишь дискредитируя его в глазах общества. Вообще надо заметить, что современники в большинстве испытывали по отношению к Павлу двойственное ощущение страха и одновременно презрения за его мелочность и старомодное благородство, вспышки безудержного гнева и показную справедливость. В юности его судьбу сравнивали с судьбой Гамлета. Теперь, когда он оказался у власти, в нем было что-то от Дон Кихота.

За спиной у Павла всегда маячил образ его матери, авторитет которой был столь высок, что всякие попытки сына переиначить всё на свой манер казались жалкими и смешными. В сравнении с Великой Екатериной Павел был слишком мелок. Заранее были обречены на неудачу и попытки Павла по обожествлению императорской власти. Уже петровские реформы научили русских людей смотреть на государя как на смертного человека, выпол-

нящего по отношению к подданным определенные обязанности, Екатерина же открыто говорила, что государь — это неизбежное зло. Возврата назад быть не могло.

Мелочная регламентация была перенесена Павлом и на повседневную жизнь подданных, в частности на одежду. Так, специальными указами предписывались определенные фасоны и размеры одежды, запрещалось носить круглые шляпы, башмаки с лентами вместо пряжек и пр. Определенные запреты распространялись и на внешность (нельзя было носить бакенбарды и широкие букли), и на времяпрепровождение (нельзя танцевать вальс). Характерно, что все эти ограничения касались не только российских подданных, но и иностранцев. Так, поверенный в делах Сардинии в России был выслан из Петербурга за ношение круглой шляпы.

Во всех мерах Павла явно прослеживается стремление к ограничению личной свободы подданных, унификации всех сфер жизни, борьба с многообразием мнений, суждений, с правом выбора образа жизни, стиля поведения, одежды и пр. В самой этой возможности Павел видел революционную опасность. С проникновением революционных идей боролись и иным способом — введением цензуры и запретом на ввоз книг из-за границы.

Вполне возможно, что, если бы преобразования Павла касались лишь сферы административно-полицейского управления и проводились бы осторожно и последовательно, его судьба сложилась бы иначе. Но общество, уже вкушившее плодов «просвещенного абсолютизма», не желало расставаться с той, пусть минимальной свободой, которую оно обрело в екатерининское царствование. К тому же порывистый, вспыльчивый, непостоянный и непредсказуемый характер императора создавал, как когда-то при его отце Петре III, обстановку нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне, когда судьба русского дворянина оказывалась зависимой от случайной прихоти или смены настроения того, в ком видели лишь самодура на троне — опасного и одновременно комичного. Причем если в предшествующих переворотах XVIII века решающую роль играла лишь гвардия, то теперь недовольство охватило фактически всю армию. Обрести опору в каком-либо социальном слое Павлу не удалось. Как писал выдающийся русский историк Н.М. Карамзин, «что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к

самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оною. ...Он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святыя обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степеней гражданственности в хаос частного естественного права»¹¹.

Судьба Павла была, таким образом, предрешена. Заговор против него созрел фактически с самого начала его царствования, и замешаны в нем или, по крайней мере, оповещены о нем были многие сановники, придворные, высшие офицеры и даже наследник престола великий князь Александр Павлович. Роковой для Павла стала ночь на 11 марта 1801 года, когда несколько десятков заговорщиков ворвались в покои императора в недавно выстроенном Михайловском замке и убили его. Императором всероссийским был провозглашен Александр I.

Историки, как уже упоминалось, оценивают павловское царствование по-разному. Одни называют его «непросвещенным абсолютизмом» (Н.Я. Эйдельман), другие — «военно-полицейской диктатурой» (М.М. Сафонов), равно сходясь во мнении, что продолжение существования павловского режима задержало бы социально-политическое развитие России. Есть и точка зрения (Ю.А. Сорокин), согласно которой политика Павла соответствовала интересам абсолютной монархии, а избранные им средства — поставленной цели.

Новейший биограф Павла I историк Р. МакГрю пишет: «Петр и более утонченно Екатерина были новаторами, стремившимися изменить Россию, сделать ее иной и лучше, чем она была. Павел, столкнувшийся с эпохой глубоких дестабилизирующих перемен, использовал свою власть для сохранения и совершенствования того, что уже существовало». Историческое значение павловского царствования историк видит в следующем: «Хотя многие русские, особенно при дворе и в армии, имели все основания забыть Павла, фактически то, что Павел совершил за четыре года и три месяца своего правления, было основополагающим для того, чем стала Россия в первой половине девятнадцатого века. Его реформами была создана строго централизованная система управления, сфокусированная на царе, приданы милитаристские черты нарождающейся бюрократии, изменены структура армии и военного управления, урегулирован порядок престолонаследия,

придан институциональный характер императорской семье и нанесен смертельный удар екатерининским новациям в местном управлении»¹².

Попытаемся разобраться. Прежде всего нас должен интересовать вопрос: были ли павловские новации контрреформой по отношению к реформам Екатерины? На первый взгляд, несомненно. Однако само понятие контрреформы предполагает возврат к дореформенному положению. Между тем мы видели, что реформы Екатерины находились в русле тех процессов развития русского общества, которые были инициированы преобразованиями Петра I. Они лишь интенсифицировали эти процессы и модернизировали их в соответствии с велениями времени, как их понимала императрица. Ее целью было гражданское общество, но создать его она намеревалась с помощью административно-полицейского аппарата. С точки зрения Павла, Россия к гражданскому обществу готова не была и оно представляло для нее опасность. Поэтому полицейское начало стало для него из средства самоцелью. По существу, он попытался замедлить, если не остановить, те процессы, которые шли в русском обществе. С этой точки зрения его действия действительно означали попытку контрреформы. Однако арсенал средств, оказавшихся в его распоряжении, был невелик. По существу, ни дальнейшая централизация управления, ни закрепление статуса царской фамилии, ни попытки частичной нивелировки прав сословий не противоречили курсу, намеченному его предшественницей. Эта бедность средств указывает на то, что само пространство возможного реформаторского маневра к этому времени значительно сузилось. Попытка контрреформы, сведенная не к возврату назад, а к замедлению или остановке движения, была обречена на неудачу. Процессы, запущенные в действие петровскими реформами, можно было лишь корректировать, частично изменяя направление движения, как это делала Екатерина, но они были необратимы.

Другое важнейшее обстоятельство связано с качественно новым уровнем развития общественного сознания, о котором и говорит Карамзин. Павел сокрушался, что в истории русского дворянства не было рыцарского периода, но он не понял, что, пропустив этот этап, оно уже достигло более высокой стадии и не могло и не желало возвращаться назад. Как уже не раз бывало в этом столетии, любое наступление на свои права дворянство

встречало отчаянным сопротивлением. Да и само представление о рыцарстве было у императора искаженным. Он видел в нем лишь дисциплинированность и верную службу государю, не замечая, что понятия рыцарской чести, личного достоинства несовместимы с его попытками перенести на общество военно-полицейские порядки и тем самым ограничить гражданские права членов единственного свободного сословия. Само понятие гражданских прав, еще смутное, непродуманное и не оформленное юридически, было порождено екатерининским временем. Оно переплеталось с представлением об обязанностях государя, о принципах его взаимоотношений с подданными, о границах, которые он не смеет нарушать, оставаясь при этом самодержавным защитником национальных интересов. Переворот 1801 года стал, таким образом, результатом не просто заговора кучки гвардейских офицеров, но закономерной реакцией общества на монарха, не отвечающего его требованиям и своим поведением нарушившего границы дозволенного.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Возникшее в петровское время и подкрепленное в екатерининское представ-

21. Вид Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в.

ление об обязанностях монарха не только соответствовало новым государственным идеям, но и было своеобразной реакцией на то, что, уже начиная с первых Романовых, отношение русского общества к царствующей фамилии было иным, чем до этого. Ведь Романовы были *одними* из многих знатных семей, претендовавших на трон, они были *избраны* на этот трон, и потому те, кто их избрал, как бы инстинктивно ощущали себя вправе их оценивать. Авторитет царской власти пошатнулся и в связи с династическим кризисом, с тем, что на престоле в течение XVIII века оказывались люди относительно случайные. Об отсутствии этого авторитета ярко свидетельствуют, например, дела Тайной канцелярии за 30-е годы, в которых красной нитью проходит представление о том, что императрица (Анна Иоанновна) — обыкновенная «баба» и ничего царственного и божественного в ней нет.

Следует отметить и то, что резкий контраст между екатерининским и павловским царствованиями позволил современникам более точно оценить значение политики Екатерины II и, с другой стороны, породил миф о том, что ее время было «золотым веком» русского дворянства. Миф этот оказался очень живучим и отразился как в русской, так и в зарубежной историографии.

Второй важный вопрос, поднятый Р. МакГрю, а до него российским историком Ю.А. Сорокиным¹³, — это вопрос о влиянии павловских реформ на последующее развитие страны. Действительно, пришедший к власти Александр I продолжил процесс создания министерств, т. е. внедрение в управление принципов единоначалия, предпринимал меры по дальнейшему укреплению армии, также опирался на чиновничество, оставил в силе павловский закон о престолонаследии. Однако история царствования Александра I (1801—1825) — это, в сущности, история еще одного реформатора на троне, чьи замыслы были, безусловно, гораздо ближе к замыслам Екатерины II, нежели его отца, однако носили еще более радикальный характер. Ставя перед собой задачи достаточно глобальные и планируя перестройку всей системы управления, Александр не видел смысла в том, чтобы тратить время на такие «мелочи», как, например, восстановление екатерининских местных учреждений. Не стоило что-либо менять и в системе престолонаследия, если замысливалось вообще

изменить положение самодержца в системе власти. Да к тому же, павловский закон о престолонаследии лишь повторял то, что говорилось в неосуществленных проектах Екатерины. Что же касается бюрократизации управления, да и общества в целом, то пальма первенства здесь принадлежит прежде всего Петру I, а отнюдь не Павлу, и бороться с этим процессом можно было бы лишь одним способом — созданием гражданского общества, но никак не административными средствами. Но ту же узость реформаторского пространства, которую ощущал его отец, в еще большей мере почувствовал и молодой император. Решение всех сколько-нибудь принципиальных вопросов сразу же упиралось в проблему крепостничества, по существу не решаемую на этом этапе мирными средствами. Исторический шанс, упущенный на рубеже XVII—XVIII веков, продолжал напоминать о себе. Однако описание этой страницы русской истории уже выходит за рамки нашей задачи.

С переворотом 1801 года Россия вступила в XIX век. Впереди были безуспешные попытки реформ Александра I и победы над Наполеоном, восстание декабристов и позор Крымской войны, новые радикальные реформы, изменившие облик общества, и революционный террор, великая литература Пушкина и Толстого и еврейские погромы... Россия шла к самой важной дате своей истории — 1917 году. Но какую же роль сыграл в этой истории XVIII век? Чем он был для России? Каковы его итоги? Ответить на эти вопросы непросто. Ведь даже перед читателем этой небольшой книги прошел целый калейдоскоп разнообразных и противоречивых событий, имен, явлений. Их однозначная оценка невозможна, ибо все они, тесно переплетаясь, и составили русскую историю этого столетия, образовали то неразъединимое единство, в виде которого страна переступила его порог.

Мы видели, как, преодолевая кризис традиционализма, идя путем модернизации, Россия превратилась в империю, без согласия которой, как хвастался сделанный Павлом I канцлером А.А. Безбородко, не смела выстрелить ни одна пушка в Европе. Одетый в европейское платье, европейски образованный русский человек, ценитель и знаток философии и изящных искусств, стал полноправным членом семьи народов Европы, внося свой вклад в развитие ее цивилизации. Устройство русских государственных учреждений, многие законы, организация купеческих гильдий и ремесленных цехов, быт высшего общества во многом повторяли, а часто были просто скопированы с аналогичных западноевропейских институтов. Но одновременно с этим во всех сферах жизни ощущался и непреодоленный гнет русской исторической

традиции. И попадавший в Россию европейский путешественник, поначалу очарованный русским высшим светом и не находивший особой разницы между парижским и петербургским аристократическим салонами, вдруг с удивлением обнаруживал, что сам салон существует благодаря тому, что его хозяйка владеет несколькими сотнями крепостных рабов, а ее муж, с которым так приятно было обсуждать новейшие философские идеи, время от времени проигрывает этих рабов в карты...

Французский историк Жак Ле Гофф сравнительно недавно выдвинул концепцию «протяженного средневековья», согласно которой средние века начинаются в поздней Античности и заканчиваются лишь в XVIII или даже в начале XIX века¹. Историк исходит из того, что деревенская основа западноевропейского средневековья, а следовательно, и соответствующая ей ментальность оставались в течение этого времени почти неизменными. Но те ростки нового, на которые обращали внимание предшественники Ле Гоффа, вырастали из недр того же аграрного общества, и потому переход европейской цивилизации в качественно новый этап своего развития был относительно плавным и постепенным*. Иначе обстояло дело в России. Со времени петровских реформ русское общество составляло единство лишь номинально, поскольку было населением одного государства. Но две части этого общества, разделенные все расширяющейся культурной пропастью, существовали как бы в разном историческом времени, в разных временных измерениях. Для одной время остановилось, замерло и средневековье продолжилось еще на многие десятилетия**, для другой — началось Новое время, отсчет которого велся по европейским часам. Живя в разных измерениях, исповедуя разные ценности, представители этих двух частей русского общества говорили на разных языках и всё хуже понимали друг друга, отдаляясь друг от друга все дальше. Но при этом они были связаны между собой множеством нерасторжимых нитей, были взаимозависимы и все больше испытывали влияние этой взаимозависимости. Именно здесь, как уже упоминалось,

* Хотя, видимо, и не безболезненным, о чем свидетельствует Французская революция 1789 года.

** Насколько «долгим» было это средневековье — тема специального исследования, однако очевидно, что оно не закончилось и с отменой крепостного права в 1861 году.

корни русской интеллигенции, именно здесь, на мой взгляд, и объяснение особой «духовности» русской культуры с ее обостренной любовью к «народу», чувством стыда и долга перед ним. И здесь же истоки революционного радикализма на почве ложно понятых и привнесенных с Запада социальных теорий и неприимиримость борьбы с собственным государством. Тут — важнейшее противоречие, залог будущих социальных потрясений.

Из уже сказанного ясно, что, пытаясь выяснить значение XVIII столетия в русской истории, мы волей-неволей прежде всего вновь обращаемся к началу этого века, к петровским преобразованиям, ибо именно тогда произошли необратимые изменения, определившие развитие страны надолго вперед. Дело, конечно, не в том, что модернизация была не нужна или даже вредна России, она была неизбежна, и только она могла сберечь Россию как единое и независимое государство. Дело в том, что модернизация была осуществлена с опорой на русскую традицию государственного насилия и принуждения. Сама модернизация оказалась средством сохранения и даже усиления значения государства, которое одно только и могло удержать в повиновении эту огромную многонациональную страну с расколотым обществом. Крепостное право было этому государству необходимо, ибо оно укрепляло его власть над подданными, но оно же, крепостничество, становилось постепенно и главным врагом государства, поскольку истощало его силы, тормозило дальнейшую модернизацию, а дворянство при этом делало все более крепким и от государства независимым. Это также было заложено в петровских реформах. Ведь именно тогда дворянство стало превращаться в полноценное сословие, что для Петра I было, конечно, не целью, но средством модернизации. В условиях же экономической зависимости от крепостного крестьянства сословное развитие дворянства неминуемо влекло за собой усиление крепостничества и, следовательно, не приближало Россию к гражданскому обществу, а, наоборот, отдаляло. В свою очередь, государство все более зависело от дворян и его политика по удовлетворению их требований была, по сути, политикой компромисса, благодаря чему государству удавалось сохранять свою власть. Не забудем и о моральной стороне. Ведь крепостничество еще и развращало дворянство нравственно, создавало уродливые формы быта и проявления сознания. Искаженными оказались и формы взаимоотношений

дворянства с другими группами общества, для которых крепостничество также было преградой на пути социального роста и превращения в полноценные сословия.

Преемники Петра I, и в особенности Екатерина II, продолжили курс на модернизацию страны и, действуя более «цивилизованными» методами, отчасти скорректировали негативные последствия петровских преобразований. Однако полностью избавиться от внутренней противоречивости итогов этих преобразований им было не под силу. Новый структурный кризис был неизбежен, и охватить он должен был не только социальную и политическую сферы. Если во второй половине XVII века кризис в экономике проявлялся прежде всего во все большем отставании от других европейских стран, то и столетие спустя ни строительство новых заводов и появление новых отраслей, ни рост объемов торговли и торговых капиталов не могли принципиально изменить ситуацию, ибо в основе развития экономики по-прежнему лежал малоэффективный труд крепостных. Огромное же государство, озабоченное поиском средств для поддержания своей жизнеспособности, в состоянии было поддерживать лишь отрасли, работавшие на войну. Шанс исправить положение, даже путем радикальных реформ, становился все ничтожнее, пока катастрофа Крымской войны не развязала этот поистине гордиев узел. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о том, почему реформы 60—70-х годов XIX века не обеспечили тем не менее России развитие по пути западных стран и не предотвратили еще одну катастрофу в 1917 году. Замечу лишь, что, может быть, одна из причин в том, что процессы, возникшие в начале XVIII века, зашли слишком далеко и уже не поддавались лечению даже радикальными средствами. И тут немаловажное значение имеет, конечно, и воздействие этих процессов на формирование русской культуры, ментальности русского человека Нового времени.

Об одной их особенностях уже сказано выше, но особо следует остановиться на проблеме межнациональных отношений внутри империи и связанной с этим чертами имперской идеологии, ибо она проявлялась не только во внешней, но и во внутренней политике. Как уже говорилось, начиная с петровского времени в центре официальной идеологии как высшая ценность оказывается само государство. Но государство это стало много-

национальной империей с ведущей ролью русского народа и православием в качестве государственной религии. В этом контексте в общественном сознании складывалось представление об особой роли русских не только на международной арене, но и внутри страны, по отношению к населяющим ее нерусским народам. Присоединение этих народов к империи оценивалось исключительно как благо и даже как некая жертва, принесенная русским народом ради других и дающая право на господствующее положение в империи. Представление о русском народе как о благодетеле, обладающем, следовательно, несомненным превосходством над другими, — вот почва для самого агрессивного русского шовинизма. Можно не сомневаться, что для некоторых народов, например Закавказья, присоединение к России действительно означало спасение от, возможно, даже физического уничтожения. В ряде случаев речь шла о народах, отстававших от России в своем социальном, экономическом и политическом развитии. Но одновременно вхождение в состав империи означало и опасность насильственной русификации, угрозу национальным культурным традициям. Однако и это лишь одна сторона проблемы.

Положение русского народа как народа метрополии континентальной империи, при неравномерности социального и экономического развития различных регионов страны, означало, что именно на плечи русского народа, причем преимущественно представителей отнюдь не высших сословий, ложилось содержание и обеспечение кадрами огромной армии, полицейского аппарата, бюрократии, промышленности. Иначе говоря, именно на русский народ ложились и основные обязанности по поддержанию жизнеспособности этой огромной страны. Таким образом, господствующее положение русского народа было в реальности мнимым, и сам он, как народ метрополии, не извлекал из этого своего положения никаких выгод. При этом курс, взятый Екатериной II на унификацию управления в пределах империи (хотя и несколько скорректированный в первой четверти XIX века), формально означал равенство всех ее подданных, по крайней мере христиан. Однако, когда начиная с середины века представители прибалтийского дворянства, многие из которых ассимилировались с верхушкой российского дворянства и приняли православие, начинали играть все большую роль в управлении страной,

это вызывало раздражение и протест русских националистов. Причем подобная трактовка этих фактов сохранилась в историографии и поныне.

Следствием подобного положения был как рост русского национализма, шовинизма, ксенофобии, так и антирусских настроений, движений и восстаний, подавлявшихся опять же с помощью русских штыков. Межнациональные отношения были, таким образом, еще одной «бомбой замедленного действия» под зданием империи, которая рано или поздно, но неминуемо должна была взорваться.

Список противоречий, возникших в результате петровской модернизации и в ходе ее развития или сохранившихся в виде традиций допетровской Руси, можно было бы продолжить, но главный вывод состоит, пожалуй, в том, что Россия продолжала идти своим, «особым», путем и именно события XVIII века в значительной мере предопределили этот путь.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

1. *Monas S.* Forward to A.Yanov's «The Origins of Autocracy». 1981. P. XIII.
2. Литературная газета. 1988. 26 октября.

ГЛАВА 1. ТРЕТИЙ РИМ НАКАНУНЕ РЕФОРМ

1. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 38.
2. *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Haven, 1953.
3. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 519.
4. *MacKenzie D., Curran M.W.* A History of Russia, the Soviet Union, and Beyond, 1993. P. 92.
5. *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 466.
6. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Л., 1980. С.107,115.
7. *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси//История СССР. 1991. № 4. С.58.
8. *Фроянов И.Я.* Указ. соч. С.68.
9. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч.2. М., 1953. С. 38.
10. *Данилова Л.В.* Становление системы государственного феодализма в России: причины, следствия// Система государственного феодализма в России. М., 1993. Ч.1. С. 59 — 61.
11. *Гумилев Л.Н.* Указ. соч. С. 492.
12. *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от Ордынского ига. М., 1989. С.4.
13. *Pipes R.* Russia under the Old Regime. N.Y., 1992. P.106.
14. *Гальперин Г.Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С.41.
15. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С.409, 411.
16. О местничестве см.: *Эскин Ю.М.* Местничество в социальной структуре феодального общества// Отечественная история. 1993. №5. С.39 — 53; *Его же.* Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994.
17. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993. С.32, 34.

18. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С.22 — 35.
19. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 61 — 62.
20. Там же. С. 77 — 78.
21. Pipes R. Op.cit. P. 70 — 71.
22. Торке Г.-Й. Так называемые «земские соборы» (к вопросу о сословно-представительной монархии в России)// Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII вв. Чтения памяти А.А. Зимина. М., 1990. С.263 — 266.
23. Черепнин Л.В. Указ. соч. С.390.
24. См.: Гальперин Г.Б. Указ. соч. С.55; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969; и др.
25. Ср.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т.XXX. С.911; Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т.13. Стб.347; The New Encyclopaedia Britannica. Microaedia. 1975. 15th Edition. Vol.VIII. P.968.
26. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.80.
27. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 46.
28. Martin J. «Backwardness» in Russian Peasant Culture» in: Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. Ed. by S.H.Baron & N.S.Kollmann. Northern Illinois Univ. Press, 1997. P.19 — 33. Эта работа под названием «A Consideration of Theoretical Approaches to the Study of Economic Developments in 17th Century Moscow: "If it ain't broke, don't fix it."» впервые представлена на: Second Workshop in Early East Slavic Culture, Stanford University, 19-24 June, 1993.
29. См.: Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т.1. С. 56. (Глава написана А.Н. Медушевским.)
30. См.: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.
31. Морозова Л.Е. Михаил Федорович//Вопросы истории. 1992. №1. С. 39.
32. Весьма интересный, хотя и спорный, взгляд на эту проблему был представлен недавно В.М.Живовым: *Zbivov VM. Religious Reform and the Emergence of Individual in Russian Seventeenth Century Literature. // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine/ Northern Illinois Univ. Press, 1997. P.184 — 198.*
33. Anderson M.S. Peter the Great. 1978. P.13 — 14.
34. Богданов А.Л. Записки свидетелей преобразований// Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С.13 — 14.
35. Kollmann N.S. Ritual and Social Drama at the Moscovite Court. (Slavic Review. 45.*3. 1986. P. 493.)
36. See: Reform in Russia and the USSR. Ed. by R.O.Crummey. Urbana and Chicago, 1989. P. 2.
37. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1975. С. 35.

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ РЕФОРМАТОРА

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С.18.
2. Саловьев С.М. Сочинения. М., 1991. Кн.VII. С. 431.

3. *Нартов А.К.* // Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С.29.
4. Цит. по: *Буганов В.И.* Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV — XVIII веков. М., 1986. С.149.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т.4. С.352.
6. Архив кн.Ф.А.Куракина. СПб., 1890. Кн.1. С.50.
7. См.: *Богданов А.П.* Записки свидетелей преобразований // Россия при царице Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С.13—14, 354.
8. *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989. С.11; *Богданов А.П.* Указ. соч. С.8.
9. Цит. по: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 24.
10. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 19.
11. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 31.
12. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 34 — 35.
13. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 523.
14. См.: *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 25 — 26; *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 66 — 67.
15. *Boss V. Newton & Russia. The Early Influence, 1698 — 1796.* Harvard Univ. Press, 1972. P. 9 — 14.
16. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.1. С. 266.
17. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 81.
18. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 548.
19. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 210.
20. *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986. С. 70.
21. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 65.; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 82.
22. *Анисимов Е.В.* Там же.
23. Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 28.
24. *Миллюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С.543 — 546.
25. См.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М., 1985. С.152 — 155.
26. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1989. Ч.IV. С. 25.
27. *Raeff M.* «Peter's Domestic Legacy: Transformation or Revolution?» in: *Peter the Great Transforms Russia.* Ed. by J.Cracraft. D.C.Heath and Company, 1991. P.287.
28. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 40 — 41.
29. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 549 — 550.
30. Россия при царице Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 265.
31. *Crimmey R.O.* Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia. 1613 — 1689. Princeton Univ.press, 1983. P.163.
32. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 89.
33. Цит.по: *Черная Л.А.* От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1989. Вып.1. С.36.
34. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 600.
35. История Северной войны 1700 — 1721 гг. М., 1987. С. 46; *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 72.

36. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 94.
 37. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 50.
 38. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 142.

ГЛАВА 3. НАЧАЛО ИМПЕРИИ

1. Цит. по: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 145.
2. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VII. С. 605.
3. Там же. Кн.VIII. М., 1993. С. 85 — 86.
4. *Пыляев М.И.* Старый Петербург. СПб., 1889. С. 10.
5. *Шарымов А.*// Аврора. 1993. №7/8. С. 106 — 165.
6. *Анисимов Е.В.* Линии жизни//Петербургский мираж. СПб., 1991. С. 8.
7. *Ruble V. A.* Leningrad: Shaping a Soviet City. Univ. of California Press, 1990. P.XXVI,23.
8. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого//Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 241.
9. Там же. С.239 — 241.
10. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 164.
11. Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VIII. С.73.
12. Там же. Кн.VIII. С. 74, 158.
13. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С. 104.
14. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VIII. С.103.
15. Цит.по: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 239.
16. Там же. С. 253.
17. История Северной войны. 1700 — 1721 гг. М., 1987. С.73.
18. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 261.
19. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VIII. С. 211.
20. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.186.
21. Там же. С.187.
22. *Костомаров Н.М.* Мазепа. М., 1992. С.176.
23. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 88.
24. *Павленко Н.И.* Указ. соч. С.297.
25. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.146 — 149.
26. Цит. по: История Северной войны. С. 85.
27. *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С.204, 213.
28. *Anderson M.S.* «Poltava and Europe» in J.Cracraft,ed. Peter the Great Transforms Russia.1991, P. 38, 39.
29. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 503.
30. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 187 — 188.
31. *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 75.

32. Павленко Н.И. Указ. соч. С.333.
33. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.152.
34. Ключевский В.О. Указ. соч. Т.IV. С.150; Уланов В.Я. Преобразования управления при Петре Великом//Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1912. С.254.
35. Павленко Н.И. Указ. соч. С. 334.
36. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VIII. С. 427.
37. Павленко Н.И. Указ. соч. С. 371.
38. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.VIII. С.464.
39. Там же. С.506.
40. Там же. С. 480 — 481.
41. См.: Баггер Х. Указ. соч. С.101 — 102.
42. Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 477.
43. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.278 — 279.
44. Там же. С.278.
45. Там же. С.298 — 299.
46. Павленко Н.И. Петр Великий. С. 379.
47. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.457.
48. Павленко Н.И. Указ. соч. С.409 — 410.
49. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 230.
50. Цит.по: Павленко Н.И. Указ. соч. С.424.
51. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.394.
52. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т.6. С.317.
53. Cracraft J. «The Church Reform of Peter the Great» in Peter the Great Transforms Russia. Ed. by J.Cracraft. 1991. P.168.
54. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.310.
55. См.: Павленко Н.И. Указ. соч. С.557; Анисимов Е.В. Указ. соч. С.435.
56. Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С.279 — 281.
57. MacKenzie D. & Curran M.W. A History of Russia, the Soviet Union and Beyond. Fourth Edition. Belmont,1993. P.238.
58. Анисимов Е.В. Указ. соч. С.8.
59. Black C. «The Dynamics of Modernization» Harper & Row, 1966. P.121.
60. Raeff M., ed., Peter the Great Changes Russia, 2nd ed. (Lexington,Mass.; Toronto; London,1972). P.195.
61. Whittaker C.H. The Reforming Tsar: The Redefinition of Autocratic Duty in Eighteenth-Century Russia, Slavic Review, Spring, 1992, P. 78 — 79.

ГЛАВА 4. «ЭПОХА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ»

1. Анисимов Е.В. Путники, прошедшие раньше нас//Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С.4.

2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1989. Ч.IV. С. 238.
3. Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912. С.331.
4. *Бойцов М.А.* «...Клии страшный глас»//Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России: 1725 — 1825. М., 1991. С.9.
5. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 238.
6. *Анисимов Е.В.* Смерть в конторке//Родина. 1993. №1. С.139 — 140.
7. *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 98.
8. Три века. С.330.
9. *Белявский В.С.* Золушка на троне России//На российском престоле. М., 1993. С.7.
10. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. С.484.
11. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра 1. Л., 1982. С.283, 265.
12. *Курукин И.В.* Тень Петра Великого//На российском престоле. С.71.
13. Там же. С.106.
14. Там же. С.79.
15. Там же. С.101.
16. Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. СПб., 1873. С.11 — 16.
17. См.: *Каменский А.Б.* Российское дворянство в 1767 г. (К проблеме консолидации)//История СССР. 1990. №1. С.58 — 77.
18. Цит. по: *Саловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн.10. С.204.
19. См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991.
20. *Курляндский И.А.* На ладони судьбы//На российском престоле. М., 1993. С.142.
21. Рос. Гос. архив древних актов (РГАДА). Ф.180. Оп.1. Д.16Л.1.
22. Цит. по: *Курляндский И.А.* Указ. соч. С.139.
23. Цит. по: *Анисимов Е.В.* Анна Ивановна//Вопросы истории. 1993. № 4. С. 23.
24. См.: *Черникова Т.В.* Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны//История СССР. 1989. № 5. С.155 — 163.
25. См.: *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909; *Lipski A.* The "Dark Era" of Anna Ivanovna. American Slavic and East European Review. 15. (1956); *Черникова Т.В.* Указ. соч.; *Анисимов Е.В.* Анна Ивановна... С. 25 — 31.
26. *Анисимов Е.В.* Анна Ивановна... С.28.
27. *Юхт А.И.* Финансы//Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч.2. С.118.
28. *Курляндский И.А.* Указ. соч. С.145.
29. *Анисимов Е.В.* Путники, прошедшие раньше нас//Безвременье и временщики. Л., 1991. С.16.
30. *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. С.127.
31. *Епифанов П.П.* Военное дело//Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.212, 208.
32. *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С.127.

33. *Анисимов Е.В.* Анна Ивановна... С.33.
34. РГАДА. Ф.6. Д.283. Л.7.
35. Там же. Ф.7. Д.745. Л.4.
36. Цит. по: *Либрович С.Ф.* Император под запретом. СПб., 1912. С. 50.
37. Там же. С.59 — 60.
38. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Первое собр. Т. XI. № 8289.
39. *Шишкин И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годы. СПб., 1858. С. 282.
40. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880. Кн.1. С.339.
41. См.: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С.6 — 42.
42. Там же. С.40.
43. *Либрович С.Ф.* Указ. соч. С.113.

ГЛАВА 5. «ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧЬЯ Я ДОЧЬ...»

1. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С.28.
2. *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. СПб., 1890. Т.1. С. 437.
3. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в... С.42.
4. *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1911. С.134.
5. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в... С.45.
6. *Наумов В.П.* Елизавета Петровна//Вопросы истории. 1993. № 5. С. 58.
7. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1993. Кн.12. С.33.
8. *Brettan J.F.* Enlightened Despotism in Russia. The reign of Elisabeth, 1741 — 1762. NY., 1987. P.119.
9. См.: *Шмидт С.О.* Внутренняя политика России середины XVIII в.// Вопросы истории. 1987. № 3. С.42 — 58.
10. *Brettan J.F.* Op.cit. P.127.
11. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в... С.167.
12. Об «охранительной» позиции Ломоносова см.: *Каменский А.Б.* Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю// Ломоносов. Сборник статей и материалов. СПб., 1991. Т.9. С. 39 — 48.
13. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.184.
14. *Виттенбург Е.П., Самсонова Т.П., Теплов Г.Н.* Биографический очерк// Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т.9. СПб., 1991. С.80 — 89.
15. *Daniel W.L.* Grigorii Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. ORP Newtonville, MA, 1991. P.11.
16. *Валишевский К.* Указ. соч. С.187.
17. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.201.
18. Там же. С.188.

19. Цит. по: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.49.
20. *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л. 1941. Т.2. С.135.
21. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 590.
22. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.55.
23. *Brettan J.* Op.cit. P.155.
24. *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.143, 180.
25. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.57.
26. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С.162.
27. *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века... С.69 — 71.

ГЛАВА 6. ВЕК ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

1. *Наумов В.П.* Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования// На российском престоле. М., 1993. С.284.
2. de Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven and London, 1981. P.89.
3. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С.140.
4. *Фаизова И.В.* Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII столетия. Саратов, 1990. С.42 — 57.
5. См.: Мнение бывшего императора Петра III//Русский архив. 1871. С. 2055.
6. Ср.: *Alexander J.T.* Catherine the Great. Life and Legend. NY. Oxford, 1989. P.15; *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С.133 — 137; *Наумов В.П.* Удивительный самодержец... С.324; *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 67 — 81.
7. *Мыльников А.С.* Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991; *Его же.* Петр III//Вопросы истории. 1991. С. 43 — 58; *Leonard C.* «The Reputation of Peter III», Russian Review. Vol.47. № 3. (July 1993). P.263 — 292; см. также *Ее же.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia (Bloomington, Ind., 1993).
8. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1987. С.279.
9. Русские мемуары. 1800 — 1825. М., 1989. С.526.
10. See: *Alexander's J.* Catherine the Great: Life and Legend. NY. Oxford, 1989.
11. Русский архив. 1907. № 9. С.7.
12. *MacKenzie D. and Curran M.* A History of Russia, the Soviet Union, and Beyond. Belmont, CA, 1993. P.289.
13. *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. С.378 — 379.
14. *Rtsanovsky N.V.* Image of Peter the Great in Russian History and Thought. NY. Oxford, 1992. P.36.
15. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С.647.
16. Цит. по: *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. СПб., 1891. С.419.

17. *Bartlett R.P.* Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia 1762 — 1804. Cambridge, 1979. P.31.
18. РГАДА. Ф.10 (Кабинет Екатерины II). Оп.1. Д.12. Л.106.
19. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб. 1907. С.174 — 175.
20. Там же. С. 646.
21. *Griffiths D.M.* Of Estates, Charters and Constitutions.- Catherine's II Charters of 1785 to the Nobility and the Towns. Bakersfield, 1991. P.LII, LIII, XXV.
22. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С.626 — 627.
23. РГАДА. Ф.5. Оп.1. Д.120. Л.157 — 157об.
24. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т.7. С. 242, 245 — 246.
25. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1991. С.340.
26. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1904. Т.1. С.279 — 280.

ГЛАВА 7. ИМПЕРИЯ НАСТУПАЕТ

1. Записки императрицы Екатерины Второй. С.376 — 377.
2. РГАДА. Ф.1. Оп.1. Д.46. Л.16об.
3. Цит. по: *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин. Б/г. Т.2. С.270.
4. Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. XIV. С.280.
5. *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. СПб., 1885. С.418.
6. Цит. по: *Сегюр Л.Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С.454.
7. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т.V. С.56.
8. РГАДА. Ф.10. Оп.1. Д.17. Л.296. Записка впервые опубликована по-английски М.Раевым (*Raeff M.* The Empress and the Venetian Professor. Oxford Slavonic Papers. New Series, 1974. Vol.VII. P.38.), а по-русски в книге О.А. Омельченко.

ГЛАВА 8. «ОН ХОТЕЛ БЫТЬ ИОАННОМ IV»

1. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С.248.
2. *McGrew R.E.* Paul I of Russia. Oxford, 1992. P.206.
3. *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1986. С.71.
4. *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1985. С.446.
5. Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С.27.
6. *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т.V. С.175.
7. Цит.по: *Ожунь С.Б.* История СССР. (Лекции). Л., 1974. Ч.1. С.65.
8. Интересно мнение Д. Ле Донна, который полагает, что реформа имела "антибюрократическую направленность". (*Le Donne J.* Ruling Russia Princeton, NJ, 1984. P.61.)

9. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т.1. С.233.
10. *Латин В.* Семеновская история. Л., 1991. С.57.
11. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С.44 — 45.
12. *McGrew R.E.* Op. cit. P.355 — 356.
13. См.: *Сорокин Ю.А.* Российский император Павел I: Кандидатская диссертация. Томск, 1989; *Его же.* Павел I.// Династия Романовых. М., 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age: temps, travail et culture en Occident medieval. Paris, 1977.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август II, польский король 68, 71, 88, 93, 96, 97
Август III, польский король 166, 266
Адриан, патриарх 87
Александр Дж. (Alexander J.) 314
Александр I, император 177, 184, 259, 282, 287, 296, 299, 301
Александр Македонский 88, 97
Александр Невский 22, 29
Алексеев Ю.Г. 307
Алексей Михайлович, царь 43, 46, 51, 138, 158, 159
Алексей Петрович, царевич 108, 117, 118, 138, 146
Алексей, сын Анны Леопольдовны 176, 177
Амвросий (Зертис-Каменский), архиепископ 234
Андерсон М.С. (Anderson M.S.) 46, 308, 310
Анисимов Е.В. 9, 57, 61, 69, 73, 79, 95, 99, 101 — 103, 106, 115, 118, 121, 123, 127, 139, 147, 169, 181, 183, 190, 192 — 194, 196, 203, 308 — 314
Анна Иоанновна, императрица 141, 153, 154, 156 — 161, 163, 185, 186, 192, 224, 263, 299
Анна Леопольдовна, правительница 169 — 176, 191
Анна Петровна, цесаревна 107, 139, 146, 147, 152, 208
Анна, английская королева 104
Антон Ульрих, принц Брауншвейг-Люнебургский 169, 171, 173, 174
Антропов А.П. 253
Апостол Д. 192
Апраксин Ф.М. 60
Аргунов И.П. 253
Афанасьев Ю.Н. 12
Ахмат, хан 29

Баггер Х. 309, 311
Баженов В.И. 253, 256
Бартлетт Р. (Bartlett R.) 227, 315
Безбородко А.А. 220, 280, 301
Беккариа И. 229

- Беклешов А. А. 289
Бернет, архиепископ Солсберийский 66
Бескровный Л. Г. 167, 312
Бестужев-Рюмин А.П. 205 — 207
Бецкой И. И. 220, 251
Бильбасов В. А. 183, 313 — 315
Бирон Э.И. 161 — 164, 166, 168, 170, 172, 183, 186, 266
Блэк С. (Black C.) 129, 131, 311
Богданов А. П. 309
Бойцов М. А. 138
Борис Годунов, царь 38
Боровиковский В. Л. 253, 255
Бортнянский Д.С. 253
Босс В. (Boss V.) 309
Бреннан Д. (Brennan J.) 188, 189, 197, 313, 314
Брикнер А. Г. 272, 315
Бутурлин И. 146
- Валишевский К.* 193, 313
Валлен-Деламот Ж. 253
Василий III, царь 25, 30, 36
Васнецов В.М. 12
Вебер М. 42
Вельяминов И. 26
Вернадский Г. В. 20, 307
Вильгельм III Оранский, английский король, штатгалтер Голландии 66
Вильгельмина, принцесса Гессен-Дармштадская 286
Витворт Ч. 104
Виттенбург Е. П. 313
Виттрам Р. 112
Возгрин В. Е. 69
Возницын П.Б. 64
Волынский А.П. 156, 160, 161, 168, 169
Вольтер 189, 193, 219, 258
Воронцов А.Р. 220
Воронцов М.И. 207
Воронцов Р. И. 256
Воронцова Е.Р. 212
Вяземский А. А. 220, 226
Вяземский П. А. 217
- Гагарин М.П. 111
Гальперин Г.Б. 31, 307, 308

- Гамильтон Е.Г. 51
Ге Н.Н. 118
Голицын А.М., фельдмаршал 268
Голицын Б.А. 60
Голицын В.В. 47, 54
Голицын Д.М. 153, 154, 156, 160
Голицын М.М. 154
Головин Ф.А. 64, 85
Головкин Г.И. 104
Головкин М.И. 173
Гордон П. 60
Горн А.Б. 94
Готье Ю.В. 196, 314
Грейг С.К. 277
Григорьев В. 247
Гриффитс Д. (Griffiths D.M.) 8, 250, 315
Гроот Г. 218
Грязнов И.Н. 237
Гумилев Л.Н. 20, 21, 28, 307
- Данилова Л.В.* 23 — 25, 40, 307
Даниэл В. (Daniel W. L.) 313
Девьер А.И. 146
Девлет-Гирей, хан 271
Демидова Н.Ф. 308
Державин Г.Р. 253, 256, 288, 315
Дидро Д. 258
Дмитриевский И.А. 256
Дмитрий, царевич, внук Ивана III 54
Дмитрий Иванович Донской, великий князь 29
Долгорукая Е.А. 153, 155
Долгорукие, кн. 150, 151
Долгорукий А.Г. 153, 154, 160
Долгорукий В.В. 154
Долгорукий В.М. 209
Долгорукий И.А. 146, 149, 153, 160
- Евдокия Федоровна (Лопухина), царица 60, 64, 76, 142, 195
Екатерина I Алексеевна, императрица 106 — 108, 118, 138 — 141, 146, 147, 152, 165, 184
Екатерина II Алексеевна, императрица 38, 163, 184, 200, 208, 216 — 260, 263 — 291, 294 — 298, 304, 315
Екатерина Ивановна, царица 141

Елагин И.П. 256

Елизавета Петровна, императрица 107, 147, 152, 170, 171, 175, 177, 180 — 209, 227, 230, 263, 272

Етифанов П.П. 167, 312

Еропкин П.И. 234

Ерошкин Н.Л. 310

Живов В.М. 9, 113, 308

Зарубин-Чика И.Н. 237

Зимин А.А. 307

Иоанн VI Антонович, император 169 — 171, 175, 176, 191, 230

Иван III, царь 25, 29, 30, 36, 54

Иван IV Грозный, царь 32 — 34, 37, 38, 54

Иван Алексеевич, царь 53, 54

Илия Федорович, царевич 53, 56, 58

Иосиф II, австрийский император 271, 273, 276, 277

Ираклий II, царь Картли-Кахетинский 274

Каллаш В.В. 312

Карамзин Н.М. 295, 297, 316

Карл II, испанский король 70

Карл VI, австрийский император 166

Карл XII, шведский король 81, 82, 88, 96 — 98, 102, 103, 108, 122, 150

Карл Петер Ульрих, герцог Голштинский см.: Петр III

Карлович Г. фон 68

Карл-Фридрих, герцог Голштинский 141, 147, 165, 208

Кармартен П.О. 67

Каррен М. (Ситтан М.) 21, 130, 161, 307, 311

Кемпфер, шведский дипломат 56

Кинский, граф, австрийский канцлер 68

Ключевский В.О. 53, 72, 106, 137, 138, 141, 162, 259, 281, 288, 309, 310, 312, 315

Княжнин Я.Б. 253

Кобрин В.Б. 24, 307

Козицкий Г.В. 254

Коллменн Н.Ш. (Kollmann N.S.) 8, 41, 47

Колтон Т. (Colton T.) 47

Кольбер Ж.Б. 197

Константин Павлович, великий князь 272, 287

Корб И.Г. 85

Костомаров Н.И. 100, 310

Костюшко Т. 279, 289

- Кракрафт Д. (Cracraft J.)* 125, 311
Крамми Р. (Cruttney R.) 78, 309
Кромвель О. 13
Куракин Б.И. 54
Курбатов А.А. 79, 95, 110
Курляндский И.А. 158, 312
Курукин И.В. 146, 152, 312
- Латин В.Г.* 316
Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 302, 308, 316
Ле Донн Д. (Le Donne J.) 315
Левада Ю. 13
Левенвольде К.Р. 163, 173
Левенгаупт А.Л. 98
Левицкий Д.Г. 253
Лейбниц Г.В. 73
Леонард К. (Leonard C.) 217, 314
Леонтьев К.Н. 33, 307
Леопольд II 277
Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский 141, 169, 170
Лесток И.Г. 175, 191
Лефорт Ф. 60, 64, 74
Лещинский С. 96, 166
Либрович С.Ф. 313
Линар М.К. 169
Ломоносов М.В. 168, 190, 194
Лопухина Н.Ф. 191, 205
Лосенко А.П. 253
Людовик XIV, французский король 130
Людовик XV, французский король 231
- Мадариага И. де (de Madariaga I.)* 213, 273
Мазепа И.С. 98, 100, 101, 103
Майков В.И. 256
Мак-Грю Р. (McGrew R.E.) 288, 296, 299, 315, 316
Маккензи Д. (MacKenzie D.) 21, 130, 161, 307, 311
Марльборо, Джон Черчилль (Мальбрук) 97
Мамай, хан 29
Манштейн К. 160
Мария-Терезия, австрийская императрица 166, 188, 207
Мария Федоровна, великая княгиня 287
Мартин Д. (Martin J.) 42
Марфа Алексеевна, царевна 76

Масси Р. 9

Матвеев А.А. 104, 110

Матвеев А.С. 51 — 53

Медушевский А.Н. 308

Мейер М.С. 310

Менгден Ю. 174

Меншиков А.Д. 60, 92, 95, 100, 104, 109, 140, 146 — 149, 160, 165

Меншикова М.А. 148

Милославские 52 — 54

Милославский И.М. 65

Милюков П.Н. 72, 309

Миних Б.Х. 163, 166, 167, 169, 170, 172, 173, 175, 183, 186, 191

Мирович В.Я. 177, 230

Михаил Федорович, царь 42, 43, 47, 54, 138, 173

Михельсон И.И. 237

Мольер Ж.-Б. 88

Монас С. 12

Монс А. 57, 60, 74, 139, 191

Монс В. 139, 191

Монтескье Ш.Л. 203, 222, 228

Мориц Саксонский 165

Морозова Л.Е. 308

Мустафа-паша 277

Мыльников А.С. 217, 314

Наполсон I Бонапарт 301

Нартов А.К. 53

Нарышкин К.П. 51

Нарышкин Л.К. 62

Нарышкины 52, 53

Наталья Алексеевна, царевна 76

Наталья Алексеевна, великая княгиня *см.* Вильгельмина Гессен-Дармштадтская

Наталья Кирилловна, царица 51

Наумов В.П. 187, 313, 314

Никитин Р.Н. 253

Николай I, император 217

Никон, патриарх 46

Новиков Н.И. 254, 255, 257, 258, 289

Нолькен Э.М. 182

Ньютон И. 66

Ожунь С.Б. 315

Омельченко О.А. 95, 221, 233, 290, 315

- Орлов А.Г. 220, 268
Остерман А.И. 150, 151, 154, 175, 183, 191
- Павел I, император 184, 257, 281, 283 — 304, 316
Павленко Н.И. 9, 69, 79, 81, 98, 106, 109, 119, 309 — 311
Пайнс Р. (Pipes R.) 25, 38, 307, 308
Панин Н.И. 220, 224, 225, 256
Панин П.И. 256, 269
Панченко А.М. 48, 308
Пашкевич В.А. 253
- Петр I Алексеевич, император 10, 11, 15, 19, 48, 51 — 55, 66, 67, 70 — 149, 151, 161, 164 — 168, 171, 176, 182, 184, 186, 191, 195, 196, 200, 201, 222, 223, 236, 245, 287, 300
Петр II Алексеевич, император 138, 147 — 153, 155, 186
Петр III Федорович, император 149, 152, 184, 207, 208, 211 — 213, 215, 216, 224, 225, 232, 235, 255, 265, 266, 287, 294
Петр Петрович, царевич 118, 138
Петр, сын Анны Леопольдовны 176, 177
Платонов С.Ф. 105, 310
Погодин М.П. 130
Попов В.С. 259
Попов М.И. 256
Потемкин Г.А. 220, 273, 275, 276
Пресняков А.Е. 195
Пугачев Е.И. 233 — 238, 286
Пушкин А.С. 60, 92, 221, 258, 301, 315
Пыляев М.И. 310
- Радищев А.Н. 256 — 258, 289
Раев М. (Raeff M.) 73, 133, 309, 311, 315
Разумовский А.Г. 191 — 194
Разумовский К.Г. 192, 193, 227
Рейли Д. 7, 8
Реналь 258
Ренне К.Э. 108
Ретин Н.Н. 164
Репнин Н.В. 271
Рокотов Ф.С. 253
Романовы 299
Ромодановский Ф.Ю. 60, 61, 68, 103, 110, 113
Рубл Б.А. (Ruble BA.) 310
Румянцев П.А. 220, 227, 268, 293
Руссо Ж.-Ж. 258
Рязановский Н.В. (Riasanovsky N.V.) 222, 314

- Салтыков П.С. 208, 268
 Салтыкова Д. 246
 Самонова Т.П. 313
 Санин Г.А. 70
 Сафонов М.М. 296
 Сегюр Л.Ф. 315
 Семевский В.И. 276, 292, 316
 Симеон Бекбулатович 61
 Солженицын А.И. 12
 Соловьев С.М. 19, 52, 65, 68, 74, 76, 95, 99, 110, 111, 162, 187, 307 — 313, 315
 Сорокин Ю.А. 296, 299, 316
 София Августа Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская см. Екатерина II
 София, принцесса Бранденбургская 66
 София, принцесса Ганноверская 66
 София Доротея, принцесса Вюртембергская см. Мария Федоровна
 Софья Алексеевна, царица 47, 54 — 59, 75, 76
 Спиридов Г.А. 220
 Станислав-Август Понятовский, польский король 266, 270, 278
 Станиславский А.Л. 41, 308
 Старов И.Е. 253
 Стрешнев Т.Н. 60
 Строев В. 312
 Суворов А.В. 220, 267, 274, 277, 293
 Сумароков А.П. 253, 256
 Сусанин И. 173
- Тамерлан 88
 Тартаковский А.Г. 312
 Теплов Г.Н. 313
 Толстой М. 171
 Толстой П.А. 60, 93, 95, 146
 Торке Г.-Й. 38
 Тохтамыш, хан 29
 Третьяковский В.К. 168
 Троицкий С.М. 202, 314
- Уиттакер С. (*Whittaker C.H.*) 133, 311
 Украинцев Е.И. 78
 Уланов В.Я. 106, 137
 Ушаков А.И. 146, 160, 171
 Ушаков Ф.А. 220, 278
- Фаизова И.В. 214, 314
 Федор Алексеевич, царь 47, 52, 139

- Федор Иванович, царь 38
Федорова Е. 117
Фельтен Ю.М. 253
Феофан (Прокопович) 104, 128
Фергансон Э. 67
Фермор В. 207, 208
Филарет, патриарх 43, 54
Фомин Е.И. 253
Фон Круи, герцог 82
Фонвизин Д.И. 253
Фридрих Вильгельм, герцог Курляндский 141, 152
Фридрих II Великий, прусский король 65, 205 — 208
Фроянов И.Я. 23, 307
- Хвост А.П. 25
Хейзинга Й. 68, 309
Херасков М.М. 253, 256
Хмельницкий Б. 100
Христиан Август, принц Ангальт-Цербстский 218
Хьюз Л. (Hughes L.) 9
- Чаадаев П.Я.* 217, 314
Чайковская О.Г. 9
Черетнин Л.В. 37, 311
Черная Л.А. 309
Чернышovy 256
- Шагин-Гирей, хан 271
Шакловитый Ф.Л. 59
Шарлотта Христина София, кронпринцесса Вольфенбюттельская, жена царевича Алексея Петровича 108, 117, 141
Шарымов А. 89, 310
Шафиров П.П. 95, 104
Шемберг А. 164
Шепелев Д. 173
Шереметев Б.П. 60, 79, 89, 104, 113
Шетарди, де ла, И.-Ж. Тротти 159, 182, 191, 206
Шильдер Н.К. 287, 315
Шишкин И. 313
Шубин А. 186, 192
Шувалов А.И. 194
Шувалов И.И. 193, 194, 203
Шувалов П.И. 194, 197, 199 — 201

Щапов А.П. 53

Щербатов М.М. 138, 255, 256

Эйдельман Н.Я. 282, 288, 296, 315

Юлаев С. 237

Юлиана-Мария, датская королева 177

Юлий Цезарь 88

Юрганов А.И. 24, 307

Юрий Долгорукий 19

Юхт А.И. 312, 314

Ягужинский П.И. 95

Янов А.Л. 25

Серия «**Научная библиотека**»

О. Проскурин. **ПОЭЗИЯ ПУШКИНА,
ИЛИ ПОДВИЖНЫЙ ПАЛИМПЕСТ**

В книге рассматривается эволюция поэзии Пушкина в ее диалоге с русской поэтической традицией. Встреча Жуковского, Батюшкова и Ивана Баркова в «Руслане и Людмиле»; пародические подтексты южных поэм; Владимир Лянский как поэт-порнограф; деконструкция элегии и баллады в поэзии 1820-х годов; превращение мифа о священном государстве в миф о сакральной личности в поздней пушкинской лирике — таковы некоторые из тем новой монографии. В «Приложениях» вошли работы, в которых показана связь панталонов, фрака и жилета с полемикой о старом и новом слоге («Евгений Онегин»). Понимание интертекстуальности, предложенное автором, во многом по-прежнему по отношению к постструктуралистскому (и особенно деконструктивистскому) литературоведению.

М. Могильнер. **МИФОЛОГИЯ «ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»:**
радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет
семиотического анализа

Книга посвящена исследованию радикальной мифологии начала XX века, под влиянием которой находилась дореволюционная леворадикальная интеллигенция. Автор выявляет корни этой мифологии, обнаруживая многие из них в художественной словесности того времени. Анализ литературных произведений, героями которых были подпольные террористы, профессиональные революционеры и пр., позволяет проследить связь идеалов и ценностей интеллигенции с политикой, социальное функционирование соответствующих мифов.

Б. Ф. Егоров. **ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Ю. М. ЛОТМАНА**

Книга известного литературоведа Б. Ф. Егорова посвящена жизни и творчеству выдающегося ученого-филолога, историка литературы, культуролога, семиотика, пролагателя новых путей в области гуманитарных знаний, основателя и главы знаменитой Тартуской школы Ю. М. Лотмана. В своем исследовании многолетний друг и соратник Лотмана Б. Ф. Егоров соединяет житейскую биографию ученого с обстоятельным анализом его научного наследия. В книгу включены также военные воспоминания самого Лотмана и другие материалы.

Александр Борисович Каменский

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII ВЕКЕ:
ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Художник *Д. Черногаев*

Редактор *Е. Шкловский*

Корректор *Л. Морозова*

Верстка *К. Арест-Якубович*

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

12962 6, Москва,

абонентный ящик 55

тел. (095) 976-47-88

факс (095) 977-08-28

e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Офсетная печать. Печ. л. 20,5. Зак. 1152

Отпечатано с оригинал-макета в ППП типография «Наука

121099, Москва, Шубинский пер., 6

HISTORIA ROSSICA

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVIII ВЕКЕ: ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Книга известного отечественного историка Александра Каменского посвящена русскому XVIII веку – веку Просвещения. «Историк – человек своего времени, и те вопросы, которые он задает прошлому, даже если от этого не создает, в той или иной степени этому времени созвучны, – пишет автор. – События в России 1992-1994 гг., конечно же, не могли не сказаться на моей книге. Быть может, уже вскоре историкам следующего поколения станут вечать в России XVIII века нечто иное, но пока что, как мне кажется, поставленные в книге вопросы остаются актуальными».

ISBN 5-86793-073-4

9 785867 930738